АЛИ ХЕЙЗЕЛВУД

Шах и мат

Перевод Ольги Кузнецовой

роман

МИФ

АЛИ ХЕЙЗЕЛВУД
ШАХ И МАТ
Перевод Ольги Кузнецовой

Али Хейзелвуд

Шах и мат

Original title:
CHECK & MATE
by Ali Hazelwood

Научный редактор Екатерина Смирнова

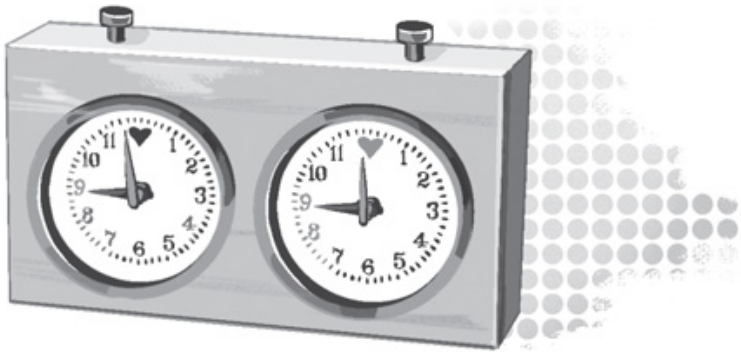
Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2023 by Ali Hazelwood

First published in the United States of America by G. P. Putnam's Sons, an imprint of Penguin Random House LLC, 2023

Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *



C. A. u X.

Пролог

– Мне достоверно известно, что ты секс-символ поколения Z.

Я едва не роняю телефон.

Ладно, на самом деле я его роняю, но успеваю поймать, прежде чем он упадет в стакан с аммиаком. Затем осматриваю кабинет химии в надежде, что никто ничего не заметил.

Остальные или переписываются, или бесцельно переставляют оборудование по парте. Миссис Агарвал и вовсе притворяется, что проверяет работы, хотя, скорее всего, занята чтением какого-нибудь эротического фанфика про Билла Ная[1].

От моей парты исходит надеюсь-не-смертельный запах этановой кислоты, но эйрподсы я, к счастью, не потеряла.

Никто не обращает внимания ни на меня, ни на видео, которое я смотрю, так что нажимаю на воспроизведение.

– Это цитата из выпуска журнала «Тайм» двухнедельной давности. С обложки, если быть точнее. Там под твоим фото подпись: «Секс-символ поколения Z». Ну и как ощущения?

Я ожидаю увидеть Зендею, Гарри Стайлса, Билли Айлиш или хотя бы BTS в полном составе на диванчике какого-нибудь вечернего шоу, которое алгоритм автовоспроизведения «Ютьюба» решил подсунуть мне сразу после окончания видео о водородном показателе. Но это всего лишь какой-то чувак. Нет, даже правильнее будет сказать мальчишка. В красном вельветовом кресле он выглядит

немного неуместно. Темная рубашка, темные слаксы, темные волосы, хмурое выражение лица. Едва ли можно понять, о чем он думает, когда говорит своим глубоким, серьезным голосом:

– Кажется, это неправильно.

– Неужели? – удивляется ведущий – как его там, Джим, Джеймс, Джимми?

– Я действительно отношусь к поколению Z, – отвечает гость, – но не могу сказать то же самое о секс-символах.

Зрители буквально смотрят ему в рот, аплодируют и улюлюкают. И именно в этот момент я решаю прочесть текст на экране. «Нолан Сойер». Тут же дается небольшое описание с пояснением, кто он такой, но мне оно и не требуется. Возможно, я не узнала бы его в лицо, но имя всегда было на слуху.

Разрешите представить вам Убийцу королей – лучшего игрока в шахматы в мире.

– Позволь мне кое-что сказать тебе, Нолан. Быть умным в наше время очень сексуально.

– Все еще не уверен, что подхожу под критерии, – его тон такой сухой, что я задаюсь вопросом, как агент вообще уговорил его на интервью.

Но зрители смеются, и ведущий к ним присоединяется. Он наклоняется вперед, заметно очарованный этим молодым человеком с телосложением атлета, смекалкой теоретического физика и состоянием как у предпринимателя из Кремниевой долины. Необычный, невероятно красивый вундеркинд, который отрицает свою уникальность.

Интересно, слышал ли Джим-Джеймс-Джимми то, что слышала я? Сплетни. Истории, которые люди пересказывают друг другу шепотом. Мрачные слухи о шахматном принце.

– Давай хотя бы сойдемся на том, что шахматы – это сексуально. И ты тот самый игрок, который сделал этот спорт популярным. Именно начало твоей карьеры ознаменовало возрождение массового интереса к шахматам. Видео одной из твоих игр завирусилось в тиктоке – шахтоке, как объяснили мне наши сценаристы, – и люди поголовно захотели научиться играть. Но обо всем по порядку. Ты гроссмейстер, а это высшее шахматное звание, которого игрок может достичь. Плюс ты только что выиграл второй матч

на первенство мира против… – ведущий смотрит в карточку в поисках имени, потому что остальные гроссмейстеры не на слуху, как Сойер, – Андреаса Антонова. Мои поздравления!

Сойер кивает.

– И тебе только что исполнилось восемнадцать. Напомни когда?

– Три дня назад.

Три дня назад мне исполнилось шестнадцать.

Десять лет и три дня назад я получила в подарок свои первые шахматы – пластиковые фигурки розового и фиолетового цветов – и заплакала от счастья. Я играла с ними дни напролет, повсюду таскала с собой и засыпала в обнимку.

Теперь я даже не могу вспомнить, что чувствовала, держа их в руке.

– Ты начал играть в юном возрасте. Тебя научили родители?

– Дедушка, – отвечает Сойер.

Ведущий выглядит ошеломленным, будто и подумать не мог, что такое возможно, но быстро приходит в себя.

– Когда ты понял, что играешь достаточно хорошо, чтобы назвать себя профессионалом?

– А я достаточно хорош?

В зале раздаются смешки. Я закатываю глаза.

– Давай так. Ты всегда хотел стать профессионалом?

– Да. И еще я знал, что нет ничего слаще победы.

Ведущий вздергивает брови:

– Так уж и ничего?

Сойер не сомневается ни секунды:

– Ничего.

– А…

– Мэллори? – На мое плечо опускается чья-то рука. Я подпрыгиваю, из уха вылетает наушник. – Тебе помочь?

– Нет! – улыбаюсь миссис Агарвал, засовывая телефон в задний карман. – Только что закончила смотреть видеоинструкцию.

– О, замечательно. Не забудь о перчатках, когда будешь добавлять кислый раствор.

– Не забуду.

Остальные почти закончили опыт. Я хмурю брови и пытаюсь ускориться. Несколько минут спустя, осознав, что нигде не могу найти

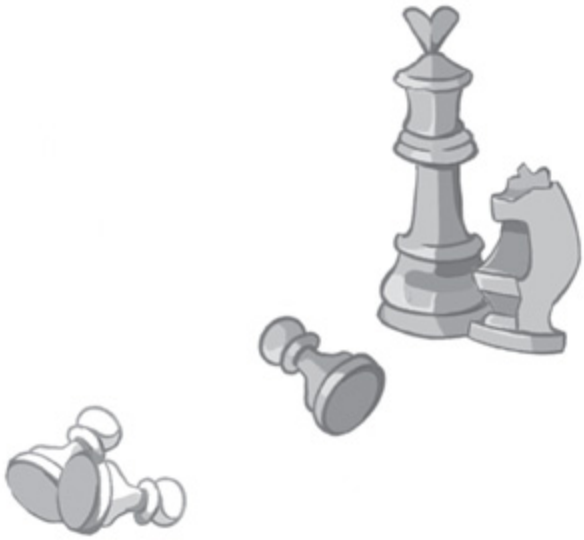
воронку и кругом рассыпаю пищевую соду, перестаю думать о Сойере и о том, как звучал его голос, когда он сказал, что никогда ничего не хотел так сильно, как играть в шахматы.

Я не вспомню о нем еще около двух лет. До тех пор, пока мы не встретимся в первый раз у доски.

И пока мне не удастся размазать его по стенке.

Часть I. Дебют

[2]



Глава 1

Два года спустя

Истон умна, потому что заманивает меня обещанием купить баблти. Но если бы она была умна по-настоящему, то дождалась бы, пока я пригублю свой шоколадный напиток с сырной пенкой и бобовыми шариками, прежде чем сказать:

– Сделай для меня кое-что.

– Нетушки. – Я ухмыляюсь, затем выдергиваю две трубочки из контейнера и предлагаю одну ей, но подруга как будто не замечает.

– Мэл. Ты даже не дослушала, что…

– Нет.

– Это касается шахмат.

– Что ж, в таком случае… – Я с благодарностью улыбаюсь девушке, которая протягивает мой заказ.

Мы несколько раз тусили с ней прошлым летом, о чем у меня сохранились смутные, но приятные воспоминания. Малиновая гигиеничка, мурлыканье группы «Бон Ивер» в ее «Хендае-Элантре», прохладная кожа. Ни в одном из этих воспоминаний нет ее, но на моем стаканчике она написала «Мелани», так что, думаю, мы квиты.

Обмениваемся с ней короткой, заговорщической улыбкой, и я поворачиваюсь к Истон.

– В таком случае – дважды нет.

– Мне нужен игрок. Для командного турнира.

– Я завязала. – Проверяю телефон. Время 12:09. У меня есть еще двадцать одна минута, чтобы вернуться в гараж. Мой босс Боб не совсем добрая и понимающая душа. Иногда я даже сомневаюсь, что она у него есть. – Давай посидим снаружи, прежде чем я проведу остаток дня, копаясь в «Шевроле-Сильверадо».

– Ну давай, Мэл, – сердится Истон. – Это шахматы. И ты все еще играешь.

Когда учительница моей сестры-шестиклашки Дарси объявила классу, что собирается отправить их морскую свинку на «ферму с зелеными лугами», Дарси решила выкрасть ее, сомневаясь, что это реальная ферма. Естественно, выкрасть свинку, а не учительницу. Я жила бок о бок с Голиафом Спасенным весь последний год, в течение которого мне приходилось отказывать ему в остатках от ужина, потому что ветеринар на коленях умолял нас посадить его на диету. К сожалению, у Голиафа есть сверхспособность: он пялится на меня, пока я не растаю. Собственно, в этом они с Истон похожи. Одинаковое выражение чистого, непреклонного упрямства.

– Не-а. – Я присасываюсь к трубочке. Божественно. – Я забыла правила. Напомни, как там ходит эта маленькая коняшка?

– Очень смешно.

– Нет, правда, что это за игра? Королева захватывает Катан[3], минуя золотое по…

– Я не прошу делать то, что ты делала раньше.

– А что я делала раньше?

– Ну, помнишь, когда тебе было тринадцать и ты положила на лопатки всех подростков в шахматном клубе Патерсона, а потом и взрослых? Им пришлось приглашать игроков из Нью-Йорка, которые тоже опозорились. Вот *такого* мне не нужно.

На самом деле мне было двенадцать. Я прекрасно помню это, потому что папа встал рядом со мной, положил руку на мое костлявое плечо и гордо заявил: «Я не выиграл у Мэллори ни одной игры с тех пор, как год назад ей исполнилось одиннадцать. Не правда ли, она невероятная?»

Но я не поправляю Истон и плюхаюсь на участок травы рядом с клумбой увядающих цинний. Сомневаюсь, что в Нью-Джерси живет хоть кто-то, у кого любимый месяц – август.

– Помнишь, что случилось на показательном сеансе? Когда я чуть не грохнулась в обморок, а ты велела всем отойти в сторону…

– …и отдала тебе свой сок. – Истон садится рядом со мной.

Краем глаза замечаю ее идеальные стрелки, затем перевожу взгляд на мой заляпанный маслом рабочий комбинезон. Мне нравится, что некоторые вещи не меняются. Перфекционистка Истон Пенья, у которой всегда есть план, и ее взбалмошная напарница Мэллори Гринлиф. Мы учились вместе с первого класса, но почти не общались, пока в возрасте десяти лет не стали ходить в шахматный клуб. Истон в каком-то смысле была уже довольно зрелой. С тех пор она почти не изменилась: потрясающая и крайне целеустремленная.

– Тебе правда нравится играть в это дерьмо? – спросила она меня, когда нас объединили для совместной партии.

– А тебе нет? – удивилась я.

– Конечно нет. Мне просто нужны разноплановые кружки. Университетские стипендии сами себя не заработают.

Спустя четыре хода я объявила ей шах и мат и с тех пор безумно полюбила.

Забавно, что Истон никогда не нравились шахматы так, как они нравились мне, но она до сих в них играет. Необычный любовный треугольник, надо признать.

– Ты все еще должна мне за тот сок, так что приходи на турнир, – приказывает она. – Для команды нужны четыре человека. Все остальные либо разъехались на каникулы, либо не могут отличить шахматы от шашек. Тебе даже необязательно побеждать. Вдобавок ко всему это ради благотворительности.

– Что за благотворительность?

– Это важно?

– Конечно. Может, это для правого аналитического центра. Или нового фильма Вуди Аллена. Или, в крайнем случае, какой-нибудь новой выдуманной болезни типа истерии или непереносимости глютена.

– Непереносимость глютена вполне реальна.

– Неужели?

– Еще как. А турнир посвящен… – Истон неистово барабанит пальцами по экрану смартфона. – Не могу найти, но давай начистоту. Мы обе знаем, что ты скажешь да.

Я хмурюсь:

– Ничего подобного.

– Может, ты и не знаешь, а я – еще как.

– Я не такая уж бесхребетная, Истон.

– Конечно. – Она принимается с вызовом жевать свои шарики тапиоки, внезапно напоминая больше медведя гризли, нежели морскую свинку.

Вряд ли она забыла, как в девятом классе уговорила меня стать вице-президентом во время школьных выборов президента, где она, судя по всему, рассчитывала на самый высокий пост. (Мы продули. Причем с отрывом.) Еще был десятый класс, когда Мисси Коллинс распространяла грязные слухи и Истон наняла меня, чтобы я взломала ее твиттер. Не стоит забывать и одиннадцатый класс, когда я согласилась играть миссис Беннет в школьном мюзикле по «Гордости и предубеждению», который ставила Истон. И все это несмотря на мои сомнения и диапазон в пол-октавы. Я бы наверняка согласилась на очередную дурацкую авантюру в выпускном классе, если бы моя ситуация не была такой… скажем так, финансово нестабильной. Именно поэтому все свободное время я проводила за работой в гараже.

– Мы все знаем, что ты не умеешь отказывать, – продолжает Истон, – так что соглашайся уже.

Я проверяю телефон. Еще двенадцать минут перерыва. На улице адское пекло, я подчистую допила свой бабл-ти, а тот, что Истон держит в руках, выглядит невероятно соблазнительно. Медовая дыня – мой второй любимый вкус.

– У меня нет времени.

– Это еще почему?

– Я иду на свидание.

– С кем? С тем парнем, похожим на плотоядный цветок? Или с двойником Пэрис Хилтон?

– Ни с одним из них. Но я обязательно кого-нибудь найду.

– Брось. Так мы хотя бы сможем провести вместе время перед колледжем.

Я сажусь, стукаясь своим локтем о локоть Истон.

– Когда ты уезжаешь?

– Меньше чем через две недели.

– *Что?* Мы же только выпустились, всего…

– Всего три месяца назад? Мне нужно быть в Колорадо к середине августа, чтобы попасть на ориентацию.

– О. – Это все равно что проснуться после небольшого послеобеденного сна и понять, что за окном уже темно. – О, – повторяю я, слегка шокированная.

Этот момент должен был наступить, но, видимо, я совсем потеряла счет времени, потому что сначала сестра заболела мононуклеозом, потом мама неделю провалялась в больнице, затем заболела другая сестра, и в итоге я взяла себе больше смен на работе. Признаться, мысль, что мы с Истон будем жить в разных городах, пугает. Не было ни одной недели, когда я бы не наблюдала за тем, как она играет в «Дрэгон эйдж», или говорит о «Дрэгон эйдж», или смотрит видео с прохождениями «Дрэгон эйдж».

Возможно, нам стоит подумать о новых увлечениях.

Я пытаюсь выдавить улыбку:

– Похоже, время и правда летит, когда тебе весело.

– А тебе весело, Мэл? – Истон прищуривается, и я прыскаю от смеха. – Несмешно. Ты вечно торчишь на работе. А когда не на работе, то возишь сестер по их делам или мать к врачу. И… – Она проводит рукой по своим темным кудрявым волосам и оставляет их в беспорядке – верный признак, что она раздражена. Пожалуй, на семь из десяти. – Ты была лучшей в классе. Ты просто фея математики и можешь запомнить что угодно! Тебе предлагали *три* стипендии, одна из которых была в Боулдере, где мы учились бы вместе. Но ты решила не ехать и теперь застряла здесь без какой-либо надежды на светлое будущее. И знаешь что? Это твой выбор, и я уважаю тебя за него, но тебе следует хоть раз позволить себе поучаствовать в чем-то веселом. В чем-то, что тебе действительно нравится.

Я пялюсь на раскрасневшиеся щеки подруги целых три секунды и почти открываю рот, чтобы сказать, что стипендия – это прекрасно, если хочешь учиться, но стипендия не оплатит ипотеку, или лагерь роллер-дерби для твоей сестры, или гранулы с витамином С для похищенной морской свинки. Ко всему прочему, стипендия не поможет избавиться от чувства вины, сидящей у меня в печенках. Почти не поможет. В последний момент я отвожу глаза и вижу время.

Уже 12:24. Черт.

– Мне нужно идти.

– Что? Мэл, ты злишься? Я не хотела…

– Нет, – я посылаю ей улыбку. – Просто мой перерыв закончился.

– Ты только пришла.

– Именно. Боб не в восторге от нормального рабочего графика и идеи баланса между работой и личной жизнью. Лучше скажи: ты будешь допивать чай?

Истон закатывает глаза, но все же протягивает мне свой стакан. Уходя, я сжимаю и разжимаю ладонь.

– Дай мне знать, что там с турниром! – кричит вслед Истон.

– Я уже сказала.

Раздается стон, затем ее голос резко становится серьезным:

– Мэллори!

Я разворачиваюсь, несмотря на то что есть все шансы, что несвежее дыхание босса ударит мне в лицо, когда он будет вопить, что я опоздала.

– Послушай, я не собираюсь заставлять. Но шахматы были для тебя всем. А сейчас ты не хочешь сыграть даже ради хорошего дела.

– Типа поддержки людей с непереносимостью глютена?

Она снова закатывает глаза, и я бегу на работу, смеясь на ходу. Едва не опоздав, хватаю инструменты, но прежде чем успеваю скрыться под кузовом машины, чувствую, как вибрирует телефон. На экране появляется скриншот объявления: «Командный турнир олимпийских клубов. Недалеко от Нью-Йорка. Совместно с “Врачами без границ”».

Я улыбаюсь.

МЭЛЛОРИ. ладно это хорошая организация

БРЕТ ИСТОН ЭЛЛИС. Говорила тебе! Еще смотри.

И отправляет мне ссылку на статью о непереносимости глютена. Оказывается, она все-таки существует.

МЭЛЛОРИ. теперь ВЕРЮ что это реальная штука

БРЕТ ИСТОН ЭЛЛИС. Говорила тебе.

МЭЛЛОРИ. это твоя козырная фраза

БРЕТ ИСТОН ЭЛЛИС. Моя козырная фраза: «Я была права». Так что, планируешь участвовать в турнире?

Я фыркаю и едва не пишу «нет». С трудом сдерживаюсь от того, чтобы напомнить Истон, *почему* я на самом деле больше не играю в шахматы.

Но затем вспоминаю, что скоро она уедет в колледж, а я останусь здесь совсем одна. Истон будет пытаться завязать разговор о последнем прохождении «Дрэгон эйдж» с кем-нибудь другим, кто захочет с ней просто пососаться. Представляю, как она изменится, когда вернется домой на День благодарения: с выбритыми висками, веганка, предпочитающая коровий принт. Вполне возможно, она превратится в совсем другого человека. Мы встретимся в знакомом месте, посмотрим сериал, который смотрели раньше, обсудим общих знакомых, но перестанем быть теми, кто мы есть сейчас, потому что встретим новых друзей, обретем новый опыт и воспоминания.

Грудь сдавливает от страха. Страха, что Истон изменится, расцветет и больше никогда не будет прежней. Но я буду. Здесь, в Патерсоне. Я законсервируюсь. Мы вряд ли будем об этом говорить, но обе знаем наверняка.

Так что я пишу:

МЭЛЛОРИ. лады. в последний раз

БРЕТ ИСТОН ЭЛЛИС. Видишь? Я была права.

МЭЛЛОРИ:

МЭЛЛОРИ. взамен ты отвезешь мою сестру в лагерь на следующей неделе чтобы я могла взять еще смены

БРЕТ ИСТОН ЭЛЛИС. Мэл, нет.

БРЕТ ИСТОН ЭЛЛИС. Мэл, прошу. Что угодно, только не это.

БРЕТ ИСТОН ЭЛЛИС. Мэл, это маленькие монстры.

МЭЛЛОРИ.

– Эй, Гринлиф! Я не плачу тебе за то, что ты сидишь в соцсетях или заказываешь себе сэндвич с авокадо. Чеши работать.

Я закатываю глаза. Мысленно, конечно.

– Мы сломанное поколение, шеф.

– Мне плевать. Иди. Работать.

Я опускаю телефон в карман комбинезона, вздыхаю и делаю то, что он говорит.

– Мэл, Сабрина ущипнула меня за руку и назвала вонючим хреном!

– Мэл, Дарси зевнула мне прямо в лицо, как самый настоящий вонючий хрен!

Я вздыхаю, продолжая готовить сестрам овсянку. Корица, обезжиренное молоко, никакого сахара, иначе я получу от Сабрины: «Прибью тебя. Слышала когда-нибудь про такую штуку, как забота о здоровье?» А для Дарси арахисовое масло, магазинная «Нутелла», бананы вместе с «Добавь еще немного “Нутеллы”, пожалуйста, я пытаюсь подрасти на фут перед восьмым классом!».

– Мэллори, Дарси только что пукнула на меня!

– Нет, это Сабрина по собственной дурости находилась рядом с моей задницей!

Я самозабвенно слизываю с ложки купленную по скидке «Нутеллу» и представляю, как добавляю в кашу жидкость для снятия лака. Всего ложечку. Или, может, две.

Побочным эффектом станет внезапная кончина двух людей, которых я люблю, как никого на свете. Но сколько плюсов! Больше никаких полуночных нападений на пальцы моих ног от Голиафа, который, не исключено, болеет бешенством. И никаких скандалов, что я постирала розовый лифчик Сабрины, положила его не туда или вовсе украла и отказываюсь сообщать его координаты. Никаких вездесущих постеров с Тимоти Шаламе, с которых он крипово пялится на меня.

Только я и моя острая заточка в благословенной тишине тюремной камеры Нью-Джерси.

– Мэллори, Дарси ведет себя как полная какашка…

Я роняю ложку и марширую в сторону ванной. Это всего три шага, потому что поместье Гринлифов совсем крошечное и стоит сущие гроши.

– Если вы двое не заткнетесь, – говорю я своим крутым, хриплым голосом, который бывает у меня только в восемь утра, – я отведу вас на фермерский рынок и обменяю на самый сладкий виноград, который смогу найти.

В прошлом году случилось нечто странное: буквально за ночь мои два маленьких сладеньких пельмешка из лучших друзей превратились во враждующих болотных ведьм. Сабрине исполнилось четырнадцать – и она стала делать вид, что слишком крута, чтобы быть нашей родственницей. Дарси же исполнилось двенадцать – и… ох. Дарси осталась такой же, какой была. Всегда носом в книжку, развитая не по годам и слишком много замечает. Мне кажется, именно по этой причине Сабрина на свои карманные деньги купила новый зам*о*к и вышвырнула сестру из их общей комнаты. (Я впустила Дарси к себе – отсюда и «эффект Моны Лизы»[4]: Тимоти Шаламе и последовавшие за этим приступы бешенства.)

– О боже, – Дарси закатывает глаза. – Расслабься, Мэллори.

– Да, Мэллори, разожми булки.

Ах да, эти неблагодарные отлично ладят, когда необходимо объединиться против меня. Мама говорит, что это переходный возраст. Я склоняюсь к тому, что они одержимы демонами. Но кто знает? В чем я уверена наверняка, так это в том, что мольбы, слезы или рациональные аргументы не самые эффективные способы привести их в чувство. Они цепляются за любое проявление слабости, и все заканчивается шантажом, после которого мне приходится покупать им нелепые вещи типа подушки с Эдом Шираном или магистерской шапочки для морской свинки. Мой девиз: «Доминируй через страх». Никаких переговоров с этими гормонально нестабильными анархистками, которые чуют кровь почище акул.

Божечки, я люблю их так сильно, что готова зарыдать.

– Мама спит, – шиплю я. – Клянусь, если вы не будете вести себя тихо, я напишу «вонючий хрен» и «полная какашка» у вас на лбу

перманентным маркером и отправлю на улицу в таком виде.

– Предлагаю еще раз подумать об этом, – заявляет Дарси, тыкая в меня своей зубной щеткой, – или мы сообщим в Службу защиты детей.

Сабрина кивает:

– Может быть, даже в полицию.

– Может ли она позволить себе адвоката?

– Сомневаюсь. Удачи с выгоревшим на работе, низкооплачиваемым адвокатом, которого назначит тебе суд, Мэл.

Я опираюсь на дверной косяк:

– Ну, вы теперь хотя бы в чем-то согласны друг с другом.

– Мы много в чем согласны. Например, в том, что Дарси – вонючий хрен.

– Сама такая! А еще ты шлюха!

– Если разбудите маму, – грожу я, – я вас обеих спущу в унитаз…

– Я не сплю! Не стоит засорять трубы, дорогая.

Я оглядываюсь. Мама на нетвердых ногах идет по коридору, и внутри у меня все переворачивается. В последний месяц по утрам ей стало особенно тяжело. Да что уж говорить, все лето я наблюдала за ее мучениями. Мельком смотрю на Дарси и Сабрину – обе, к их чести, выглядят виноватыми.

– Раз уж я встала вместе с цыплятками, могу хотя бы обнять своих матрешечек?

Мама любит шутить, что мы с сестрами уменьшенные копии друг друга: пепельные волосы, темно-голубые глаза, румяные овальные личики. Правда, Дарси достались все веснушки, Сабрина полностью приняла свою эстетику «Виско»[5], а что касается меня… Если бы в «Гудвиле» не было столько дешевой одежды в стиле бохо, я бы не была живым косплеем Алексис Роуз[6].

И все же нет сомнений, что все трое девчонок Гринлиф сделаны из одного теста; мы не слишком похожи на маму с ее загорелой кожей и поседевшими волосами, некогда темными. Если она и думает о том, что мы все пошли в отца, то никогда об этом не говорит.

– Почему вы вообще встали? – спрашивает она, поцеловав Дарси в лоб и поворачиваясь к Сабрине. – У вас тренировка?

Сабрина напрягается.

– Мои начнутся только на следующей неделе. Хотя есть шанс не попасть на них, если кое-кто не удосужится записать меня в лагерь Ассоциации роллер-дерби. Это нужно сделать до следующей пятницы.

– Все оплачу вовремя, – заверяю я.

Она смотрит на меня с максимальным скепсисом и недоверием. Будто я много раз разбивала ей сердце своей ничтожной зарплатой автомеханика.

– Почему ты не можешь заплатить сейчас?

– Потому что мне нравится играть с тобой, как пауку со своей жертвой.

И потому что мне нужно отработать еще несколько смен в гараже, чтобы накопить нужную сумму.

Сабрина щурится:

– У тебя нет денег, да?

Мое сердце пропускает удар.

– Конечно есть.

– Я уже почти взрослая. А Маккензи давно работает в этом месте с замороженным йогуртом, так что я могла бы спросить у нее…

– Никакая ты не взрослая. – Мысль о том, что Сабрине придется беспокоиться о деньгах, причиняет мне физическую боль. – Ходят слухи, что ты полная какашка.

– Раз уж мы заговорили о том, что нам нужно, – вмешивается Дарси с полным ртом зубной пасты, – Голиафу все еще одиноко без подружки.

– М-м-м, – я прикидываю количество отходов, которое смогут произвести два Голиафа. Фу. – В любом случае Истон любезно предложила отвезти вас в лагерь на следующей неделе. Я не буду просить вас хорошо себя вести. Даже сносно не буду. Потому что мне нравится ее выбешивать. Не благодарите.

Я выхожу из ванной, но перед этим замечаю, как сестры обмениваются удивленными взглядами. Их сильная любовь к Истон осталась в прошлом.

– Выглядишь очень мило сегодня, – говорит мне мама на кухне.

– Спасибочки, – я обнажаю зубы. – Воспользовалась зубной нитью.

– Шикарно. Может, еще и душ приняла?

– Воу, угомонись. Я тебе не модный инфлюенсер.

Она хихикает:

– Ты сегодня не в костюме.

– Это называется комбинезон, но спасибо за комплимент.

Я смотрю вниз на свою белую футболку, заправленную в ярко-желтую юбку с вышивкой.

– Я не собираюсь в гараж.

– Свидание? Давно ты на них не ходила.

– Никаких свиданий. Я обещала Истон, что… – замолкаю.

Мама чудесная. Самый добрый, терпеливый родитель из всех, что я знаю. Она бы не возражала, если бы я сказала ей, что иду на шахматный турнир. Но сегодня она взяла трость. Ее суставы выглядят набухшими и воспаленными. И я не произносила при ней слова на букву «ш» уже три года. Зачем ломать рекорд?

– Она уезжает в Боулдер через пару недель, так что мы поедем потусить в Нью-Йорк.

Мамино лицо мрачнеет.

– Мне бы так хотелось, чтобы ты еще раз подумала о том, чтобы продолжить учебу…

– Ну, ма-ам, – ною я обиженным тоном.

Методом проб и ошибок я пришла к лучшему способу заставить маму поменять тему. Обычно я говорю, что вообще не хочу в колледж и меня ранит, что она не уважает мой выбор. Возможно, это не совсем правда, да и я не в восторге, что приходится врать, но все ради маминого блага. Не хочу, чтобы кто-то в моей семье думал, что чем-то мне обязан, или чувствовал вину за мои решения. Так не должно быть, потому что я знаю, на что иду.

И если кого-то здесь можно винить, то только меня.

– Хорошо. Прости, пожалуйста. Я очень рада, что ты проведешь время с Истон.

– Правда?

– Конечно. Это твоя юность. Делай все, что делают другие девчонки, когда им восемнадцать, – мама задумчиво смотрит на меня. – Я просто рада, что у тебя выходной. Живем много раз, все такое.

– Правильно говорить «живем *один* раз», мам.

– Уверена?

Я смеюсь и, подхватывая сумочку, целую ее в щеку.

– Буду к вечеру. Ничего, что я оставляю тебя с этими мартышками? В холодильнике есть кое-что готовое. Сабрина была абсолютной занозой на прошлой неделе, так что если Маккензи или кто-то из друзей пригласит ее к себе домой, то не пускай.

Мама вздыхает:

– Ты помнишь, что тоже моя дочь? Ты не должна воспитывать их вместо меня.

– Эй, – я притворно улыбаюсь. – Я что, плохо справляюсь? Может, мне добавить седативного в завтрак маленьких гарпий?

Я так хочу, чтобы мама снова засмеялась, но она лишь качает головой:

– Мне не нравится, что я удивлена, когда ты берешь выходной для себя. Или что Сабрина смотрит в твою сторону, когда ей нужны деньги. Это не…

– Мама. *Мам*, – я улыбаюсь как можно более искренне. – Честное слово, все в порядке.

На самом деле, наверное, нет. Не в порядке.

Есть что-то глубоко неправильное в том, что на стартовой странице «Википедии» у нас сохранена статья о ревматоидном артрите. Или что по морщинам у маминого рта можно предсказать, насколько плох будет день. В прошлом году мне пришлось объяснять Дарси, что «хронический» означает «навсегда». Неизлечимый. Болезнь никуда не денется.

У мамы магистерская степень в области биологии, и она профессиональный медицинский писатель, причем чертовски хороший. Она написала множество образовательных материалов на тему здоровья, документы для Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов, а также изысканные заявки на гранты, которые приносили ее клиентам миллионы долларов. Но она фрилансер. Когда папа еще был с нами и она могла работать ежедневно, это не было проблемой. К сожалению, сейчас это не вариант. В некоторые дни боль мучает ее так сильно, что она едва может встать с кровати, не говоря уже о том, чтобы брать какие-то проекты. Ее запутанное донельзя заявление на получение пособия по инвалидности отклоняли уже четыре раза.

Но хотя бы я здесь. По крайней мере, я могу как-то помочь.

– Отдыхай, хорошо? – Я кладу ладонь на мамину щеку. Под ее глазами залегли угольно-серые тени. – Иди обратно в кровать. Чудовища сами себя развлекут.

Последнее, что я слышу, выходя за дверь, как Сабрина и Дарси жалуются на овсянку на кухне. Я делаю мысленную пометку затариться жидкостью для снятия лака, а затем замечаю выезжающую из-за угла машину Истон. Машу ей и бегу к дороге.

Это похоже на начало конца моей жизни.

Глава 2

– В этом турнире швейцарская система. Типа того. Хотя в реале не совсем так.

Истон собирает нашу команду вокруг себя, будто она Тони Старк, а мы Мстители, но вместо того, чтобы острить, она раздает значки шахматного клуба Патерсона. На втором этаже здания в районе Фултон-Маркет, должно быть, человек триста, не меньше, и я, похоже, единственная, кому не сказали, что одежда должна быть в стиле бизнес-кежуал.

Упс.

– Каждый из вас сыграет четыре партии, – продолжает Истон. – Турнир благотворительный, так что здесь полно любителей. Вместо рейтингов ФИДЕ будут использовать самостоятельную оценку уровня каждого игрока, чтобы определить соперника.

У ФИДЕ, Международной шахматной федерации – кстати, почему-то аббревиатура не МШФ; не уверена, но подозреваю, что здесь замешан французский язык, – сложная система оценки уровня игрока, которая позволяет определить рейтинг шахматиста. В семь лет я изучила тему досконально, потому что сходила с ума по шахматам и хотела стать гроссмейстером-русалочкой, когда вырасту. Сейчас я забыла большинство бюрократических деталей – возможно, чтобы запомнить более важную информацию, типа лучшего способа обжать клемму или сюжета первых трех сезонов «Как избежать наказания за убийство». Все, что я помню: попасть в рейтинг можно, сыграв

в любом турнире, который подается на обсчет в ФИДЕ. Конечно, я этого сто лет не делала, потому что сто лет не подходила к доске.

Если быть точной, четыре года, пять месяцев и две недели – и нет, я не перестану считать дни.

– Так что, мы должны сами определить свой уровень? – спрашивает Зак.

Он первокурсник из Монклера и присоединился к шахматному клубу Патерсона уже после того, как оттуда ушла я. У него явные амбиции заниматься шахматным спортом профессионально. Я видела его только один раз, дома у Оскара, и не скажу, что он мне понравился. Он постоянно встревал в разговор, чтобы упомянуть свой рейтинг ФИДЕ (2546-е место), час рассказывал о своем рейтинге ФИДЕ (2546-е место) и, судя по всему, вообще не понял, что я не собираюсь идти с ним на свидание, какое бы место в рейтинге ФИДЕ он ни занимал (2546-е, если вы вдруг забыли).

Но он не так плох, как Джош, еще один член нашей команды. Его заявка на победу – постоянные комментарии, что Истон поменяла бы ориентацию, если хотя бы раз с ним поцеловалась.

– Как капитан команды, я заранее сообщила о ваших навыках, – говорит Истон. – В общем, записала…

– А почему это ты капитан? – спрашивает Зак. – Не помню, чтобы мы обсуждали этот вопрос.

– Тогда я диктатор этой команды, – шипит она. Я делаю вид, что поправляю значок на футболке, чтобы скрыть улыбку. – Я записала Мэллори в самую сильную группу.

Мои руки безвольно повисают вдоль туловища.

– Истон. Я едва играла в последние…

– Зак там же. И я, – продолжает она, полностью меня игнорируя. Затем смотрит на Джоша и делает паузу для пущего эффекта, прежде чем сказать: – Слабая – для тебя.

Джош гогочет здоровым смехом избалованного мальчишки.

– Если без шуток, в какую группу ты…

Истон продолжает смотреть на него с крайне серьезным видом, и он опускает глаза в пол.

– Клуб заполучил твою историю поиска? – спрашиваю я Истон, когда мы вдвоем идем в сторону зала.

– С чего ты взяла?

– Готова поспорить, ты здесь не по своей воле, только не в компании этих двоих. Так что или кто-то узнал про порно со щупальцами или…

– *Нет* никакого порно со щупальцами, – она бросает на меня неодобрительный взгляд. – Менеджер клуба попросил собрать команду. Я не могла отказать, потому что он написал мне рекомендательное письмо для колледжа. Он просто воспользовался тем, что я ему должна. – Истон задевает плечами двух мужчин в костюмах, чтобы пройти к зоне соревнований. – Как и ты, свалив на меня своих сестер.

– Ты это заслужила, потому что привела Зака и эту ладью из его задницы.

– Ах, Зак. Вот бы узнать, какой у него рейтинг ФИДЕ…

Я смеюсь:

– Возможно, нам стоит спросить его и…

Мы заходим в дверь, и я забываю, что хотела сказать.

Суета в зале прекращается, а затем и вовсе воцаряется тишина.

Люди ходят рядом со мной, мимо меня, врезаются в меня, а я стою на месте, будто замороженная, не в силах сделать ни шага.

Передо мной столы. Множество столов соединили вместе, чтобы образовать длинные, параллельные, бесконечные ряды. Поверхность покрыта бело-голубыми скатертями, рядом прислонены пластиковые складные стулья, а между стульями…

Доски.

Десятки. Сотни. Не в самом лучшем состоянии: я даже отсюда могу сказать, что они старые и дешевые, на плохо вырезанных фигурках – сколы, поля грязные, краска на них поблекла. Передо мной уродливые наборы с несочетающимися фигурами. Запах в помещении такой же, как в моих детских воспоминаниях. Он соткан из знакомых простых нот: дерево, фетр, пот, несвежий кофе, аромат бергамота отцовского лосьона для бритья, дом, чувство принадлежности к чему-то, счастье и…

– Мэл? Ты в порядке? – Истон с хмурым видом трясет меня за плечи.

Не думаю, что это ее первый вопрос.

– Да. Да… – Я сглатываю, и становится лучше. Момент прерывается, сердцебиение замедляется, и я снова становлюсь

обычной светловолосой девушкой. А это просто комната. Шахматные фигуры – хлам. Вещи. Одни белые, другие черные. Одни могут передвигаться на определенные незанятые клетки, другие ограничены в своих ходах. Кого это вообще может волновать? – Мне нужно попить.

– У меня есть «Кристал лайт»[7] с клубничным вкусом. – Она протягивает свой рюкзак. – Он отвратительный.

– Ребята. – Зак наконец догоняет нас. – Без паники, я заприметил кое-какую большую шишку международного масштаба.

Истон драматично вздыхает:

– Кто там? Гарри Стайлс?

– Что? Нет.

– Малала?[8]

– Нет.

– Боже, Мишель Обама? Как думаешь, она подпишет мою карманную конституцию?

– Нет. Рудра Лал. Максим Алексеев. Андреас Антонов. Янг Джанг. Популярные игроки.

– О, – Истон кивает. – Ты имеешь в виду обычных, совсем не знаменитых людей?

Мне нравится наблюдать, как Истон издевается над Заком, но эти имена мне прекрасно известны. Я бы не узнала этих людей в лицо, но в тот период, когда дышала шахматами, я изучала их партии по книгам или шахматным программам, смотрела обучающие видео на «Ютьюбе». Воспоминания возникают, словно пробужденные после долгого сна электрические синапсы.

Лал: разнообразные дебюты, позиционная игра[9].

Антонов: хитрый, но играет технично.

Джанг: расчетливый, медленный.

Алексеев: все еще молодой, нестабильный.

Я пожимаю плечами, отгоняя воспоминания, и интересуюсь:

– Что они делают на турнире для любителей?

– Организатор хорошо знакома со всем шахматным миром, а в Нью-Йорке у нее свой шахматный клуб. Плюс победившая команда получит шанс выбрать организацию, куда от их имени отправят двадцать тысяч долларов. – Зак потирает руки, будто мультяшный злодей. – Надеюсь, меня поставят против кого-нибудь из мастодонтов.

– Вы, парни, думаете, что сможете победить? – брови Истон скептично взлетают. – Разве они не профи?

– Ну, я вроде как тренировался. – Зак смахивает несуществующие крошки со своего блейзера. – Мое место в рейтинге 2546-е. – Мы все закатываем глаза. – А у Лала сейчас спад в карьере. Видели, как он проиграл Сойеру на международных в Убуд две недели назад? Это был позор.

– Легко опозориться, когда играешь против Сойера, – замечает Джош.

– Что ж, я обыграл множество соперников.

У Истон дергается глаз.

– Ты сейчас сравнил себя с Сойером?

– Говорят, наши стили игры похожи…

Я кашляю, чтобы скрыть неожиданное фырканье.

– Уже известно, кто с кем играет?

– Отчасти, – Истон нажимает на разблокировку экрана и отправляет всем скриншот письма от организаторов. – Мы не знаем, кто наш противник, потому что это командный турнир. Но, Мэл, ты наш игрок номер один, и твой партнер – первый игрок из шахматного клуба «Маршалл». Пятый ряд, тридцать четвертая доска. Хорошие новости: ты играешь белыми. Первый тур начинается через пять минут. Ограничение по времени – девяносто минут. После этого начнется второй тур. Так что нам всем пора идти. – Истон тянет меня за руку. – Ты же не хочешь заставлять Лала ждать, пока надерешь ему задницу, правда, Зак?

Не уверена, что Зак уловил сарказм. Он расправляет плечи и с важным видом направляется к своей доске, а мне остается лишь задаваться вопросом, как скоро черная дыра антиматерии, из которой состоит его эго, поглотит Солнечную систему.

– Слушай, – шепчет Истон перед тем, как наши пути разойдутся, – я записала себя в слишком сильную группу. Скорее всего, меня раздавят за пять ходов, но я к этому готова. Все, чего хотел от нас клуб, – это наше формальное участие, и я его обеспечила. Это я к тому, что если ты решишь быстро продуть, то мы сможем заскочить в кэнди-бар Дилана и вернуться до начала второго тура.

– Ты платишь?

– Ладно уж.

– Хочу одно из тех печений с макароном внутри.

– Конечно.

– По рукам.

Чтобы получить шах и мат, большого ума не надо, тем более я так давно не играла. Сажусь за доску под номером тридцать четыре со стороны белых и наблюдаю, как заполняются места вокруг. Народ пожимает друг другу руки, представляется и болтает о пустяках в ожидании начала. Никто не обращает на меня внимания, и… я просто делаю это.

Тянусь к своему королю. Беру его в руку. Чувствую небольшую, идеальную тяжесть в моей ладони и мягко улыбаюсь, проводя пальцем по уголкам короны.

Глупый, бесполезный король. Не имеет никакой свободы передвижения, суетливо прячется за ладьей, и его невероятно легко загнать в угол. Крохотная часть мощи королевы – вот все, что у него есть. Он полнейшее *ничтожество* без своего королевства.

Мое сердце сжимается. Во всяком случае, хоть в чем-то мы с ним похожи.

Я ставлю короля на его клетку и пялюсь на линию из фигур. Вполне себе обычный, но в то же время завораживающий шахматный ландшафт. Мне он знаком больше, чем вид из окна моей детской спальни (ничего примечательного: сломанный батут, стая злобных белок и абрикосовое дерево, которое так и не научилось давать плоды). Он знаком мне больше, чем мое собственное отражение в зеркале, и я не могу отвести взгляд, несмотря на подступающие слезы, даже когда кто-то берет стул напротив и с грохотом раскрывает его, даже когда организатор объявляет начало тура.

Мой оппонент занимает свое место, и стол слегка двигается. В поле моего зрения появляется крупная ладонь. Я уже почти готова пожать ее, как вдруг слышу знакомый глубокий голос:

– Игрок номер один шахматного клуба «Маршалл». Нолан Сойер.

Глава 3

Он не смотрит на меня.

Его рука протянута для рукопожатия, но взгляд прикован к доске; и на долю секунды я перестаю понимать, что происходит, где нахожусь и зачем вообще сюда пришла. Даже не помню, как меня зовут.

Нет, подождите. Вот это я как раз помню.

– Мэллори Гринлиф, – я заикаюсь, касаясь его ладони. Она полностью поглощает мою.

Рукопожатие короткое, теплое и очень-очень жесткое.

– ШКП. То есть Патерсона. Клуб. Эм, шахматный клуб. – Я прочищаю горло. М-да. Вот это красноречие. Невероятно эффектно. – Приятно познакомиться, – лгу я.

Он возвращает мне точно такую же ложь:

– Взаимно, – и все еще не поднимает глаз.

Локти уперты в столешницу, взгляд прикован к фигурам, будто моя личность, мое лицо, все мое существо совершенно его не волнуют. Словно я всего лишь продолжение белой стороны доски.

Невозможно. Этот парень не может быть Ноланом Сойером. Может, это *не тот* Нолан Сойер? Который знаменитый. Секс-символ – что бы это ни значило. Парень, который пару лет назад был первым в мире, а теперь…

Я без понятия, чем сейчас живет Нолан Сойер, но он не может сидеть напротив меня. Игроки справа и слева без стеснения разглядывают его, и я едва сдерживаюсь, чтобы не крикнуть, что это всего лишь двойник. Таких, как этот парень, полным-полно. Офигенно похожий двойник, только и всего.

Это объяснило бы, почему он пришел сюда, а теперь сидит и ничего не делает. Очевидно, эта странная копия Нолана Сойера без понятия, как играть, и вообще он думал, что здесь турнир по маджонгу, а теперь не может сообразить, где его кости…

Кто-то прокашливается. Игрок рядом со мной, мужчина среднего возраста, забивший на собственную партию, следит за моей. Он недвусмысленно переводит взгляд с меня на фигуры и обратно.

Играю я, между прочим, белыми.

Черт… Мне нужно ходить первой. Что же делать? С чего начать? Какую фигуру взять?

Пешка на e4. Вот. Готово. Самый популярный, скучный…

– Мои часы, – рассеянно бормочет Сойер. Его взгляд прикован к моей пешке.

– Что?

– Тебе нужно нажать кнопку моих часов, чтобы я смог сделать ответный ход, – видно, что ему скучно, но вместе с тем он раздражен.

Смертельно напуганная, я чувствую, как краснею, и оглядываюсь вокруг. Не вижу глупых часов, пока кто-то – Сойер – на дюйм не подвигает их ко мне. Они были прямо у моей левой руки.

– Прошу прощения. Эм… Я знала про часы, только забыла. И…

Вот этот карандашик выглядит замечательно. Я бы с удовольствием воткнула его себе в глаз. Он твой? Могу взять взаймы?

– Все в порядке. – Он делает ход: пешка на e5. Запускает мои часы.

Теперь вновь мой ход, и, черт, придется передвинуть фигуры еще не раз. Партия против Нолана Сойера. Это несправедливо. Какая-то пародия на игру.

Может, поставить пешку на d4? После того как он съедает мою пешку, я передвигаю другую на c3. Подождите, что я творю? Я же… Я же не пытаюсь воспроизвести северный гамбит[10], правда?

«Северный гамбит – один из самых агрессивных дебютов в шахматах, – я буквально слышу голос отца. – Ты жертвуешь две пешки за первые несколько ходов, затем быстро атакуешь. Большинство хороших игроков знают, как защитить себя. Если тебе придется использовать этот прием, убедись, что у тебя готов надежный план».

Я фокусируюсь на своем вопиющем отсутствии надежного плана. Что ж, ладно. Я могла бы использовать рвотное ведерко, но вместо

этого вздыхаю и безропотно передвигаю слона на середину, потому что чем дальше, тем веселее.

Это катастрофа. Пришлите подкрепление.

Затем я делаю еще пять ходов, еще два и вижу, как Сойер начинает преследовать меня своими королевой и конем, отчего чувствую себя одним из тех жуков, которые случайно оказались у Голиафа в клетке. Придавленной. Расплющенной. Заранее проигравшей. Желудок сжимается – холодное, склизкое ощущение внутри заставляет тратить минуты впустую, и я просто бесцельно пялюсь на доску, пытаясь понять, как выбраться из западни, но ничего не приходит в голову.

Пока внезапно…

Всего три хода – и погибает мой многострадальный, потрепанный в бою слон, но я все-таки выпутываюсь из ловушки. Страх, который я ощутила вначале, постепенно тает и превращается в старое, знакомое ощущение: я играю в шахматы и знаю, что делаю. После каждого хода с силой нажимаю кнопку на часах Сойера и бросаю на него короткий любопытный взгляд, хотя он на меня по-прежнему не смотрит.

Выражение его лица невозможно прочитать. Он непроницаемый. У меня нет сомнений, что он воспринимает игру со всей серьезностью, но со стороны кажется отстраненным. Будто кроме него и ладьи ничего не существует. Он здесь, но в то же время не совсем. Его движения, когда он касается фигур, выверенные, просчитанные, четкие. Я ненавижу себя за то, что подмечаю это. Он выше мужчин, сидящих по обе стороны от него, и я ненавижу себя за то, что замечаю и это. Его плечи и бицепсы обтянуты тканью черной рубашки, и, когда он закатывает рукава, я вижу его предплечья и внезапно испытываю чувство благодарности, что мы играем в шахматы, а не соревнуемся в армрестлинге. Ненависть к себе становится максимальной.

Вечеринка ненависти Мэллори в самом разгаре – и вдруг Сойер передвигает коня. После этого мне приходится заново учиться дышать, поэтому времени ругать себя не остается.

Не то чтобы это неправильный ход. Вовсе нет. На самом деле, это вполне себе безупречное решение. Я вижу, что он замышляет: передвинуть коня еще раз, открыть меня, заставить сделать рокировку. Шах через четыре или пять ходов. Нож у моего горла, и я сдамся. Но.

Но, думаю, в другой части доски…

Если я заставлю его…

И он не уберет своего…

Сердце отчаянно колотится. Я не сдаюсь. Вместо этого выставляю вперед собственного коня, чувствуя, как слегка кружится голова. Впервые за… О боже, неужели мы играем уже сорок пять минут? Как это возможно?

Почему партия всегда пролетает так быстро?

Впервые с начала раунда я замечаю нечто новое, когда смотрю на Сойера. Его напрягшиеся плечи, прижатые к полным губам пальцы говорят, что он все-таки здесь. Играет партию. Со мной.

Ладно, *против* меня.

Я моргаю, и иллюзия исчезает. Он делает ход королевой. Берет моего слона. Переключает часы.

Я перемещаю коня. Съедаю его пешку. Переключаю часы.

Королева. Часы.

Снова конь. У меня во рту сухо. Часы.

Ладья. Часы.

Пешка. Дважды сглатываю. Часы.

Ладья съедает пешку. Часы.

Король.

Сойеру требуется несколько секунд, чтобы осознать, что произошло. Считаные мгновения, в которые он прикидывает все возможные сценарии этой партии. Я знаю наверняка, потому что вижу, как он поднимает руку, чтобы сделать ход королевой, будто это что-то изменит и у него есть шанс выдержать мою атаку. Мне приходится прочистить горло, прежде чем сказать:

– Шах… и мат.

Только тогда он впервые смотрит на меня. Глаза у него темные, взгляд ясный и серьезный. Он напоминает мне о нескольких важных, но забытых вещах.

Когда Нолану Сойеру было двенадцать, он занял третье место в турнире из-за спорного решения судьи о короткой рокировке. В ответ Нолан широким жестом смахнул со стола все фигуры. В тринадцать он занял второе место на том же самом турнире – и на этот раз перевернул стол. В четырнадцать вступил в конфликт с Антоновым то ли из-за девчонки, то ли из-за отмененной ничьей (слухи разнятся). Не помню, сколько ему было, но однажды он назвал бывшего мирового чемпиона мудаком за то, что тот сделал невозможный ход

во время разогрева. Я точно помню, что слышала эту историю и размышляла, кто такой «мудак».

Каждый раз Сойера штрафовали. Делали выговор. Он был постоянным объектом внимания журналистов шахматного мира. И каждый раз сообщество принимало его назад с распростертыми объятиями, потому что вот какая штука: больше десяти лет Нолан Сойер только и делал, что переписывал шахматную историю, переопределял стандарты и привлекал внимание общественности к этому виду спорта. Какой резон играть, если лучших не допускают к доске? Даже если этот самый лучший ведет себя как придурок… что ж. Нужно понять и простить.

Но не забыть. Все в сообществе знают, что Нолан Сойер – ужасный тип с переменчивым настроением и взрывным характером, источающий токсичную маскулинность. Что никто в истории шахмат так не воспринимал свое поражение. В истории любого вида спорта. В истории *истории*.

И раз уж он проиграл мне, кажется, это может стать проблемой.

Впервые с начала партии я понимаю, что десятки людей стоят вокруг нас и о чем-то перешептываются. Я хочу спросить, на что они смотрят и не идет ли у меня кровь из носа, нет ли проблем с одеждой или тарантула на ухе, но я слишком занята тем, что сама пялюсь на Сойера. Слежу за движениями. Пытаюсь понять, не швырнет ли он сейчас в меня часы. Меня не так просто запугать, но я бы предпочла избежать сотрясения мозга, вызванного шахом и матом, если вдруг он решит стукнуть меня складным стулом по голове.

Удивительно, но, похоже, ему достаточно только смотреть на меня. Губы слегка приоткрыты, глаза блестят, будто я нечто странное и знакомое, вызывающее вопросы, важнее жизни, и…

Он смотрит. Игнорировал меня двадцать пять ходов, а теперь просто пялится. Спокойно. С любопытством. К моей досаде, без всякой злобы.

До меня неожиданно доходит кое-что забавное: топ-игрокам пресса обычно дает милые прозвища. Художник. Пикассо от шахмат. Гамбит Моцарта. А что у Нолана?

Убийца королей.

Убийца королей едва заметно подается вперед, и его напряженное, изумленное выражение лица пугает меня сильнее, чем потенциальный

удар стулом.

– Кто… – начинает он, но для меня это уже слишком.

– Спасибо за игру, – выпаливаю я и встаю, несмотря на то что должна пожать ему руку, подписать карточку с протоколом и сыграть еще три партии.

«Нет ничего стыдного в том, чтобы отступить, если тебя пытаются загнать в ловушку, но ты все еще можешь выбраться, – говорил папа. – Нет ничего стыдного в том, чтобы знать свои способности и ограничения».

Стул, на котором я сидела, со скрежетом падает на пол, и я убегаю прочь, даже не попытавшись его поднять.

Глава 4

– Мэл?

– Мэл.

– Мэ-э-э-эл!

Я смаргиваю сон. Дарси прижалась своим носом к моему, глаза в утреннем свете выглядят насыщенно-голубыми, как вода на Галапагосских островах.

Зевок.

– Что случилось?

– Фу, Мэл, – она отшатывается, – почему у тебя изо рта пахнет, как от скунса в брачный сезон?

– Я… все в порядке?

– Да. Я сама приготовила себе овсянку. У нас закончилась «Нутелла».

Я сажусь или по крайней мере пытаюсь. Тру заспанные глаза.

– Вчера оставалось еще полбанки…

– А сегодня она закончилась. Круговорот жизни, Мэл.

– Как там мама и Сабрина?

– Нормально. Маккензи и ее отец забрали Сабрину. Мама в целом в порядке. Она встала, затем снова отправилась в кровать, потому что плохо себя чувствовала. Но там к тебе кое-кто пришел.

– Пришел?..

Воспоминания о вчерашних событиях постепенно возвращаются.

Моя королева объявила шах королю Сойера. Я бежала к поезду, спотыкаясь по дороге. Отправила Истон сообщение о «срочном деле» и выключила телефон. Унылый городской пейзаж за окнами поезда почему-то напоминал шахматную доску. Остаток вечера я провела за марафоном «Вероники Марс» с сестрой, и в мозгу не осталось никаких мыслей.

Не хочу хвастаться, но я хорошо умею переключаться. Если учесть, что я еще прекрасно определяю лучшее блюдо в меню, то это мой самый грандиозный талант. Именно так я заставила себя забыть о шахматах на несколько лет. И так умудрилась выживать все это время, не гипервентилируя по поводу и без. Или ты отстраняешься, или разоришься на ингаляторах.

– Скажи Истон, что…

– Это не Истон, – вспыхивает Дарси. – Хотя ты могла бы ее пригласить. Может, сегодня после обеда?

Не Истон?

– Кто тогда?

– Я ее не знаю.

Я издаю стон:

– Дарси, говорила же тебе, когда люди из «Тысячелетнего царства» стучатся к нам в дверь…

– …мы вежливо сообщаем им, что вечное спасение не в наших силах, знаю, но это не они. Спрашивают именно тебя, а не хозяина дома.

– Ладно, – я чешу затылок. – Ладно… скажи этому человеку, что я буду через минуту.

– Отлично. О, еще. Вчера пришло вот это. В получателях мама, но… – Дарси протягивает мне конверт.

У меня перед глазами все еще туман. Я снова моргаю, чтобы буквы перестали расплываться, но от прочитанного внутренности скручиваются в узел.

– Спасибо.

– Это уведомление, да?

– Нет.

– Про ипотеку?

– Нет. Дарси…

– У тебя есть деньги?

Я заставляю себя улыбнуться:

– Об этом не беспокойся.

Она кивает, но, прежде чем уйти, добавляет:

– Я спрятала его, когда забрала у почтальона. Мама и Сабрина не видели.

Веснушки у нее на носу образуют облачко в виде сердца; и моя единственная работающая извилина думает о том, как это несправедливо, что ей вообще приходится беспокоиться о подобных вещах. Ей двенадцать. Когда мне было двенадцать, моя жизнь состояла из бабл-ти и обновления сайта chess.com.

Я натягиваю грязные шорты и вчерашнюю футболку. С учетом вежливого замечания Дарси решаю прополоскать рот, пока включаю телефон. Оказывается, уже 9:13 и у меня миллион сообщений. Я смахиваю в сторону новые пары из приложения для знакомств, уведомления из соцсетей, новости. Пролистываю послания от Истон (она сначала паникует, потом допытывается: «Как от Сойера пахнет?»; следом идут несколько абзацев подобного содержания, а затем я вижу фото, как Истон мстительно вгрызается в макарон). И только потом выхожу из ванной.

Не знаю, кого я ожидала увидеть. Определенно, не высокую женщину со стрижкой пикси, тату-рукавом и бессчетным количеством пирсинга. Она поворачивается ко мне с усмешкой на ярко-красных губах. Ей, должно быть, под тридцать, может, чуть больше.

– Прости, – говорит она, указывая на сигарету. Голос у нее низкий и удивленный. – Твоя сестра сказала, что ты спишь, и я подумала, что тебе потребуется больше времени. Ты же не начнешь курить, потому что увидела, как курю я, правда?

Мои губы расплываются в ответной улыбке.

– Сомневаюсь.

– Хорошо. Никогда не знаешь, нынешняя молодежь довольно впечатлительная.

Она достает окурок, заворачивает его в салфетку и кладет в карман – может, чтобы не мусорить, может, чтобы никто не смог извлечь ее ДНК.

Ладно, больше никакой «Вероники Марс».

– Ты Мэллори, верно?

Я вздергиваю голову:

– Мы встречались?

– Нет. Я Дефне. Дефне Бубикоглу. Я бы на твоем месте не пыталась повторить, если только ты не говоришь по-турецки. Приятно познакомиться. Я твой фанат.

Из меня вырывается невольный смешок. Затем я понимаю, что она не шутит.

– Простите?

– Любой, кому удается победить Нолана Сойера, получает пожизненный набор восхищения от меня, – она театрально указывает в свою сторону. – Готова даже доставлять продукты.

Я напрягаюсь. О нет. Нет-нет. Что это такое?

– Извините. Вы ошиблись дверью.

Дефне хмурится:

– Ты не Мэллори Гринлиф?

Делаю шаг назад:

– Да, но это не такое уж редкое имя…

– Мэллори Вирджиния Гринлиф, которая была вчера на турнире? – Она достает свой телефон, куда-то нажимает, а затем протягивает мне с улыбкой. – Если это не ты, тогда у тебя серьезные проблемы и кто-то украл твою личность.

Она запускает видео. Тикток, в котором девушка объявляет Нолану Сойеру шах и мат своей королевой. Пряди светло-русых волос закрывают половину ее лица, стрелки размазаны.

Не могу поверить, что Истон не сказала, как дерьмово выглядят мои стрелки.

А еще не верится, что кто-то снял это видео, выложил в интернет и оно уже получило больше *двадцати тысяч лайков*. В мире вообще существует двадцать тысяч людей, умеющих играть в шахматы?

– Кстати, к чему был такой драматичный уход? – спрашивает Дефне. – Проблемы с двойной парковкой[11]?

– Нет. Я… ладно, это я, – провожу рукой по лицу.

Мне нужен кофе. И машина времени, чтобы вернуться в тот момент, когда согласилась помочь Истон. Возможно, я смогу даже отправиться в более раннее время и покончить с нашей дружбой.

– Что касается игры… это была просто случайность.

Дефне вздергивает бровь:

– Случайность?

– Именно. Знаю, выглядит так, будто я какая-то невероятно талантливая шахматистка, но я вообще не играю. Сойер, должно быть, запаниковал и… – Я замолкаю, потому что Дефне заливисто смеется. Судя по всему, я сказала что-то очень забавное.

– Ты хочешь сказать, что текущий чемпион мира по шахматам, а также чемпион мира по быстрым шахматам взял и запаниковал?

Я сжимаю губы:

– Даже у чемпионов бывают плохие месяцы.

– Сомневаюсь. На прошлой неделе он выиграл чемпионат Швеции по шахматам.

– Ну, – продолжаю упираться я, – он устал от всех этих побед и…

– Подруга, остановись. – Дефне делает шаг вперед, и до меня доносится приятный аромат цитрусов, смешанный с табаком. – Ты победила лучшего игрока в мире. Ты обвела его вокруг пальца своей игрой – например, вот этот твой финт? Как ты выбралась из ловушки? Твоя королева? Перестань принижать себя и признайся: Нолан вряд ли стал бы сдерживаться в своей игре. Думаешь, хоть кто-нибудь стал бы?

Дефне кричит. Краем глаза замечаю, как миссис Абебе, моя соседка, не отрываясь смотрит на нас из своего двора. В ее глазах ясно читается: «Нужна помощь?» Я осторожно качаю головой. Дефне похожа на страстную, громкоголосую чирлидершу. Думаю, она мне даже нравится, несмотря на то что пришла обсудить шахматы.

– Вряд ли я первая победила Сойера, – говорю я. На самом деле я знаю, что это не так. Я изучала его партии, когда еще… интересовалась шахматами. Антонов – Сойер, 2013-й, Рим. Сойер – Шанкар, 2016-й, Сиэтл. Энтони – Сойер, 2012-й…

– Нет, но такого давно не было. И, проигрывая, он делает глупые ошибки. Только сейчас не тот случай, насколько я могу судить. Ты просто была… лучше.

– Я не…

– И не то чтобы это твоя первая шахматная победа.

Я в растерянности трясу головой:

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, я немного погуглила и… – Дефне смотрит в экран телефона. У нее чехол с изображением Галактики и надписью «Шах и мат!». – Я нашла статьи о том, как ты побеждала в местных чемпионатах, и фотографии, где ты с завязанными глазами проводишь сеансы

одновременной игры. Кстати, ты была очаровательным ребенком. Я даже удивлена, что ты не участвовала в больших турнирах, потому что ты бы там всех порвала.

Я вспыхиваю.

– Моя мама этого не хотела, – выпаливаю я, сама не знаю почему.

Глаза Дефне расширяются.

– Твоя мама не поддерживает твою любовь к шахматам?

– Нет, ничего подобного. Она просто…

Мама обожала мои игры. Она даже выучила правила, чтобы понимать мою бесконечную болтовню о шахматах. Однако не собиралась уступать отцу. Б*о*льшую часть моего детства самой горячей темой в доме Гринлифов была убежденность отца в том, что ребенок, который настолько хорош в счете и запоминании идей, должен стать профессиональным игроком. Мама отвечала, что не хочет, чтобы я с раннего возраста находилась в гиперконкурентной среде, где каждый сам за себя. В такие моменты из ниоткуда возникала Сабрина и равнодушным тоном спрашивала: «Когда вы закончите спорить о своей любимой дочери, может, уже пообедаем?» В итоге родители договорились, что я начну соревноваться в больших турнирах, когда мне исполнится четырнадцать.

Но когда мне стукнуло четырнадцать, все изменилось.

– Мне было неинтересно.

– Понимаю. Ты дочь Арчи Гринлифа, верно? Думаю, я с ним встречалась…

– Прости, – резко перебиваю я. Резче, чем собиралась, из-за внезапно появившегося горького привкуса во рту. Все эти разговоры похожи на выкапывание трупов из могилы. – Прости, – повторяю уже мягче. – Ты здесь… по какой-то причине?

– Точно, да, – если ее и задела моя резкость, она этого не показывает. Зато удивляет меня следующим заявлением: – Я здесь, чтобы предложить тебе работу.

Я моргаю:

– Работу?

– Агась. Подожди, ты несовершеннолетняя? Потому что если да, возможно, кто-то из твоих родителей мог бы…

– Мне восемнадцать.

– Восемнадцать! Ты сейчас собираешься в колледж?

– Нет, – я сглатываю. – Больше никакой учебы.

– Что ж, все складывается идеально. – Дефне улыбается так широко, будто дарит мне подарок. Будто я буду от него в восторге. Будто сама идея, что я обрадуюсь, поднимает ей настроение. – Расклад такой: у меня есть шахматный клуб. Называется «Цугцванг»[12], он находится в Бруклине, рядом с…

– Я слышала о нем.

Клуб «Маршалл», может, и старейший, и самый прославленный клуб в Нью-Йорке, но в последние годы «Цугцванг» стал знаменит тем, что в нем играют не самые стандартные игроки. У него есть аккаунт в тиктоке, и некоторые видео иногда становятся вирусными. Они много взаимодействуют с шахматным сообществом и устраивают турниры по стрип-шахматам. Я смутно вспоминаю истории о напряженном соперничестве двух клубов. Думаю, этим и объясняется ликование Дефне по поводу моей победы над Сойером, раз он играет за «Маршалл».

– Тут вот какое дело. Некоторые из наших игроков решили использовать свои накачанные шахматами мозги для других занятий, и они отправляются в большой мир, находят себе работу в финансах или другой прибыльной сфере, где не чтят мораль, зарабатывают кучу денег и обожа-а-ают списание налогов. Если совсем коротко, то у нас много спонсоров. И в этом году мы учредили стипендиальную программу.

– Стипендиальную программу? – Она что, хочет, чтобы я взаимодействовала со спонсорами? Может, думает, я бухгалтер?

– В течение года мы будем выплачивать зарплату игроку, у которого есть потенциал стать профи. Тебя будут наставлять и посылать на турниры от нашего имени. Наша основная цель – помочь многообещающим шахматистам начать карьеру. Но мы также мечтаем о том, чтобы с попкорном наблюдать за тем, как ты снова надерешь задницу Нолану. Правда, последнее необязательно.

Я чешу нос:

– Не понимаю.

– Мэллори, я бы очень хотела, чтобы ты стала стипендиаткой «Цугцванга».

До меня не сразу доходят ее слова. Но когда доходят, то все еще крутятся в голове по инерции, потому что теперь я не уверена, что

правильно расслышала.

Она только что сказала, что будет платить мне, чтобы я играла в шахматы?

Это безумие. Просто невероятно. Подобная стипендия – что-то из разряда фантазий. Она может изменить мою жизнь. Это все, о чем могла мечтать четырнадцатилетняя Мэллори Гринлиф.

Как жаль, что та Мэллори уже выросла.

– Мне жаль, – говорю я Дефне. Она все еще смотрит на меня со счастливым выражением лица. – Я уже сказала, что больше не играю.

Радость на ее лице немного тускнеет.

– Почему?

Она мне нравится. Даже очень нравится, и на мгновение я решаю объяснить ей, как обстоят дела на самом деле. Проблемы. Жизнь. Мои сестры, мама, счета за роллер-дерби. Боб, замена дворников, потребность не в годовой стипендии, а в стабильной работе на долгие годы вперед. Отец, все воспоминания о нем, и та ночь, когда я поклялась, что с шахматами покончено. Навсегда.

Кажется, перебор для первой встречи, поэтому изрекаю короткую версию правды:

– Мне неинтересно.

Дефне мгновенно грустнеет. Ее брови слегка хмурятся; и какое-то время она изучает меня, будто только начала осознавать, что известно ей обо мне далеко не все. Ха.

– Скажу тебе вот что, – произносит она, – я сейчас пойду, воскресенье – самый загруженный день в «Цугцванге». Много всего надо подготовить. Но дам тебе несколько дней на размышления…

– Мое мнение не изменится…

– …а пока отправлю контракт на твою почту. – Она хлопает меня по плечу, и я снова оказываюсь в облаке лимонного аромата.

Замечаю, что одна из ее татуировок – это шахматная доска с расставленными фигурами. Скорее всего, какая-то знаменитая позиция, но не могу понять какая.

– Э… у тебя нет моей почты, – отвечаю я.

Она уже у своего «Фольксвагена-жука» 2019 года выпуска.

– О, у меня есть. Турнирная база данных.

– Какого именно турнира?

– Вчерашнего. – Дефне машет мне рукой и усаживается на водительское сиденье. – Я его организовала.

Я не жду, пока она уедет. Разворачиваюсь, возвращаюсь в дом и притворяюсь, что не заметила, как мама наблюдала за мной из окна.

Глава 5

Я окружена. В осаде. Меня безжалостно атакуют со всех сторон.

Вытекающая из «Хонды-Цивик» охлаждающая жидкость? Прямо надо мной.

Письмо об ипотеке от кредитного союза? В моем рюкзаке.

Сообщение от Сабрины с напоминанием оплатить роллер-дерби до пятницы и о ее разрушенной жизни, если я этого не сделаю? У меня в телефоне.

Суперзлодей Боб, беснующийся оттого, что я отказалась передать починку тормозов школьнику? Носится туда-сюда по гаражу.

Истон, бесперебойно засыпающая меня жалобами, будто я местный чиновник? Где-то рядом с «Цивиком».

Я успешно избегала ее целых три дня. Сегодня среда, и когда она появилась у меня на работе, то я не знала, где спрятаться. Ну, разве что под потоком охлаждающей жидкости.

– Ты ведешь себя странно, – в двадцатый раз говорит Истон. – Победила Сойера и *сбежала?* Отказалась от предложения играть в шахматы *за деньги?*

– Слушай, – начинаю я, но замолкаю. Отчасти потому, что протечка усилилась, отчасти потому, что устала объяснять.

Мне нужна стабильная, постоянная работа, где я смогу брать дополнительные смены, когда с деньгами станет туго. Мне нужно что-то здесь, в Патерсоне, на случай, если с мамой что-то произойдет и я

понадоблюсь сестрам. Меньше всего я сейчас хочу возвращаться в шахматы.

Эти три причины я могу объяснить ограниченным числом способов.

– Ты уезжаешь в следующую среду, верно?

Истон игнорирует мой вопрос.

– Люди обсуждают твою игру. На сайте chessworld.com анализируют каждый ход. Там пишут слова типа «шедеврально», Мэл. Зак не перестает отправлять мне ссылки!

Я заделываю дыру в радиаторе и выкатываюсь из-под «Цивика», затем хватаюсь за кроп-топ Истон с логотипом Колорадского университета и вытираю им нос. Детский сад, конечно.

– Зак в итоге сыграл с Лалом?

– Теперь тебе интересно, как прошел турнир? – Истон закатывает глаза. – Нет. Думаю, это к лучшему, потому что все остальные партии он продул.

Я злорадно усмехаюсь, но она тычет в меня пальцем.

– Эй, по крайней мере, Зак не оставил меня без игрока, потому что психанул из-за того, что Нолан Сойер ему подмигнул.

Я чувствую себя оскорбленной:

– Во-первых, я сильно сомневаюсь, что Нолан Сойер когда-нибудь кому-нибудь подмигивал, подмигнет или в принципе знает значение слова «подмигивать». – Я встаю и вытираю ладони о заднюю часть комбинезона.

Серьезное, напряженное выражение лица Сойера – это совсем не то, о чем я позволяла себе задумываться. Хорошо, *возможно,* мне снилось, как он пристально смотрит на меня через внезапно загоревшуюся доску. Или как толкает часы в мою сторону, едва улыбаясь, и говорит: «Ты знала, что я секс-символ поколения Z?» Или как опрокидывает меня, словно короля при сдаче, а затем упрямо протягивает руку, чтобы помочь подняться. Ладно, *возможно,* за последнюю неделю мне снились три разных сна с участием Нолана Сойера. И что? Подайте на меня в суд. Пришлите полицию сновидений.

– Во-вторых, у меня была чрезвычайная ситуация.

– Забыла выключить мультиварку?

– Что-то типа того. Эй, я хотела бы проводить тебя в аэропорт…

Голос Боба в основном здании становится громче, и я хмурюсь.

– Подожди секундочку, – говорю и бегу на знакомый шум, чтобы проверить, что случилось.

Когда-то мой дядя был совладельцем этого гаража, и я работала здесь во время каникул. У меня всегда была хорошая интуиция, когда дело доходило до починки вещей. Я легко догадывалась, как разные части образуют большую систему, представляла, как они работают вместе, вычисляла, как изменения в одной части влияют на остальные. «Совсем как в шахматах», – говорил отец. Не знаю, насколько он был прав, но дяде Джеку нравилось, что я была поблизости. А затем поблизости не оказалось его самого: через неделю после того, как я окончила школу и начала работать на него полный день, он принял неудачное решение продать свою часть Бобу и переехать на северо-западное побережье Тихого океана, цитирую, «ради данженесского краба». В результате мне приходится довольствоваться компанией Боба.

Ну и счастливица.

Я нахожу его в обществе незнакомой женщины и двух механиков. Руки уперты в бока – все они выглядят разозленными.

Точнее сказать, взбешенными.

– …за замену масла, и мне сказали, это будет стоит в районе пятидесяти баксов, не двести…

– Это за промывку двигателя.

– Что такое «промывка двигателя»?

– То, что нужно вашему авто, дамочка. Возможно, вам забыли сообщить о необходимости промывки, когда вы оставили вашу машину. С кем вы разговаривали?

– Девчонка. Блондинка, немного выше меня…

– Это я регистрировала машину, – улыбаюсь клиентке и захожу внутрь, игнорируя, с какой ненавистью глазеет на меня Боб. – Какая-то проблема?

Она мрачнеет:

– Ты не сказала, что моей машине нужна продувка… или как ее там. Я не могу себе это позволить.

Я разглядываю автомобили в сервисе, пытаясь отыскать тот, что принадлежит ей.

– У вас «Джетта-Седан» 2019 года, правильно?

– Да.

– Промывка двигателя ей не понадобится, – я ободряюще улыбаюсь. Она выглядит взволнованной и даже в каком-то смысле обезумевшей из-за денег – узнаю себя в ней. – У машины пробег меньше пятидесяти тысяч миль.

– Так промывка двигателя была не нужна.

– Абсолютно точно. Уверена, это ошибка и… – Я прерываюсь, осознавая, что именно она сказала. *Была*. – Простите, я правильно понимаю, что промывку *уже* сделали?

Она поворачивается к Бобу, твердая как сталь.

– Я не буду платить за эту работу! Даже ваш собственный механик заявляет, что она была не нужна. И больше я к вам обращаться не намерена! Но хорошая попытка.

Меньше минуты уходит, чтобы разобраться с оплатой пятидесяти долларов. Напряжение в гараже можно пощупать руками, и я стою у прилавка, ощущая болезненную неловкость, пока «Джетта» выезжает через ворота. Затем поворачиваюсь к Бобу.

Какой сюрприз, он почти дымится.

– Мне жаль, – говорю я со смесью раскаяния и злорадства, при этом пытаясь обороняться. Работа с Бобом вызывает у меня сложные, разноплановые эмоции. – Я не знала, что промывку уже сделали, иначе бы не сказала ничего подобного. Она выглядела так, словно у нее нет денег на…

– Ты уволена, – говорит он, даже не смотря на меня и все еще возясь с транзакцией.

Не уверена, что правильно расслышала.

– Что?

– Ты уволена. Я заплачу тебе то, что должен, но не вздумай возвращаться.

Я моргаю:

– Что ты…

– Ты меня достала! – орет он, разворачиваясь, а затем идет в мою сторону. Я делаю два шага назад. Боб не то чтобы крупный или высокий, но он хам. – Ты вечно это делаешь.

Я трясу головой, поглядывая на других механиков и надеясь, что они вмешаются. Но остальные наблюдают за нами с каменными лицами, и я…

Я не могу потерять эту работу. *Не могу*. У меня в рюкзаке лежит письмо, а на мобильный пришло новое сообщение – вероятно, о том, что морские свинки впадают в депрессию, когда живут поодиночке.

– Слушайте, мне жаль. Я работаю здесь больше года, и мой дядя…

– Твоего дяди здесь нет, и ты мне поперек горла. Ладно сама не разводишь на бабки, но мешать мне это делать? Собирай манатки.

– Но это не моя работа! Моя работа – чинить машины, а не втюхивать людям услуги, которые им не нужны.

– Больше это не твоя работа.

– Она права, вы не можете уволить ее.

Я оборачиваюсь. За мной стоит Истон с лицом, на котором читается: «А сейчас я поправлю твою грамматику, дружок».

– Существуют нормативно-правовые акты, которые защищают сотрудников от несправедливого завершения трудового…

– Как хорошо, что мы с блондиночкой с самого начала не связаны никакими обязательствами.

На это Истон нечего возразить. Да и я понимаю, что Боб может делать со мной все что захочет, поэтому молчу.

– Забирай вещи и вали, – говорит он в последний раз.

Как всегда, груб и отвратителен. Ничего не поделаешь. Я совершенно, абсолютно бессильна, и мне приходится сжать кулаки, чтобы не наброситься на него и не расцарапать лицо. Я заставляю себя уйти, пока не разорвала его в клочья.

– Мэллори…

Я останавливаюсь, но не поворачиваюсь.

– Из того, что тебе причитается, я вычту стоимость промывки двигателя.

Строго говоря, еще ни разу я не попадала в оползень, мое тело не мотало по острым горным скалам, чтобы в итоге его съели у подножия дикие кабаны. Но по ощущениям неделя после моего увольнения выдалась еще хуже.

И на то есть несколько причин. Во-первых, я не хочу беспокоить маму или сестер. А это неизбежно случится, если я расскажу им, что

Боб уволил меня. Так что в течение дня я не появляюсь дома, пытаясь найти новую работу. А это непросто, если учесть, что в Нью-Джерси все еще август и бесплатных мест с вайфаем и кондиционером в прекрасном 2023 году не так много. Впервые за долгое время я оказываюсь в городской библиотеке Патерсона. Она не изменилась с тех пор, как я была здесь в последний раз в семилетнем возрасте, и все так же рада мне и моему перегревшемуся ноутбуку в своих недофинансированных стенах.

Боже, храни библиотеки.

– После утомительного расследования, – говорю я Истон по телефону в вечер четверга после не самого продуктивного дня, – я обнаружила, что счета нельзя оплачивать золотыми слитками из «Кэнди краш». Настоящая трагедия. А чтобы устроиться механиком к кому-нибудь, кто не является твоим дядей-слеш-любителем-крабов, тебе нужны такие модные штуки, как сертификация и рекомендации.

– У тебя их нет?

– Нет. Хотя у меня есть комикс под названием «Мэллори – автомеханик», который Дарси нарисовала, когда ей было восемь. Думаешь, прокатит?

Истон вздыхает:

– Ты же помнишь, что у тебя есть еще один вариант?

Я игнорирую ее замечание и провожу следующий день в поисках чего-то еще – *чего угодно*. Патерсон – третий по размерам город в Нью-Джерси, черт его побери. Где-то должна быть работа для меня, любая работа, черт ее побери. Хотя это еще и третий густонаселенный город во всей Америке, а значит, здесь высокая конкуренция. Черт бы ее побрал.

Хуже всего красные цифры банковского счета, которые я вижу этим вечером. Мама дала мне доступ, когда отец исчез с горизонта. Чувствую, как кишки завязываются в узел.

– Эй, – зову я Сабрину, когда застаю ее одну в гостиной. Прячу руки в карманы, чтобы не заламывать их при сестре. – Кое-что насчет оплаты дерби.

Она отрывается от телефона и выпаливает с широко открытыми глазами:

– Ты же внесешь ее, правда?

У меня чешутся глаза оттого, что я целый день пялилась в монитор, и на мгновение – ужасное, пугающее, сбивающее с толку – я злюсь на Сабрину. На мою красивую, умную, талантливую четырнадцатилетнюю сестру, которая не знает, не понимает, как сильно я стараюсь. Когда мне исполнилось четырнадцать – в день моего глупого дня рождения, – все изменилось. Я потеряла отца, шахматы, *себя*. И с тех пор все, что я делаю, – только пытаюсь…

– Мэл, ты можешь, пожалуйста, не испортить мне хотя бы это?

Она не добавляет вслух «в отличие от всего остального», и раздувающийся пузырь гнева лопается и превращается в чувство вины. Вины за то, что Сабрине приходится просить меня о подобном. Если бы не мои тупые решения, сейчас не было бы никакой проблемы.

Я прокашливаюсь:

– В кредитном союзе какая-то путаница. Завтра схожу проверю, но ты не могла бы попросить об отсрочке? Всего на несколько дней.

Сабрина смотрит на меня:

– Мэл.

– Прости. Я заплачу сразу, как со всем разберусь.

– Все в порядке, – она закатывает глаза. – Дедлайн в следующую среду.

– Что?

– Я сказала, что до пятницы, потому что знаю тебя.

– Ты, маленькая… – Я облегченно вздыхаю и плюхаюсь на диван, чтобы защекотать ее.

Через тридцать секунд попытка защекотать превращается в объятие, и Сабрина смеется, говоря:

– Фу.

И:

– Это отвратительно!

И:

– Серьезно, Мэл, ты себя позоришь.

Затем она неожиданно спрашивает:

– Почему от тебя пахнет старыми книгами и яблочным соком? У нас что, есть сок?

Я беззвучно киваю и направляюсь в кухню, чтобы налить ей стакан. Чувствую, как задыхаюсь от бесконечной любви к сестрам и оттого, как мало могу им дать.

Вечером почта напоминает мне о непрочитанном письме от defne@zugzwang.com. Получено пять дней назад. Ответить? Я долго пялюсь на сообщение, но так и не открываю письмо.

В субботу и воскресенье мне наконец начинает везти: подворачиваются несколько подработок. Работа по саду для соседа, которому я иногда помогаю с ребенком, и выгул собак. Мгновенная оплата наличными – это, конечно, прекрасно, но нестабильно и не подходит ни в перспективе, ни с учетом кредита.

– Просто оплатите, – говорит мне кассир кредитного союза в понедельник утром, когда я показываю ей письмо, которое можно охарактеризовать только как «уважаемый бесполезный член общества, вот срочное напоминание о том, насколько вы не в состоянии позаботиться о своей семье».

– И желательно за все три месяца, которые вы просрочили, – женщина оценивающе смотрит на меня. – Скажите, сколько вам лет?

Не думаю, что выгляжу младше своих лет, но это не имеет значения, потому что восемнадцать – довольно юный возраст, даже если он таким не ощущается. Возможно, я всего лишь ребенок, который притворяется взрослым. В таком случае у меня не очень хорошо получается.

– Думаю, лучше позволить вашей маме с этим разобраться, – говорит кассир со всей возможной добротой.

Но у мамы выдалась тяжелая неделя, одна из худших с того момента, как ей поставили диагноз, и нам, скорее всего, вновь придется перейти на другие лекарства, хотя это дорого. Я велела ей отдыхать, сообщила, что у меня все под контролем и я взяла несколько дополнительных смен.

Ну, вы понимаете. Соврала.

– Ты выглядишь уставшей, – сообщает Джианна, когда я появляюсь у нее на пороге этим вечером, отчаянно стараясь не думать о деньгах.

Мы вместе ходили на алгебру. В этом доме мы обычно делали домашку и, минуту поработав над функциями, проводили два часа за развлечениями в ее комнате. Сейчас родители Джианны в морском путешествии, а она сама меньше чем через неделю уезжает в маленький колледж свободных искусств. Хасан, другой мой хороший друг, покинет меня через неделю после ее отъезда.

– Усталость – это мои заводские настройки, – говорю я с вымученной улыбкой.

По возвращении домой – не такой расслабленной, как надеялась, – получаю сообщение от Истон («Просто прими стипендию, Мэл») и заставляю себя открыть шаблон договора.

Это неплохие деньги. Неплохой график. Добираться не очень близко, но, когда сестры пойдут в школу, станет легче. Дефне даже готова рассмотреть гибкий график.

И все же здесь есть над чем подумать. Мои чувства к шахматам слишком сильно связаны с чувствами к отцу. Эти две сущности переплетены. Они сотканы из боли. Сожалений. Ностальгии. Вины. Ненависти. И ненависти там больше всего. Внутри меня тоже слишком много гнева. Горы, целые горные хребты, без единого пика, не пылающего ненавистью.

Я зла на папу, зла на шахматы и потому не могу играть. Довольно просто.

Но если отстраниться от всего этого, достаточно ли я хороша? Знаю, что талантлива – мне говорили об этом бесчисленное множество раз самые разные люди. Но я не тренировалась годами и, честно говоря, считаю, что победа над Ноланом Сойером (который в моем последнем сне отломил кусочек от своей королевы и предложил мне, будто «Кит-кат») и правда была чистой случайностью.

Дарси спит на двуспальной кровати рядом с моей и храпит, как мужчина средних лет, страдающий одышкой. Голиаф бесцельно носится по своей клетке. Соль в том, что шахматы – это спорт и, как в других видах спорта, кто-то в нем побеждает. Все слышали про Усейна Болта, но всем по барабану, кто пятнадцатый самый быстрый человек в мире, пускай он тоже бегает чертовски быстро.

В закусочной, где я когда-то работала официанткой, всегда требуются люди, и местный продуктовый магазин наверняка кого-то ищет, но всё это стартовые позиции с минимальной зарплатой. Недостаточно. Я продолжаю размышлять обо всем этом во вторник и жалуюсь на свои страдания по телефону.

– Послушай, ты, упрямая сучка, просто прими стипендию и получи от нее удовольствие, – раздраженно, но с любовью произносит Истон, и внезапно мне становится страшно.

Я боюсь, что она забудет обо мне, что я никогда не сравнюсь со стандартами Колорадо и людьми, которых она там встретит. Знаю, что вскоре потеряю ее. Подобный исход кажется настолько неизбежным и предопределенным судьбой, что я даже не заморачиваюсь, чтобы озвучить свои страхи.

Вместо этого спрашиваю:

– Что ты имеешь в виду?

– Ты можешь взять деньги и целый год играть так хорошо, как сможешь, но в то же время тебе не нужно беспокоиться о шахматах. Не думай о них после того, как встанешь из-за стола. Тебе не нужно быть одержимой игрой или поглощать всю связанную с ними информацию, как было до тех пор, пока твой отец… Просто включайся и выключайся. А в свободное время можешь получить свой сертификат механика.

– Ха, – выдыхаю я, впечатленная ее более-менее коварным планом. – Ха.

– Всегда пожалуйста. Ну что, справишься?

– Справлюсь с чем?

– Не будешь сходить с ума из-за кое-чего?

Я улыбаюсь:

– Не понимаю, о чем ты.

Истон улетает в среду и накануне заезжает ко мне, чтобы попрощаться. Я ожидала чего-то другого. Думала, мы расстанемся у паспортного контроля и я буду наблюдать, как взлетает ее самолет. Но в этом нет никакого смысла: нам по восемнадцать. У Истон есть родители, и они не прикованы к постели, все еще вместе и заботятся о ней, так что именно они повезут ее в аэропорт и оплатят хорошенькую комнатку в общежитии со своего 529-го счета[13], который не опустеет, когда наступит душераздирающая кончина старого бойлера.

– Обязательно приезжай в гости, – просит Истон.

– Да, – отвечаю я, зная, что, конечно же, не приеду.

– Когда я вернусь, мы поедем в Нью-Йорк и купим тот макарон, который ты не заслуживаешь.

– Не могу дождаться, – говорю я, зная, что ничего подобного не случится.

Истон вздыхает, будто может прочесть мои мысли, и обнимает меня, а затем приказывает писать ей каждый день и беречься ЗППП. Дарси, кружащая вокруг нас с глазами в форме сердечек, спрашивает, что это такое.

Я еще долго смотрю на дорогу после того, как ее машина скрывается из виду. Глубоко вздыхаю и очищаю разум, позволяя себе редкий, прекрасный, роскошный момент тишины. Думаю о пустой шахматной доске. На ней только белый король, стоит на своей исходной позиции. Один, ничем не отягощенный, ничто ему не грозит.

Он хотя бы может скитаться по своей доске.

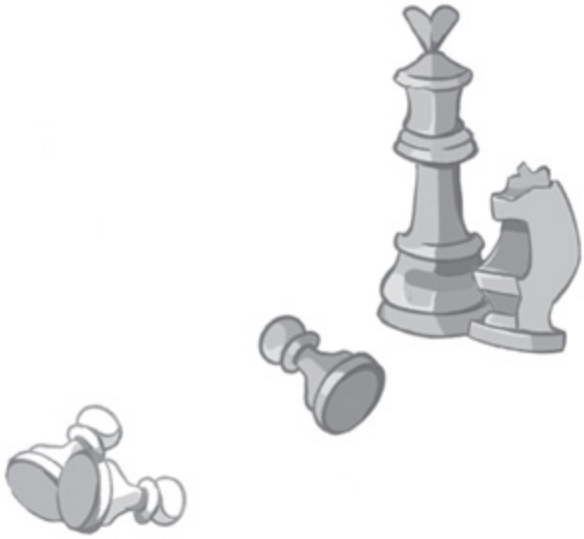
Затем я возвращаюсь внутрь, открываю ноутбук и пишу письмо. Я знала, что напишу его, еще когда эта неделя только началась.

Дорогая Дефне,

стипендия еще свободна?

Часть II. Миттельшпиль

[14]



Глава 6

8:55. Приезжай в «Цугцванг»! Кофе и бейглы найдешь в комнате отдыха – угощайся! (Не ешь радужный бейгл – он Делроя, одного из наших постоянных гроссмейстеров. Он начинает капризничать, когда в его еде меньше пяти цветов.)

9:00–10:00. Изучи дебют из предоставленного списка.

10:00–11:00. Заучи предоставленный список позиций в эндшпиле[15].

11:00–12:00. Изучи предоставленный список классических партий/тактик.

12:00–13:00. Перерыв. Прилагаю список близлежащих заведений, которые могли бы тебе понравиться. (Гамбит, клубный кот, будет мяукать так, будто его не кормили со времен последнего ледникового периода, но это хорошо отработанный хитрый ход. Не чувствуй себя обязанной делиться с ним едой.)

13:00–14:00. Проанализируй партии шахматистов из предоставленного списка.

14:00–15:00. Логическое мышление и лекция по позиционной шахматной игре.

15:00–16:00. Тренировка в шахматной программе / с базами данных.

Ср – Пт, 16:00–17:00. Встреча с тренером-гроссмейстером по разбору слабых мест.

Не забудь делать небольшие перерывы, когда они тебе потребуются, чтобы оставаться сосредоточенной.

Спортивные тренировки: 4–5 дней в нед., ок. 30 мин. Пей воду и наноси солнцезащитный крем, хотя бы 30 SPF (даже когда на небе облачно – солнечные лучи опасны и в этом случае).

Я еще раз бегло просматриваю расписание, которое Дефне только что дала мне, чтобы убедиться, что здесь написано то, что написано. Затем поднимаю голову и говорю:

– Эм.

Дефне широко улыбается. Сегодня ее помада розовая, на рубашке изображены «Спайс герлз», а от стрижки пикси хочется схватить нож и отрезать собственные волосы. Выглядит Дефне в винтажном стиле нереально круто, причем выглядит так, будто совсем не прикладывает для этого усилий.

– Эм?

– Просто как-то слишком много… – Я прочищаю горло. Прикусываю нижнюю губу. Чешу нос. – Шахмат?

– Знаю, – ее улыбка становится шире. – Круто, правда?

Мой желудок сжимается. Почему ты просто не притворишься, что тебе все нравится? Истон советовала это сделать, и сегодня утром, на пересадке в Нью-Джерси, во время полуторачасовой дороги, я повторяла себе словно мантру: «Это работа. Это работа. Просто работа». После пяти вечера я и секунды не посвящу мыслям о шахматах. С нашего расставания прошли годы, и я не какая-нибудь слабохарактерная девчонка, которая готова принять изменщика обратно после того, как он расстался с ней во время танца на выпускном. Я буду делать только то, что необходимо.

Правда, я не ожидала, что в это «необходимо» будет входить газиллион всякой фигни.

– Ага, – выдавливаю из себя улыбку. Может, я и не очень счастлива быть здесь, но Дефне сейчас спасает меня и мою семью от разорения. И я уж точно не маленькая неблагодарная тварь… Надеюсь. – Еще и… занятия спортом?

– Ты не занимаешься спортом?

С тех пор как у нас закончились уроки физкультуры в девятом классе, я не проронила ни единой капли пота по собственной воле.

Но Дефне, кажется, удивлена тем, что я могу оказаться ленивцем, поэтому выдаю нечто похожее на правду:

– Не так часто.

– Придется увеличить нагрузку. Большинство шахматистов тренируются каждый день, чтобы развить выносливость. Поверь, она тебе понадобится, когда ты окажешься в середине семичасовой партии.

– Семичасовой партии?

Я никогда не делала ничего семь часов подряд. Даже не спала.

– Игроки обычно сжигают около шести тысячи калорий в день во время турниров. Это невероятно. – Дефне жестом просит следовать за ней. – Я покажу тебе твой кабинет. Ты не против, что будешь не одна?

– Нет. – Этим утром моя «соседка по комнате» несколько раз пукнула на мою подушку, потому что я посмела попросить не играть на ксилофоне в половине шестого утра. – К этому я привыкла.

Шахматный клуб Патерсона представляет собой комнату в центре звукозаписи и состоит из до боли ярких лампочек, виниловых досок, торчащих из пола, и такого количества асбеста, что можно поджарить мозги трех поколений. Я ожидала, что «Цугцванг» будет примерно таким же, но на деревянные полы падают солнечные лучи, кругом дорогая мебель и утонченные, современные мониторы. Традиции и технологии, новое рядом со старым. Или я недооценила, сколько можно заработать на шахматах, или это место по совместительству является логовом мафии.

Я едва не задыхаюсь, когда Дефне показывает мне библиотеку: это что-то прямиком из Оксфорда, но не столь масштабное. На высоких полках расположены ряды книг, к шкафам приставлены модные лестницы, и если верить реалити «Продавая закат», которое я дважды смотрела с мамой, то тут есть то, что называется мезонином, а еще…

Книги.

Так. Много. Книг.

Многие из них я узна*ю*, потому что именно ими были набиты книжные полки в гостиной. Потом мы наскоро их упаковали в старые коробки от посылок из «Амазона», когда было принято негласное решение о том, чтобы стереть следы папиного присутствия в доме.

– Можешь пользоваться библиотекой когда захочешь, – говорит Дефне. – Некоторые книги отсюда включены в твой список для чтения.

И она прямо рядом с твоим офисом.

Все верно: мой офис прямо по коридору; и на этот раз я не удерживаюсь от восхищенного, бесстыдного вздоха. Здесь три окна, самый большой рабочий стол, который я когда-либо видела, и повсюду шахматные наборы, которые наверняка стоят больше, чем желчный пузырь на черном рынке. И…

– Тише, пожалуйста.

Я поворачиваюсь. За столом напротив моего сидит сердитый мужчина. Ему двадцать с чем-то, но в светлых волосах уже проглядывают залысины. Перед ним доска с расставленной позицией и три раскрытые книги.

– Приветики, Оз, – или Дефне не замечает его настроения, или ей все равно. – Это Мэллори. Она сядет за пустой стол.

В течение нескольких секунд Оз пялится на меня так, будто фантазирует, как выпотрошит мои внутренности и свяжет шарф из толстой кишки. Затем он вздыхает, закатывает глаза и говорит:

– Твой телефон должен всегда стоять на беззвучном режиме – и никакой вибрации. Никаких звуков на компьютере. Используй беззвучную мышку. Если увидишь, что я о чем-то думаю, и помешаешь мне, я засуну свои шахматы тебе в каждую ноздрю. Да, прямо все. Не мельтеши, когда думаешь над ходом. Никаких дух*о*в, еды или шуршащей упаковки. Никакого сопения, чихания, нельзя тяжело дышать, напевать под нос, рыгать, пускать газы или ерзать. Со мной не разговаривать, только если у тебя инсульт и мне нужно вызвать скорую. – Он делает паузу, во время которой размышляет над сказанным. – Хотя и в таком случае тоже. Потому что раз можешь предупредить меня, то и сама можешь вызвать 911. Все понятно?

Я открываю рот, чтобы сказать да. Но вспоминаю о запрете и медленно киваю.

– Превосходно, – он кривится. Боже, это что, *улыбка?* – Добро пожаловать в «Цугцванг». Мы поладим, я уверен.

– Оз – один из наших гроссмейстеров, – шепчет Дефне мне на ухо, будто это объясняет его поведение. – Хорошего первого дня! – она как-то слишком бодро машет на прощание, особенно если учесть, что она оставляет меня наедине с тем, кто высечет меня, если я вдруг начну икать.

Но когда я смотрю на Оза, он вновь погружен в игру. Пронесло?

Я беру бесконечные списки, которые Дефне дала мне, приношу книги из библиотеки, включаю компьютер, сажусь в удобное эргономичное кресло так тихо, как только могу (кожаная обивка скрипит, из-за чего, я уверена, Оз на грани, чтобы наложить на меня руки), нахожу в пятнадцатом издании «Современных шахматных дебютов» главу, которую мне нужно запомнить, и затем…

Что ж. Затем читаю.

Эта книга мне уже знакома. Отец пересказывал из нее отрывки о гамбитах и позиционной игре своим успокаивающим, низким баритоном, игнорируя крики Дарси и Сабрины на заднем фоне, мамину суету на кухне и ее возгласы о том, что ужин скоро остынет. Но это было в прошлой жизни. Та Мэллори ничего не понимала, и у нее мало общего с Мэллори сегодняшней. И вообще, действительно ли мне нужно все это изучать? Не должна ли я думать во время игры?

Кажется, мне предстоит бесконечный фронт работы, и в течение дня лучше не становится. В десять я берусь за «Учебник эндшпиля» Дворецкого. В одиннадцать наступает время «Жизни и партий Михаила Таля». Все это, конечно, интересно, но читать про шахматы, вместо того чтобы играть в них, – это все равно что читать о вязании, не притронувшись к спицам. Абсолютно бессмысленно. Время от времени я вспоминаю о существовании Оза и смотрю на его неподвижный силуэт. Он читает все те же книги, что и я, только, похоже, не обременен экзистенциальными вопросами. Его руки козырьком лежат на лбу, а он сам выглядит настолько сконцентрированным, что мне так и хочется сказать какую-нибудь ерунду типа: «Может, ладьей?»

Но он здесь явно не для того, чтобы заводить друзей. Когда я ухожу на обед (бутер с арахисовым маслом и джемом; да, список закусочных, который оставила мне Дефне, потрясающий; нет, у меня нет денег, чтобы есть в кафешках), Оз все еще сидит за столом. Когда я возвращаюсь – даже не сдвинулся с места. Мне тыкнуть в него? Вдруг у него началось трупное окоченение?

После обеда мало что меняется. Я читаю. Загружаю шахматные программы. Время от времени делаю длинные перерывы, чтобы рассмотреть каменный сад, который оставил мой предшественник.

В поезде по пути домой думаю о совете Истон. Притворяться будет не так сложно. Я не собираюсь вновь влюбляться в шахматы, да

и вряд ли это случится, если я буду целыми днями читать о далеких, абстрактных сценариях.

– Как на новой работе, дорогая? – спрашивает мама, когда я захожу в дом.

Время уже за шесть, и вся семья собралась за ужином.

– Замечательно, – я краду горошинку из тарелки Сабрины, за что она пытается ткнуть меня вилкой.

– Не понимаю, зачем тебе понадобилось менять место, – говорит Дарси угрюмым тоном. – Кто в здравом уме станет организовывать соревнования по игре в шары для пенсионеров, вместо того чтобы возиться с машинами?

Есть одна конкретная причина, по которой я вру своей семьей о новой работе.

А именно – я не знаю.

Очевидно, шахматы связаны с болезненными воспоминаниями о папе. Но я не уверена, что это оправдывает то, что я выдумала восстановительный центр для пенсионеров в Нью-Йорке, куда меня наняли по рекомендации одного из моих бывших. Когда я сказала маме, что ушла из сервиса, ложь сама сорвалась с языка.

В итоге я решила, что это особенно ничего не меняет. Работа есть работа. Это на время, и я планирую оставлять все мысли о шахматах, когда буду уезжать из клуба.

– Старики – приятные люди, – сообщаю я Дарси. В отличие от Сабрины, которая игнорирует меня, яростно стуча пальцами по телефону. Она наверняка только и ждет, когда я снова полезу к ней в тарелку за горошком.

– Старики странно пахнут.

– Ладно, скажи, когда человек становится старым.

– Не знаю. Когда ему исполняется двадцать три?

Мы с мамой обмениваемся взглядами.

– Скоро ты тоже станешь старой, Дарси, – говорит она.

– Да, но я буду жить с обезьянами, как Джейн Гудолл[16]. И я не буду платить молодым людям за то, что они будут ходить в парк и кормить со мной голубей. – Дарси оживляется. – Ты видела каких-нибудь милых белочек?

Я тихо выскальзываю из дома около девяти, когда все уже спят. Машина Хасана припаркована в конце дороги, свет из салона мягко

ложится на его правильные черты. Мы встречаемся так все лето, и, когда он наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку, будто бы это свидание, я думаю, что, может, и хорошо, что он скоро уезжает.

Мне сейчас еще сердечных проблем не хватает. Спасибо, меня и так завалило.

– Ты как?

– Хорошо. А ты?

– Замечательно. Выбрал крутые курсы на этот семестр. Думаю о том, чтобы получить степень в медицинской антропологии.

Я слушаю и киваю, а затем смеюсь в нужных местах, например когда он рассказывает о профессоре, который однажды сказал «мой член» вместо «многочлен». Когда мы паркуемся, я протягиваю ему презерватив, и слова становятся тише, движения – быстрее, мышцы напрягаются и расслабляются.

Неожиданно романтичная и до боли моногамная Истон как-то спросила меня:

«Ты чувствуешь близость с ними?»

«С кем?»

«С теми, с кем заводишь интрижки».

«Не особенно, – я пожала плечами. – Они нравятся мне как люди. Мы хорошо общаемся. Я желаю им всего самого лучшего».

«Зачем тогда все это? Не хотела бы ты нормальных отношений?»

Правда в том, что безопаснее не заводить отношений. По моему опыту, обязательства ведут к ожиданиям, а ожидания – ко лжи, боли и разочарованию. Я бы не хотела все это испытать и не хотела бы, чтобы испытывали другие. Но мне все равно нравится секс в качестве развлечения, и я благодарна, что выросла в семье широких взглядов. В доме Гринлифов вы не услышите никаких «Твое тело – твой храм» или «Нам нужно поговорить о пестиках и тычинках». Мама с папой без стеснения обсуждают со мной вопросы секса, как рассказывают об открытии счета в банке, и порой это даже смущает. Возможно, тебе захочется попробовать; есть плюсы и минусы; будь ответственной. Вот противозачаточные. Мы здесь, если появятся вопросы. Тебе нужна диаграмма? Ты уверена?

Отца не было с нами уже почти два года, когда случилась первая улыбка Коннор с другого конца кабинета, затем «случайные» касания моей руки во время игры в лякросс, а после смешки, когда мы

затаскивали друг друга во вторую кабинку слева в туалете рядом с химической лабораторией. Мы были неуклюжие, но все казалось новым, и мне было хорошо. Дело не только в ощущениях, на мгновение я почувствовала себя… просто собой. Не дочерью, сестрой или той, кто совершает ошибки, а той, кто поправляет одежду и оставляет последний засос на коже.

В моей жизни нет места для любых волнений, которые не связаны с моей семьей. В моей жизни нет места для заботы о себе. Не то чтобы я это заслуживаю. Но порой приятно украсть несколько коротких, безобидных, наполненных моментов веселья.

Я машу Хасану рукой меньше чем через тридцать минут после того, как села к нему в машину, ложусь в кровать, расслабленная, и не собираюсь вспоминать об этом парне в ближайшие несколько месяцев.

После кошмаров прошлой недели мне кажется, что сейчас все хорошо. Я оплатила ипотеку (по крайней мере, ту выплату, которую больше всего просрочила) и взнос за роллер-дерби. Ночью мне снится Михаил Таль, который с сильным русским акцентом сообщает, что мне нужно пойти в коридор и набрать 911. Так что сейчас все хорошо.

Второй день похож на первый. Долгая дорога, чтение, заучивание. Размышления о том, как и зачем Дефне составила для меня этот странный график. Подумываю написать Истон и спросить ее мнения, но мы не общались с тех пор, как она уехала на прошлой неделе, и я боюсь отвлечь ее от… Не знаю. Игры в пиво-понг, изучения марксизма-ленинизма или секса вчетвером с комендантом ее общаги, который по совместительству оказывается фурри-сапиосексуалом. Истон знает, что она оставила позади, но я понятия не имею, чем она сейчас занимается. Я борюсь с мыслью, что она уже забыла обо мне. Это синдром упущенной выгоды[17]? Тогда отстой. В любом случае лучше не буду писать ей – и не стану переживать, что она не ответила. Вдобавок у Оза может случиться приступ, если я при нем начну стучать по экрану, чтобы набрать сообщение.

Я воспроизвожу партии Бобби Фишера, продираюсь сквозь диссертацию о достоинствах и недостатках защитной техники

Алехина, узнаю о позиции Лусены, когда в эндшпиле ладья с пешкой остаются против ладьи. По ощущениям это какой-то суррогат шахмат, в которых не осталось ничего притягательного. Это все равно что вытащить шарики тапиоки из бабл-ти: получившийся напиток не так плох, но это просто чай.

И все же я не вкладываю в то, что делаю, никаких эмоций, потому что это всего лишь работа. Она остается всего лишь работой и в среду утром, когда я захожу в кабинет, а Оз уже там – и его поза не поменялась со вчерашнего вечера. Мне любопытно, уходил ли он домой, но я не собираюсь ни о чем спрашивать, потому что не хочу, чтобы мои глаза выдавили из черепа. В итоге провожу четыре часа, изучая, как защитить короля. В обед иду в парк и читаю книгу, которую беру с собой в электричку («Любовь во время холеры» – грустноватое чтение).

Когда я возвращаюсь в офис, то по расписанию должна читать о пешечной структуре, но вместо этого украдкой поглядываю на Оза: его поза остается прежней. Может, его нужно поливать раз в день? Прячу книгу внутри томика побольше, чтобы продолжить читать о сомнительном любовном выборе Фермины. В четыре часа уже думаю о том, как возьму рюкзак и отправлюсь на Пенсильванский вокзал, как вдруг вспоминаю:

Ср – Пт, 16:00–17:00. Встреча с тренером-гроссмейстером по разбору слабых мест.

В расписании не сказано, куда идти.

– Оз? Если бы ты захотел встретиться с гроссмейстером, то куда бы пошел?

Впервые за три дня он поднимает на меня глаза – в них огонь, ноздри гневно раздуваются. Он вот-вот разомкнет челюсть, сожрет меня, а затем растворит в своем желудочном соке.

– В библиотеку! – лает он.

Я тороплюсь в другой конец коридора и готовлюсь к роли безмолвной статистки на встрече с любителем радуги Делроем. Но единственным человеком в помещении оказывается Дефне, сидящая за массивным деревянным столом.

– Привет. Может, я не туда пришла. Оз сказал…

– Оз *заговорил?*

– Вынужденно.

Дефне кивает, понимая, что я имею в виду.

– Я должна встретиться с кем-то из гроссмейстеров и…

– Это я.

– О, – чувствую, как вспыхивают щеки. – Я… я прошу прощения. Я не думала, что ты…

Гроссмейстер. Краснею еще сильнее. Почему я не подумала об этом? Потому что она круто выглядит? Куча крутых людей играет в шахматы – я вот не ботаник из подростковой комедии девяностых. Потому что она здесь главная? Шахматным клубом должен управлять шахматист. Потому что я никогда о ней не слышала? Не то чтобы у нас в ванной завалялись свежие выпуски «Ежемесячного шахматного обзора». Потому что она женщина? В мире полно женщин-гроссмейстеров.

Боже, вот что Истон имеет в виду, когда говорит о внутренней мизогинии?

– Ты в порядке? – спрашивает Дефне.

– О. Да.

– Выглядишь, будто у тебя в голове сейчас идет довольно напряженный монолог. Страшно прерывать.

– Я… – чешу лоб и сажусь на стул напротив, – у меня всегда идут напряженные внутренние монологи. Но я научилась переключаться.

– Это хорошо! Как проходят первые дни?

– Отлично.

Какое-то время она изучает меня. Сегодня она сделала себе стрелки и надела на предплечье браслет в виде скорпиона.

– Давай заново. Как проходят первые дни?

– Отлично!

Она продолжает пялиться.

– Нет, правда. Отлично, клянусь.

– У тебя все на лице написано. Нам придется поработать над этим перед началом соревнований.

Я хмурюсь:

– Почему ты думаешь, что…

– Если тебя что-то не устраивает в твоей системе тренировок, ты должна мне сказать.

– Все в порядке. Я много читаю по списку, который ты мне дала, изучаю шахматный движок[18]. Это весело.

– Но?

Из меня вырывается смешок.

– Нет никакого «но».

– Но?

Я трясу головой:

– Ничего, честное слово.

Дефне все еще пристально смотрит на меня, будто я тщетно пытаюсь спрятать от нее чье-то убийство, и слышу себя со стороны:

– Просто…

– Просто?

– Просто…

Внутренний голос вопит не говорить ей: «Если скажешь, то это значит, тебе не все равно. А это не так. Делай все спустя рукава, Мэл. Ты сможешь».

– Просто… Если все эти книги должны помочь мне улучшить навыки, то не уверена, что это работает.

Выражение лица Дефне не так легко считывается, как раньше. Не знаю почему – то ли часть меня жаждет ее одобрения, то ли другая часть жаждет ее денег, – я тут же в панике отступаю:

– Уверена, ты знаешь, что делаешь! Учеба – это важно: читать о старых партиях, разбирать дебюты. Но теория без практики…

Я выкручиваю себе руки под столом. Дефне смотрит на меня долго и безотрывно, прежде чем улыбается и пожимает плечами.

– Ладно, – говорит она.

– Ладно?

– Давай сыграем!

Она пододвигает шахматный набор и ставит его между нами – белые с моей стороны. Потом поправляет фигуры и жестом приглашает меня начать.

– Сегодня без часов, хорошо?

– О… хорошо.

Вначале я чувствую отголоски приятного волнения. Читать про шахматы и не играть в них было серьезным испытанием, все равно что повесить передо мной морковку на веревочке. Теперь она наконец моя, и я могу с удовольствием ее погрызть. Правда же?

Нет. Вскоре я понимаю, что эта партия непохожа на ту, что была у меня с Сойером. До меня не сразу доходит, в чем разница, но по прошествии получаса, когда все фигуры расставлены и игра идет своим чередом, я понимаю, чего не хватает.

Между мной и Сойером было особенное напряжение. Резкий, быстрый танец, состоявший из агрессивных атак, продуманных ловушек, навязчивых мыслей, что тебя вот-вот перехитрят. А эта игра… ничего общего. Я пытаюсь как-то разнообразить партию, проявляя инициативу и обостряя игру, чтобы Дефне не могла игнорировать мои угрозы, но… Что ж. Она меня игнорирует. Защищает свои фигуры, охраняет короля и в каком-то смысле бесцельно передвигает фигуры. На этом все.

На сорок пятой минуте я пытаюсь совершить внезапное нападение. Мне так сильно хочется пробить ее защиту, что из-за опрометчивости теряю слона. Желудок сжимается от скуки и страха одновременно, и какое-то время я стараюсь играть осторожно, но… нет. Что-то должно случиться. Ее конь, например. Он окружен, ему нужно защищать слишком много других фигур. Если я пойду ладьей…

Блин. Дефне съедает мою пешку. У меня осталось всего две фигуры.

– Ничья?

Я поднимаю глаза. Она предлагает мне ничью? Ни за что на свете. Я напрягаюсь, не отягощая себя ответом, и вновь пытаюсь атаковать. Уже поздно. Если я не попаду на следующий поезд, то вернусь домой позже обычного и Дарси с мамой будут расстроены. Сабрине-то все равно, но…

– Шах.

Королева Дефне угрожает моему королю. Черт. Я так увлеклась своим нападением, что все пропустила. Но все еще можно…

– Думаю, что на этом лучше закончить, – говорит она, улыбаясь мне своей фирменной улыбкой – искренней, доброй, довольной, без следа самолюбования, хотя мы обе знаем, что она сыграла лучше. – Примерно понятно.

Я моргаю, не очень понимая, о чем она.

– Понятно?

– Что сейчас произошло, Мэллори?

– Я… я не знаю. Мы играли. Но ты… ну, без обид, ты особенно ничего не делала. Ты играла…

– Осторожно.

– Что?

– Я не рисковала. Была благоразумна. Даже когда у меня была возможность получить преимущество, не меняла ход игры. Я защищалась. Это смутило тебя, затем расстроило, потом ты начала делать самые простые ошибки, потому что тебе стало скучно, – она указывает на доску. – Все это просто для меня, потому что я выросла на классическом шахматном образовании. А теперь ты играешь гораздо лучше меня…

Я усмехаюсь:

– Очевидно, что я не…

– Позволь мне выразиться иначе: у тебя больше таланта. Я видела видеозаписи твоих игр. Твои инстинкты во время атаки просто невероятные. Это напоминает мне о… – Она мотает головой с задумчивой улыбкой. – О старом друге. Но есть основы, которые должны знать все топ-игроки. И если ты не выучишь их, любой оппонент с хорошей базой легко использует твои пробелы против тебя. И в итоге вы не дойдете до тех моментов, когда пригодится твой талант.

Я пытаюсь переварить то, что сказала Дефне. Затем медленно киваю. Внезапно мне кажется, что я сильно отстаю. Будто впустую потратила последние четыре года. Что…

Нет. Это было мое решение. Лучшее решение. И кстати, отстаю я в гонке *за чем?*

– Твой возраст тут не помогает, – добавляет она.

Я напрягаюсь:

– Мне восемнадцать лет и четыре месяца.

– Большинство профессионалов начинают гораздо раньше.

– Я играю с восьми лет.

– Да, но твой перерыв? Ничего хорошего. Я хочу сказать, что это, – она обводит рукой стол, – было удивительно легко для меня.

Чувствую, как краснеют мои щеки. Сглатываю и ощущаю какой-то прогорклый привкус во рту, внезапно вспоминая, как ненавижу проигрывать.

Очень. Сильно.

– Что мне делать?

– Думала, никогда не спросишь. Будешь заниматься… – Она ухмыляется и достает листок бумаги из своего заднего кармана, а затем протягивает мне. Я раскрываю его. – Этим.

– Это расписание, которое ты дала мне в понедельник.

– Ага. Я случайно распечатала два экземпляра. Рада, что пригодились… Ненавижу тратить бумагу. В любом случае мы приведем тебя в форму за рекордные сроки. Но это случится, только если ты будешь строго выполнять предписания. И мы проверим, чему ты научилась, чтобы убедиться, что ты на верном пути.

Превосходно. Меня будут контролировать.

Я вновь смотрю на расписание – на все эти вещи, которые должна делать в течение года. Вспоминаю о своем плане не прикладывать слишком много сил. О сомнительном любовном выборе Фермины. О том, как Дефне улыбается мне – с ожиданием и поддержкой.

Я хочу вернуться к себе за стол. Но лишь вздыхаю и киваю в знак согласия.

Глава 7

Оз не разговаривает со мной две недели, а когда открывает рот, я готова убить его.

Утро четверга. Сижу у себя за столом, пялюсь на каменный сад и воспроизвожу в голове игру Фишер – Спасский 1972 года. Внезапно он произносит:

– Ты едешь на Открытый чемпионат Филадельфии.

Я замираю. Затем шиплю:

– Что?..

Невероятно, до зубного скрежета без всякого повода я взбесилась, что он отвлекает меня в такой важный момент. Сегодня утром, готовя Дарси овсянку («Давайте называть вещи своими именами: это не что иное, как “Нутелла”, посыпанная овсяными хлопьями», – пробурчала Сабрина, надкусывая кислое яблоко), я осознала, что Фишер совершил ошибку, которую Спасский мог бы обернуть в свою пользу. С тех пор я не переставала думать об этом, уверенная, что черный конь…

– Я поведу, – говорит Оз. – Отъезжаем в шесть.

Почему он не заткнется? Я ужасно раздражена.

– Отъезжаем куда?

– В Филадельфию. Что с тобой не так?

Я игнорирую его и возвращаюсь к своей мысленной игре, пока не наступает вечерняя сессия с Дефне. Я уже жду наших встреч – отчасти потому, что она единственный взрослый человек, за исключением мамы, с которым я общаюсь, но еще потому, что мне

действительно нужна ее помощь. Чем больше усилий я прикладываю, изучая технические аспекты игры, тем сильнее понимаю, как мало в самом деле знаю и насколько мне нужен тренер. Подозреваю, именно поэтому гроссмейстеры все время берут мастер-классы и находят себе наставников.

– Мы можем разобрать одну партию? – спрашиваю я, едва пересекая порог библиотеки. – Я тут застряла на одном моменте…

– Давай поговорим о чемпионате в Филадельфии.

Застываю:

– Прости, о чем?

– Открытом чемпионате Филадельфии. Турнир. Твой первый турнир – уже в эти выходные.

Моргаю:

– Я…

Дефне вздергивает подбородок:

– Ты?

О. *Оу?*

– Сомневаюсь… Вряд ли… – Сглатываю. – Думаешь, я готова?

Она одобрительно улыбается:

– Если честно, то совсем не готова.

Восхитительно.

– Но это слишком хорошая возможность, чтобы ей не воспользоваться. Филадельфия совсем рядом, а это уважаемый открытый турнир. – Я смутно представляю, что это значит; возможно, поэтому Дефне продолжает: – Там будут игроки самого высокого класса, входящие в десятку лучших по всему миру, однако обычным шахматистам без рейтинга типа тебя тоже можно принять участие. К тому же это турнир на выбывание: проигравший в каждом матче вылетает, победитель двигается дальше. Так что ты не застрянешь там с посредственными игроками только потому, что у тебя нет рейтинга. Ну, если будешь выигрывать, конечно, – она дергает плечами. Ее единственная сережка в виде перышка радостно звенит. – Я тоже поеду. В самом худшем случае ты просто опозоришься.

Супер-пупер.

Так я оказываюсь на пассажирском сиденье красного «Мини-Хэтча» Оза в субботу утром. Позади Дефне перечисляет правила

турнира, о которых может вспомнить, и ее голос слишком пронзительный для шести утра:

– Дотронулся – двигай и дотронулся – бери, конечно. Если во время своего хода ты коснулась фигуры, то обязана передвинуть ее. Все свои ходы необходимо записывать в бланк нотации[19]. Не разговаривай с оппонентом, если только это не твой ход и ты не хочешь предложить ничью. Во время рокировки используй только одну руку и сначала касайся короля. Если случится конфликт или разногласие, позови кого-нибудь из судей и *ни в коем случае* не вступай в конфликт с…

– С ума сошла? – рявкает Оз.

Я слежу за его взглядом и понимаю, что он смотрит на обернутый в фольгу сэндвич с джемом и арахисовым маслом, который я только что вытащила из рюкзака.

– Эм… Хочешь кусочек?

– Съешь это или что-нибудь еще в моей машине – я отрублю тебе руки и сварю их в моей моче.

– Но я голодная.

– Тогда голодай.

Я прикусываю щеку изнутри. Честно говоря, думаю, он начинает мне нравиться.

– Но этот сэндвич поможет мне морально.

– Тогда страдай. – Оз включает поворотники и перестраивается в правый ряд с таким рвением, что я едва не ударяюсь головой о стекло.

Открытый чемпионат Филадельфии ни капельки не похож на благотворительный турнир в Нью-Йорке, и моя первая догадка, что все дело в присутствии журналистов. Их не то чтобы много – не сравнить с туром Тейлор Свифт в 2016-м, но вполне приличная толпа с операторами и фотографами в центре зала инженерного здания штата Пенсильвания, где и будет проходить турнир. С трудом верится, что все это реально.

– Здесь кого-то убили или что? – спрашиваю я.

Оз бросает на меня свой обычный «ты-слишком-незначительна-чтобы-жить» взгляд.

– Они освещают турнир.

– Может, они думают, что здесь будут играть в баскетбол?

– Мэллори, хотя бы *притворись*, что в тебе есть немного уважения к спорту, который дает тебе средства на существование.

Он не так уж далек от правды.

– До турнира еще целый час, если на то пошло.

– Они, возможно, надеются хотя бы мельком увидеть…

Кто-то появляется в вестибюле – и Оз оборачивается вместе со всеми. Журналисты оживляются и принимаются за дело. Мне отсюда не очень видно: кто-то высокий с темными волосами, затем еще кто-то высокий с темными волосами, которых едва можно разглядеть за камерами и микрофонами. Вошедшие направляются прямиком к лифту. Что именно спрашивает у них пресса, я не слышу, только разрозненные слова, из которых не получается собрать предложение: «в форме», «награда», «Бодлер», «победа», «развал», «кандидаты», «чемпионат мира». К тому моменту, как я привстаю на цыпочки, двери лифта уже закрываются. Журналисты разочарованно бормочут, потом начинают расходиться.

Часть меня любопытствует, кто это был. Другая часть, та, которой снятся странные, реалистичные сны, где есть темные глаза и большие руки, хватающие мою королеву, почти уверена, что…

– Я вас зарегистрировала. – Дефне появляется из ниоткуда и раздает нам бейджики на ленточках. – Давайте сначала заедем в отель, оставим вещи и затем вернемся как раз к церемонии открытия.

Киваю, думая о том, чтобы успеть хоть немного поспать, но мужчина в возрасте с микрофоном в руках бодро шагает в нашу сторону.

– Гроссмейстер Оз Нотомб? – спрашивает он. – Меня зовут Джо Алински, я с сайта chessworld.com. У вас есть время для короткого интервью?

– Оз сейчас двадцатый, – шепчет Дефне мне на ухо, в то время как Оз учтиво отвечает на вопросы, в какой он форме, как проходят его тренировки, на что он надеется и что любит есть перед игрой (внезапно: мармеладных мишек).

– Двадцатый?

– Двадцатый в мире.

– Двадцатый в мире?!

– Шахмат.

– Да, точно.

Дефне ободряюще улыбается. Если учесть, что я жила и дышала шахматами почти десять лет и до сих пор помню игру, то я удивительно мало знаю о профессиональных шахматистах – возможно, из-за маминого запрета на участие в соревнованиях. Но Дефне никогда не позволяет мне ощущать себя полной идиоткой, даже когда я задаю идиотские вопросы.

– Первая двадцатка – это важно. Шахматисты оттуда уже не просто соревнуются с другими, они настоящие профи.

– А в чем разница?

– Кто угодно может играть в шахматы, но не все зарабатывают на них. Призовые деньги, спонсоры, рекламные контракты.

Я представляю, как во время Супербоула показывают рекламу «Маунтин дью» с участием шахматиста. «“Маунтин дью” – напиток гроссмейстеров».

– У Оза тоже стипендия?

– Как раз наоборот. Он платит некоторым гроссмейстерам в «Цугцванге», чтобы те тренировали его.

– Оу, – я обдумываю услышанное. – Он где-то подрабатывает?

Может быть, он развозит заказы в «Инстакарте»[20] с двух до пяти утра? Это объясняет, почему он вечно в дурном настроении.

– Не-а, но его отец – исполнительный директор в «Голдман Сакс»[21].

– А, – замечаю, что журналист из chessworld.com фотографирует Оза, и быстро выхожу из кадра.

Все это глупо. Сабрина и Дарси ночуют у друзей; маме немного лучше – она работает над несколькими статьями, которые принесут столь необходимые нам деньги. Я заверила их, что проведу день на Кони-Айленд с друзьями и переночую у Джианны. Получается, я все-таки вру им о том, чем занимаюсь, но вряд ли они узнают, где я была на самом деле, узнав меня на заднем плане фотографии Оза на сайте chessworld.com.

У меня паранойя. Это все из-за голода и усталости. Из-за того, что Оз не позволил мне съесть мой сэндвич. Настоящее чудовище.

– Эй, – говорит Джо Алински, внезапно переключаясь с Оза на меня, глаза подозрительно прищурены, – а ты не та девчонка, что…

– Простите, Джо, нам нужно пойти освежиться перед турниром. – Дефне хватает меня за рукав и тянет в сторону выхода. Утренний

воздух и без того нагрелся.

– Он что, со мной разговаривал?

– Мне что-то захотелось «Старбакса», – говорит она, уходя прочь. – Хочешь «Старбакс»? Я угощаю.

Я хочу спросить Дефне, что происходит. Но лимонад со льдом, киви и карамболой сильнее, поэтому я догоняю ее и больше ни о чем не спрашиваю.

Когда я сажусь за доску, чтобы начать первую партию, напротив меня уже сидит мужчина, который мог бы быть моим дедушкой. Сердце трепещет, ладони потеют, и я не могу перестать покусывать губу изнутри.

Не уверена, когда это началось. Все было в порядке еще десять минут назад: я спокойно рассматривала набившихся в зал людей и размышляла о том, уместно ли было приезжать сюда в лиловом сарафане и насколько сильно меня волнует чужое мнение. Затем организаторы турнира объявили о его начале, и вот я здесь. Боюсь разочаровать Дефне. Боюсь ощущения горечи в горле, которое появится там, если я проиграю.

Не помню, когда в последний раз так нервничала, но это неважно, потому что спустя двенадцать ходов победа остается за мной. Мужчина вздыхает, пожимает мою ладонь, и у меня остается сорок пять минут, которые надо как-то убить. Я бесцельно брожу, временами останавливаясь у чужих досок, затем фоткаю помещение и отправляю Истон.

МЭЛЛОРИ. это все твоя вина

БОУЛДЕР ИСТОН ЭЛЛИС. Где ты?

МЭЛЛОРИ. какой-то турнир в Филадельфии

БОУЛДЕР ИСТОН ЭЛЛИС. Подруга, ты что, на Открытом чемпионате Филадельфии???

МЭЛЛОРИ. возможно. как тебе на вкус высшее образование?

БОУЛДЕР ИСТОН ЭЛЛИС. Я сплю три часа в день и записалась в группу импровизации. Вытащи меня отсюда.

МЭЛЛОРИ. ржунимагу расскажи про группу импровизации

Внизу экрана появляются три маленькие точки, свидетельствующие о том, что Истон набирает сообщение, но внезапно они исчезают. Я не получаю ответа ни через пять минут, ни через десять. Представляю, как к ней подходит ее новая подруга и она тут же забывает обо мне. В ее соцсетях уже и так полно селфи с новой соседкой по комнате.

Я кладу телефон в карман и направляюсь на следующую партию, которую с легкостью выигрываю, как, собственно, третью и четвертую.

– Превосходно! – говорит мне Дефне, пока мы делим пачку «Твиззлерс»[22] из магазина во внутреннем дворе.

Она тайком курит и всем своим видом показывает: «Не забывай, я такой себе образец для подражания».

– Помни, здесь играют на выбывание. Чем дальше проходишь, тем сильнее оппоненты и сложнее победить. – Дефне замечает мое недовольное лицо и толкает меня плечом. – Это шахматы, Мэллори. Их специально придумали, чтобы делать людей несчастными.

Она права. Я ощущаю вкус подступающего поражения в последней партии дня, когда понимаю, что теряю ладью, затем слона в партии с женщиной, которая пугающе похожа на мою библиотекаршу из средней школы. Не-миссис-Ларсен – суетливый, нервный игрок. Она годами думает над каждым следующим ходом и поскуливает всякий раз, когда я передвигаю фигуру вперед. Разрываюсь между тем, чтобы начать рисовать на листочке с протоколом и представить, что я в зоопарке и наблюдаю за вольером с ленивцем, который давно не двигался. Игра тянется до конца тура, пока время не истекает и мы обе не загоняем друг друга в угол.

– Ничья, – равнодушно констатирует судья, изучая нашу доску. – Черные проходят дальше.

Это я. Я перехожу на следующий этап, потому что у меня слабость[23]. Знаю, партии, сыгранные вничью, довольно

распространены, но я огорчена. Расстроена. Нет… я *в ярости.* Зла на саму себя.

– Я наделала кучу ошибок. – Вгрызаюсь в курагу, которую Дефне дает мне после игры. Меня раздирает от желания попинать стену. – Мне нужно было переместить ладью на c6. Она трижды почти сделала меня – ты видела, как близко она подобралась своим слоном к моему королю? Это было просто избиение младенцев. Не могу поверить, что кто-то вообще подпустил меня к доске ближе чем на десять футов.

– Ты выиграла, Мэллори.

– Это была катастрофа! Здесь нужна консультация федерации – не думаю, что заслужила эту победу.

– Тебе повезло, что в шахматах заслуженные и незаслуженные победы ничем не отличаются.

– Ты не понимаешь. Я налажала…

Дефне кладет руку мне на плечо. Я замолкаю.

– Вот. Вот это чувство, которое ты сейчас испытываешь. Запомни его. Сохрани. Подпитывай.

– Что?

– Вот почему всем шахматистам нужно учиться, Мэллори. Почему мы так лихорадочно воспроизводим чужие партии и запоминаем дебюты.

– Потому что ненавидим ничьи?

– Потому что ненавидим это ощущение, которое появляется, когда ты сделал меньше своего максимума.

Отель в пяти минутах ходьбы. В моей комнате ничего примечательного, кроме одного: здесь я могу наконец побыть одна. Не помню, когда у меня в последний раз был доступ к кровати без зрителей в виде двенадцатилетнего гоблина и трехсотлетнего демона, вселившегося в морскую свинку. Мне стоит насладиться уединением по полной. Я даже подумываю над тем, чтобы посмотреть кино. Или открыть приложение знакомств, чтобы найти кого-нибудь в Филадельфии. Идеальная возможность для встречи без обязательств. К тому же оргазмы значительно улучшают настроение.

Но вместо всего этого я смотрю в окно, снова и снова проигрывая в голове последнюю партию, пока солнце медленно катится за горизонт.

Это похоже на случай с пошлым сообщением, которое я отправила маме по ошибке. Или на день, когда вся команда болельщиц вбежала в раздевалку, а я изображала, что могу открыть автоматическую дверь с помощью магии. Или когда в средней школе зашла в учительский туалет, чтобы помыть руки, и увидела мистера Картера на толчке за решением судоку. Стоит мне попасть в неловкую ситуацию, как я впадаю в состояние крайнего унижения. Ночью закрываю глаза, и мой мозг погружает меня в глубины стыда, транслируя кринжовые сцены в мучительных деталях на внутренней стороне век.

(Чересчур драматично? Возможно. Но я отправила маме пошлое сообщение. Мне можно.)

Нейроны цепляются за каждую деталь моего конфуза, и у меня не получается отпустить ошибки, совершенные во время партий. Я выиграла, ладно, но во второй партии по глупости оставила королеву без защиты. Мерзость. Ужас. Кош…

Кто-то стучится.

– Дефне попросила меня взять тебя с собой и представить разным людям, – говорит Оз, когда я открываю дверь. Он пялится в свой телефон.

– С собой?

– Внизу организовали мероприятие для игроков, которые завтра продолжат играть. Дефне не может пойти – это только для участников турнира. Бесплатная еда и выпивка. – Он мельком смотрит на меня, оценивая. – А тебе сколько лет?

– Восемнадцать.

Он бормочет что-то о вынужденном присмотре за малышней, а он не Мэри чертова Поппинс.

– У них наверняка есть охлажденная «Сиерра мист». Идем.

Не знаю, чего ждать от шахматной вечеринки. Если не считать Истон, я никогда не тусила с ребятами из клуба: все они были тихие и какие-то замкнутые. Игроки здесь больше похожи на бизнесменов: в идеально сидящих костюмах они над чем-то смеются за бокалами шампанского. В поле зрения никаких вязаных жилеток, и никто не оплакивает безвременную кончину «Звездного крейсера “Галактика”»[24]. Это яркие и уверенные в себе шахматисты. Молодые. Богатые. Знающие, где их место в мире.

Один из них замечает Оза и покидает свою компанию, чтобы подойти к нам.

– Поздравляю с попаданием в двадцатку. – Он поглядывает на меня – вначале рассеянно, затем изучающе и вскоре с нескрываемым интересом. Неприятная дрожь проходит по моему позвоночнику. – Не знал, что можно привести с собой кого-то еще.

О, кстати. Люди в этой комнате: девяносто восемь процентов из них мужчины.

– Это твоя сестра? – Он примерно мой ровесник и в теории должен быть привлекательным в классической, правильной манере, но есть что-то, что меня в нем раздражает, что-то, что расстраивает в выражении его голубых глаз, из-за которых встают волосы на теле.

– С какого перепуга ты решил, что это моя сестра? – интересуется Оз.

– Не знаю, мужик, – парень пожимает плечами. – Она блондинка. И слишком горячая, чтобы быть твоей девушкой.

Я напрягаюсь. Уверена, что неправильно расслышала.

– Мэллори – шахматистка, *мужик*, – тон Оза полон презрения.

Какую бы неприязнь он ни испытывал ко мне, незваной гостье в его офисе, она не сравнится с той, что он испытывает к этому парню.

Вполне возможно, он не ненавидит меня. Может, я даже его лучший друг. Как трогательно.

– Как скажешь, – его английский идеален, разве что можно расслышать легкий североевропейский акцент. – Что ж, дорогуша, эта вечеринка для всех, кто выиграл свои партии, так что… подожди. – Он откидывается назад, театрально изучая меня. – А ты не та девчонка, которая сравняла с землей Сойера на благотворительном турнире?

– Я…

– Да, это определенно ты. Парни, эта цыпа унизила Сойера!

Не верю свои глазам: группа людей (мужчин – все они мужчины), с которыми мистер Северная Европа общался до нас, бросают любопытные взгляды, а затем и вовсе выдвигаются в нашу сторону.

– Как ты готовилась к игре? – спрашивает высокий мужчина за тридцать. У него такой сильный акцент, что я едва разбираю слова. – Мне бы не помешала удача такого рода.

– У Сойера что, был очень плохой день?

– Ты отвлекла его декольте? В этом был прикол?

– Он знает, что она здесь?

– Ну, она все еще жива. Так что, очевидно, нет.

Все смеются, а меня… парализовало. Они пялятся на меня, будто я кусок мяса со слаборазвитым интеллектом, и я чувствую себя глупым ребенком, которого рассматривают взрослые. Кажется, я здесь не к месту в своем сарафане из струящегося кружева. Но я не какой-нибудь там аленький цветочек: за годы работы с Бобом я научилась давать отпор сексистам. Однако эти парни настолько вопиюще, *бесстыдно* грубые, что я даже не уверена, как лучше ответить на…

– Простите нас. – Оз хватает меня за локоть и тянет прочь. – Мы пойдем поищем чего-нибудь вкусного и людей, которые бы не вели себя как засранцы.

– О, да брось ты, Нотомб!

– Научись воспринимать шутки.

– Дай ей остаться. Готов поспорить, ей не терпится узнать нас поближе!

Я следую за Озом, спотыкаясь. Во рту сухо, руки трясутся. Он тащит меня в другой конец зала к столу с закусками. Думаю, у меня контузия.

– Кто это был?

– Мальте Кох и его миньоны.

Я трясу головой. Напрягаю мозг. Имя звучит знакомо, но никак не могу вспомнить…

– Последние несколько лет он второй в мире. Засранцем был с рождения, надо полагать. Тот, что старше, который спрашивал, знает ли Сойер, что ты здесь, Кормензана, он седьмой. Высокий серб – Дордевич, он примерно тридцатый. У остальных ума не больше, чем у куска бетона с выпученными глазами. Маленькие говнюки, которые способны только лизать Коху задницу, – он закатывает глаза и вслепую тянется за нашпигованным беконом грибом. Ух ты, оказывается, Оз Нотомб склонен заедать стресс. – Я не собирался тебя представлять. С ними вообще лучше не разговаривать. Им самое место в секретной колонии на Марсе, если хочешь знать мое мнение. Жаль, что никто никогда его не спрашивает. – Он какое-то время жует свой гриб, а затем неожиданно выдает: – Извини за все это.

Интересно, это первое извинение в его жизни? По крайней мере, очень похоже.

– Это не твоя вина. Но то, что произошло… Думаю, я ненавижу их.

– Я достану тебе значок нашего клуба, – Оз изучает мою реакцию. – Ты же не собираешься плакать?

– Нет.

– А изливать глазную воду?

– Нет. Я в порядке. Просто… – Я прислоняюсь к стене. – Они так ведут себя со всеми женщинами?

Оз фыркает:

– Посмотри вокруг. Много ты их здесь видишь? – Мне не нужно оглядываться. Вместо этого я тянусь за кусочком бри, расплавленным на корочке хлеба. – Большинство шахматисток предпочитают участвовать исключительно в женских турнирах, а на такие даже не приезжают. Думаю, ты гадаешь почему.

– Загадка века. – Я кладу свой сыр обратно на салфетку: у меня совсем нет аппетита. – Что они имели в виду, когда говорили, что я еще жива?

Оз вздыхает:

– Кох и его банда в восторге, что ты уделала Сойера, они ненавидят его. Но им также не нравится, что ты победила его в один присест, потому что Кох воображает себя единственным соперником Сойера.

– А это так?

– Он с ним не сравнится. Никто не может сравниться с Сойером, если уж на то пошло. Почти десять лет ему нет равных. Я хочу сказать, – Оз закидывает в рот половинку фаршированного яйца, – что Кох – прекрасный игрок, но нестабильный. Временами он настоящий гений. Он заманивал Сойера в ничьи и однажды даже почти победил. Но в целом сравнивать их бесполезно.

Должно быть, печально проигрывать партию за партией.

– Кох в курсе?

– Уверен, еще как, но ты видела, с какой компанией он водится. Они утверждают, что Сойер – это какой-то суперзлодейский злодей, который своими победами сделал шахматы слишком предсказуемыми. Как будто не благодаря ему столько молодых людей заинтересовались игрой в последние несколько лет. Послушать их, так Сойер – это Танос, а Кох – Тони Старк. – Он снова закатывает глаза. – Очевидно же, что они *оба* Таносы.

Оз Нотомб, оказывается, фанат «Марвел».

– Мы… снова в средней школе?

Оз пожимает плечами:

– Практически. Кох просто капризный ребенок, вечно недовольный тем, что всегда оказывается мертвым в игре «Переспать, жениться и убить». Сойеру достается все внимание, он хорошо зарабатывает, попадает в список самых влиятельных людей «Таймс», спит с Бодлер и прочее…

– Бодлер?

– Ага. Это такая экспериментальная рок-группа…

– Я знаю, кто такие сестры Бодлер. – Сабрина сходит по ним с ума. Мне тоже нравится их музыка. – Сойер правда спит с ними?

– Да. И Кох тоже не отказался бы. Мечтатель.

Кажется, у меня сейчас голова взорвется.

– Он что… С кем именно из Бодлер Сойер?..

– Не знаю, Мэллори. Я не смотрю телик.

– Точно, – я смущенно гляжу в сторону. Придется погуглить. Буквально умираю от желания прямо сейчас достать телефон. – Получается, в первой десятке полно придурков.

– По большей части придурки там Кох и Кормензана. Ну, еще Сойер, но у него получше с пиарщиками. Я бы не стал обмениваться с ним браслетиками дружбы, но всегда выберу мудака типа Сойера, даже если от него сжимается сфинктер, чем скользкого мудака, похожего на ползающего в грязи после ливня слизняка, как Кох.

«По-моему, оба ужасны», – думаю я, пока какой-то мужчина неподалеку хватает со стола бенье с заварным кремом и быстро ретируется, видимо не впечатленный диалогом про сфинктер.

– Все же, – заключает Оз, – любому другому из десятки не так хочется врезать.

Слабо улыбаюсь:

– Не так хочется врезать? Это твое определение слова «хороший»?

Он выгибает бровь:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ну, ты не самый приятный парень, которого я когда-либо встречала.

– Я – само чертово очарование, Гринлиф. И кстати, мы с тобой *одинаково* горячие.

Остаюсь еще минут на тридцать. Оз прав: не все в шахматном мире мудаки. Он представляет меня некоторым людям, которые не оскорбляют меня, не домогаются и не ведут себя так, будто у них комплекс превосходства уровня мессианцев[25]. Но его друзья немного старше, и я выпадаю из разговора, когда речь заходит о женах и высшем образовании. Замечаю, что Кох и его компания время от времени поглядывают в мою сторону, и не могу до конца расслабиться. Желаю всем спокойной ночи и направляюсь обратно в номер, готовая провести остаток вечера за самоуничижением.

Внезапно в лифте вижу кое-что, что привлекает мое внимание. Пять слов мелким шрифтом напротив пятого этажа:

«Крытый бассейн и тренажерный зал».

Нажимаю кнопку, не успев как следует подумать. Автоматические двери бассейна открываются, едва прикладываю карточку от номера. Когда заглядываю внутрь, меня тут же обволакивает жаром, запахом хлорки и тишиной.

Мне нравится плавать. Или как еще можно назвать то, что я обычно делаю: часами торчу на поверхности воды и время от времени перемещаюсь туда-сюда в «собачьем» стиле. И вот передо мной потрясающий пустой бассейн.

Но есть одна проблема: у меня с собой нет купальника. Древнее бикини, которое осталось где-то дома в шкафу, едва на меня налезало, когда моя грудь была на размер меньше. Вполне возможно, Голиаф прямо сейчас вытирает им свою задницу. На мне сейчас белье, которое можно с натяжкой назвать похожим на бикини. Но я очень хочу плавать.

Недолго думая, стягиваю платье через голову, стряхиваю сандалии и швыряю их на ближайшую скамейку. Затем прыгаю в воду с громким плеском.

«Мне нужно свести ошибки к минимуму, – говорю я себе спустя пятнадцать минут, лежа на поверхности воды и разглядывая потолок. Отражение волн на его глади напоминает искривленную, искаженную шахматную доску. – Мне необходимо расширять знания, раз уж я не достигну за год достаточной глубины. Я должна играть более непредсказуемо».

Когда вылезаю из бассейна, настроение улучшается. Я налажала сегодня, но сфокусируюсь на том, чтобы стать лучше. Если знаешь

свои слабости, можно правильно продумать тренировочный процесс. В любом случае я посвящаю этому довольно много времени.

«Ты обманываешь ради стипендии», – напоминает голос в моей голове. Он принадлежит или мне, или Истон – не разберу.

«Ну, так и есть, – защищаюсь я в ответ, хватаю платье и обувь и пытаюсь протереть глаза от хлорированной воды. – Но я подписала годовой контракт, так что с таким же успехом могу…»

И замираю, будто громом пораженная.

Я здесь больше не одна. Кто-то стоит прямо напротив меня. Этот человек босой и в плавках. Я поднимаю взгляд выше, еще выше, еще и…

У меня скручиваются внутренности. Нолан Сойер смотрит на меня сверху вниз, между бровями пролегла неглубокая морщинка. Я ошеломлена, что у него… отличное тело. Грудь. Плечи. Бицепсы. Ни один человек в мире не может так выглядеть, если все, чем он занимается, – это целыми днями передвигает фигуры весом не больше унции.

– Я… П-привет, – заикаюсь я.

Не знаю, что еще сказать, когда он вот так возвышается надо мной.

Но он не отвечает. Просто продолжает пялиться на мой просвечивающий лифчик и трусики с маленькими радугами. Температура в помещении повышается. Гравитация становится сильнее. Я беспокоюсь, что ноги в какой-то момент меня не удержат.

Затем вспоминаю, что сказал друг Коха: «Он знает, что она здесь?» – «Ну, она все еще жива. Так что, очевидно, нет».

Меня охватывает страх.

Нолан Сойер презирает меня. Нолан Сойер хочет убить меня. Нолан Сойер смотрит на меня сверху вниз с раздирающим душу напряжением, которое человек обычно припасает для тех, кого ненавидит с силой миллиона жаждущих крови медведей.

Разве не он однажды сломал септум в носу другого игрока? До меня доходили разные истории. Что-то случилось *после* турнира и…

Он собирается разорвать меня на куски? Смогут ли в морге собрать мое тело? Или им придется нанимать профессионального визажиста, похожего на тех гуру с «Ютьюба», которые вечно снимают разоблачающие видео друг на друга?

– Йоху-у-у-у!

Кто-то пробегает мимо нас – вижу размытые очертания темной кожи и красных плавок – и бомбочкой прыгает в бассейн, из-за чего в воздух поднимаются брызги, похожие на маленькое цунами.

Сойер бормочет что-то типа:

– Черт, Эмиль.

Это шанс на побег, которого я так ждала.

Я удираю, ноги скользят по мокрому полу. Уже у двери совершаю ошибку и оборачиваюсь: Сойер смотрит на меня, губы приоткрыты, глаза темнее ночи.

Делаю единственную разумную вещь: хлопаю дверью и не перестаю бежать, пока не оказываюсь в своей комнате и, мокрая, не валюсь на кровать.

Это наша вторая встреча. И второй раз я сдалась, как загнанный в угол конь.

Глава 8

Сплю я плохо – мне без остановки снится, что я ошибаюсь в игре, за что меня осуждают знакомые темные глаза, – и просыпаюсь рано. Левую ногу свело судорогой.

– Моя жизнь – отстой, – бормочу я и скачу в ванную, раздумывая о том, чтобы отрезать себе стопу большим мясницким ножом.

Потом понимаю, что у меня началась менструация.

Смотрю вниз на свое неподходящее, предавшее меня тело, отказывающееся сотрудничать, и в качестве мести клянусь больше никогда не кормить его листовыми овощами. Как тебе такое, засранец?

На второй день я припасла еще один сарафан: голубой, с кружевной каймой и летящими рукавами. Едва надев его, вспоминаю, как косился на меня Мальте Кох.

«Ты отвлекла его декольте?»

В десятом классе учившийся на год младше Кейден Санфилиппо, которого я знала еще с началки и чьим девизом было «Оставайся мудаком», начал подтрунивать надо мной из-за одежды. Моя гипотеза состояла в том, что он втюрился в Истон и пытался привлечь ее внимание, выбешивая лучшую подругу, потому что все резко прекратилось, когда она раскрыла свою ориентацию. Помню, как заходила в кабинет физики и Кейден выдавал что-то типа «Эй, гранола», или «Доброе утро, хиппи недоделанная», или «Здесь тебе не “Хол Фудс”[26]». Это продолжалось долгие месяцы, но мне все равно ни разу не хотелось сменить стиль.

Однако сегодня я смотрю в зеркало и тут же избавляюсь от наряда. «В помещении слишком холодно из-за кондиционера», – убеждаю я себя, натягивая джинсы и застегивая фланелевую рубашку, но в зеркало все равно не смотрюсь даже перед выходом из номера.

Я с легкостью побеждаю в первой партии, пусть и чувствую себя как вздувшийся утопленник. После вчерашнего конфуза каждое движение делаю с осторожностью. Это съедает какую-то часть времени, но тактика окупается.

– Черт, – бормочет мой оппонент, перед тем как сунуть мне руку, предположительно, чтобы признать поражение. Пожав плечами, я отвечаю на рукопожатие.

Мой второй оппонент опаздывает. Минута. Две. Пять. Я играю белыми, и судья турнира советует мне сделать первый ход и запустить часы, но так поступил бы только настоящий говнюк.

По мере того как игроки один за другим выбывают, число партий за тур сокращается. Отмечаю, что в зале теперь не так много столов – и все они вдалеке, а оставшиеся игроки примерно моего возраста или немного старше. Недавно Дефне проверяла, увеличила ли я свою физическую нагрузку (конечно нет), и сказала мне, что шахматы – игра молодых, так что физически, морально и когнитивно большинству топовых гроссмейстеров становится тяжелее сразу после тридцати. Чем больше я тренируюсь, тем больше понимаю, что это правда.

Чтобы скоротать время, рисую цветочки на карточке с протоколом, раздумывая над письмом, которое получила из школы Дарси. В ее классе у двух детей аллергия на орехи, поэтому сэндвичи с арахисовым маслом приносить больше нельзя. Взамен предлагают попробовать масло из семян подсолнечника, но я больше чем уверена: если Дарси оно не понравится, она тут же сообщит в Службу защиты детей, что я пытаюсь ее отравить.

– Мне так жаль, – произносит кто-то с британским акцентом. Высокий парень пытается уместиться на стул напротив меня. – В туалете была очередь, а я выпил три кружки кофе. «Голодные игры» нервно курят в сторонке по сравнению с тем, что происходит в мужском туалете во время шахматного турнира. Меня зовут Эмиль Карим, приятно познакомиться.

Я выпрямляюсь:

– Мэллори Гринлиф.

– Знаю. – У него открытая и теплая улыбка, зубы цвета слоновой кости контрастируют с чисто выбритой темной кожей. Он, очевидно, в курсе, что привлекателен не меньше какого-нибудь голливудского актера.

– Мы раньше встречались? – спрашиваю я.

– Не встречались, – снова его улыбка, ямочка на левой щеке становится глубже.

Что-то в нем кажется мне знакомым, но, что именно, я понимаю только спустя три хода.

Это парень из бассейна. Тот, что бежал. В красных плавках. Забрызгавший меня и Нолана Сойера, благодаря чему у меня появилась возможность ретироваться. Мне, наверное, нужно как следует подумать, прежде чем разглашать эту информацию, но Эмиль – слишком хороший игрок, чтобы позволить себе отвлекаться. У него осторожный, позиционный стиль[27] с вкраплениями неожиданных атак. Мне необходимо какое-то количество ходов, чтобы привыкнуть к его игре, и еще больше – чтобы продумать контратаку.

– Гринлиф, – говорит он с самоуничижительной улыбкой на губах, когда я съедаю его королеву, – будь добра, прояви немного милосердия.

Это первый игрок, который заговаривает со мной во время партии, и я понятия не имею, что ответить. Становится ясно, что шахматы разрушают мои социальные навыки.

– Ну-ну-ну, – голос соперника звучит почти довольно, когда я загоняю его в угол. – Теперь вижу, почему он не может перестать говорить о тебе, – бормочет он.

Или мне кажется – я толком не могу разобрать слова. Эмиль снова улыбается в своей приятной и располагающей манере.

Мне хочется подружиться с ним.

– Ты профессиональный игрок? – спрашиваю я.

– Не-а. У меня есть жизнь помимо шахмат.

Смеюсь:

– И чем ты занимаешься?

– Я учусь на последнем курсе в Нью-Йоркском университете. Экономика.

Озадаченно наклоняю голову: почему-то думала, что он младше.

– Мне девятнадцать. Пропустил несколько классов в школе, – добавляет он, будто прочитав мои мысли.

– Ты гроссмейстер?

– На данном этапе турнира каждый игрок здесь гроссмейстер. Кроме тебя, – замечает он без всякой злобы и с большой долей наслаждения. – Уверен, некоторые сегодня еще поплачут из-за тебя в мужском туалете.

– Они скорее попытаются взломать мою машину.

– Если они идиоты. Дай угадаю, ты познакомилась с Кохом?

Киваю.

– Забей. Он жалкий мелкий червяк, который не может пережить, что его стояк однажды засветился на национальном телевидении.

– О нет.

– О да. На вручении наград Монреальского турнира. Пубертат может быть жестоким, как и люди в интернете. Каждый считал своим долгом забацать какой-нибудь мем. А однажды он провел целый матч с Каспаровым◊ [28] с гигантской козявкой, которая торчала у него из носа. От такого уже не отмыться.

Я прикрываю рот рукой:

– Это его личная история становления как злодея.

– Быть вундеркиндом и расти на глазах журналистов не так-то просто: они порой беспощадны. В шестнадцать Кох решил попробовать отрастить козлиную бородку, и, конечно же, фото были везде. Никто не потрудился сказать ему, что он выглядел как собственный близнец – истощенный и с недостатком железа в крови.

Я не удерживаюсь от своего первого настоящего смешка с начала турнира. Или даже с того момента, как Истон уехала в колледж. Эмиль смотрит на меня с добродушным любопытством.

– Против тебя у него нет шансов, – загадочно произносит он.

Я прочищаю горло:

– Давно ты играешь?

– Уже вечность. Моя семья переехала в Штаты, когда я был еще маленьким, так что я учился у лучших. Но в отличие от всех этих людей, – он взглядом окидывает помещение, – шахматы мне нравятся в разумных пределах. Я лучше получу работу в финансовой сфере и время от времени буду участвовать в турнирах для собственного

удовольствия. К тому же мой лучший друг – сильнейший игрок за последние несколько столетий. Я постоянно проигрываю ему свои коллекционные фигурки Человека-паука. Что заставляет переосмыслить приоритеты.

Я напрягаюсь:

– Что ты…

– Белые идут дальше, – прерывает нас судья. – Следующий раунд через десять минут.

Так не хочется завершать наш с Эмилем разговор, особенно когда я обнаруживаю Дефне на улице рядом с понурившимся, угрюмым, бурлящим от негодования Озом.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Мой свадебный организатор не может найти пионы. Как ты думаешь, что случилось? Конечно, я проиграл, – он свирепо смотрит в мою сторону. – Этот турнир – пустая трата времени.

Я чешу затылок. Хочу спросить Дефне, не осталось ли у нее еще «Твиззлерс», но, похоже, момент не совсем подходящий.

– Готова спорить, ты бился до последнего.

– Не смей утешать меня.

Я умолкаю и делаю шаг назад.

– Видела, что ты играла против Карима, – говорит Дефне. – Он превосходный игрок.

– Так и есть.

– Как все прошло?

Я тревожно оглядываюсь, пытаясь предугадать, насколько велик шанс, что Оз сейчас набросится на меня. Скорее всего, я смогу с ним справиться, но что, если у него в кармане серп? Он *определенно* похож на людей, которые носят с собой складные серпы.

– Мне очень повезло. Он был не в лучшей форме, так что…

– О боже, – Дефне вскакивает на ноги. – Ты победила?

– Уверена, все это просто…

Она обнимает меня за шею.

– Это невероятно, Мэл! Чего ты тогда здесь болтаешься?

– Это была просто игра. Я не…

– Ты вышла в четвертьфинал!

Подождите.

– Подождите.

Что?

– Что? Не может быть, чтобы мы дошли до четвертьфинала.

– Ты вообще смотрела на турнирную таблицу? – язвительным тоном интересуется Оз.

– Я… не знала, куда смотреть. Пыталась концентрироваться на партиях.

– Это как метать жемчуг перед свиньей, – бурчит Оз.

Я хмурюсь:

– Ты меня что, сейчас назвал свиньей?

Дефне заталкивает меня обратно в помещение, плача от счастья из-за моего рейтинга ФИДЕ. Я ожидаю, что она поведет меня в зал для соревнований, но в коридоре она резко сворачивает налево.

– Куда мы…

– Четвертьфинал пройдет здесь. – Она долго и внимательно на меня смотрит. – Ты не думала накраситься?

– Зачем мне краситься?

– О, это необязательно. Я не хотела, чтобы это прозвучало так, будто ты должна. – Дефне смущена. – Выглядишь потрясающе. Ты всегда хорошо выглядишь. К тому же наши тела – это всего лишь оболочка из мяса и костей, которая помогает нам пройти наш смертный путь. Нет необходимости прихорашиваться перед камерами…

– Перед камерами?

– Ну да. Съемка крупным планом, все дела. Пойдем, мы опаздываем.

Это помещение меньше и богаче оформлено, к тому же здесь много народу. Люди торопливо занимают места и возбужденно перешептываются, будто им вот-вот покажут новую часть «Форсажа». Перед зрителями на возвышении располагаются столы с четырьмя досками и обычными стульями. Дорогие часы и «Фиджи» для каждого участника. Эта вода стоит три бакса за бутылку. Они серьезно?

– Камеры снимают каждую пару игроков и их доску. Партии транслируются на экранах. И, – Дефне показывает в сторону, – вон там сидят комментаторы.

– Комментаторы?

– Не переживай. Они с разных стриминговых сервисов и телеканалов. Ты не будешь слышать, как они комментируют твои

ошибки. – *Господи...* – Организатор турнира позовет тебя на сцену, но…

– Время начинать, – объявляет комментатор. – Первая доска – Мальте Кох и Илья Мирослав. Вторая – Мэллори Гринлиф и Бенул Джексон. Третья доска – Ли Вей и Нолан Сойер. Четвертая доска…

Внутри меня все сжимается. Я поворачиваюсь к Дефне.

– Что случится, если я выиграю?

Дефне, кажется, не ожидала такого вопроса:

– Перейдешь в полуфинал.

– Против кого?

– Против того, кто выиграет свою партию. А что? В чем проблема?

В чем проблема? В чем *проблема?!*

– Дефне, я не хочу играть против…

– Пожалуйста, игроки, пройдите на сцену и встаньте для общей фотографии.

У меня подгибаются колени. Дефне ободряюще кивает. Затем посылает не менее ободряющую улыбку. А когда становится понятно, что мои ноги сделаны из бетона и не собираются никуда идти, ободряюще подталкивает. Я с трудом тащусь вверх по ступенькам, с ужасом думая о том, что сейчас навернусь. Вот она я, Дженнифер Лоуренс на «Оскаре». Храмовая жрица публичных неудач. Может, меня еще и стошнит – чисто чтобы поржать.

Пройдя в конец ряда финалистов, я встаю рядом с Кохом (который смотрит на меня с выражением: «Видимо, сюда теперь пускают кого попало»), в двух шагах от другого игрока. Того, что выше остальных. Что выглядит мрачнее остальных. И с характером хуже, чем у остальных.

Я отказываюсь даже думать о нем.

– Гринлиф, верно? – спрашивает меня организатор турнира.

Соблазн сказать «нет» велик, но я все же киваю. Несложно догадаться: я единственный игрок, которого он прежде не видел, потому что я никто из Никтобурга. Не говоря уже о том, что единственная девушка.

Стараюсь не смотреть в зал. Звуки вспышек и перешептывания зрителей и так заставляют нервничать.

– Доска номер два. Справа.

С опущенной головой тащусь в нужную сторону. Где-то среди всего этого затаился темный, задумчивый взгляд, с которым я бы не рискнула встретиться.

Бенул Джексон по меньшей мере на три года младше меня. Игра с ним – сплошное удовольствие. Его движения элегантны, в атаках – красота, в защите – достоинство. Все это почти помогает забыть, что сейчас один из самых публичных моментов в моей жизни. Папа однажды сказал: «Есть два типа игроков: воины и художники». Джексон – последний.

А еще он ужасно медлительный.

Во время предыдущих партий, если оппонент слишком долго раздумывал над ходом, я вставала прогуляться или немного размяться. Порой мне даже удавалось подглядеть, что там происходит на соседних досках. Но сейчас мне не хочется даже шевелиться. Что, если поскользнусь? Или встану слишком быстро и потеряю сознание? Что, если я протекла? Мальте Кох и его безвременно ушедший в историю стояк должны оставаться предупреждением для всех нас. Именно поэтому я просто озираюсь: на комментаторский стол, вертикальную линию лба Джексона, мой бланк нотации. Я записываю свои ходы и после принимаюсь рисовать каракули на полях. Цветочки. Сердечки.

Темный, напряженный взгляд глубоко посаженных глаз…

Вспыхнув, останавливаю себя. К счастью, Джексон выбирает этот момент, чтобы съесть мою ладью, и попадает в ловушку. В нем слишком много художника и недостаточно воина. Я выигрываю за четыре хода, и он пожимает мою ладонь со смущенной улыбкой, которая показывает, что он сбит с толку.

– Впечатляет, – говорит он. – Удивительно. Твой стиль напоминает… – Его взгляд перемещается куда-то за мое плечо. Он останавливается, трясет головой и покидает помост.

Когда я оглядываюсь в поисках Дефне, то замечаю, что несколько журналистов с любопытством на меня поглядывают. Я закрываю глаза и воздаю безмолвную молитву пантеону шахматных полубогов: «Пусть моя следующая партия будет не против Сойера. Пожалуйста. Я выпущу кишки похищенной морской свинке с депрессией на вашем алтаре».

Но когда столы для полуфиналистов готовы, до меня наконец доходит. Сойера объявляют в паре с Этьеном Пуази. Я инспектирую мозг, чтобы убедиться, что это не мое имя. Фух. И, довольная, направляюсь к своей доске в надежде, что Дарси не сильно расстроится, когда я распотрошу ее питомца.

В этот момент замечаю Мальте Коха, сидящего со стороны белых.

И резко останавливаюсь.

Нет. Нетушки. Фигушки вам. Я не собираюсь играть против какого-то мудака, чье понимание разницы между полами осталось в тридцатых годах прошлого столетия. Ни за что на свете я…

– Все в порядке? – спрашивает организатор турнира, заметив мою нерешительность.

Да я лучше буду пить спрей для тела «Акс», пока дикие еноты пируют моим вскрытым костным мозгом, чем сяду напротив этого выродка.

– Ага, – сглатываю я.

Ухмылка Коха вызывает во мне такое непреодолимое желание влепить ему пощечину, какого я еще не испытывала никогда, но то, как он обращается с фигурами, выдает в нем опытного игрока. Каждый раз, передвигая фигуру на новую клетку, он слегка касается пальцами верхушки, будто стряхивает пепел с сигареты. Теперь я хочу содрать с него кожу и использовать в качестве новой обивки для маминого дивана.

Тут он начинает говорить:

– Смотрю, ты добралась до полуфинала.

– Очевидно.

– Ты здесь в рамках программы «Загадай желание»? Может, тут всех предупредили, что тебе надо поддаться? Только жаль, меня забыли.

Я хожу пешкой в ответ на его вариацию испанской партии[29], от которой меня начало тошнить, пока я читала о ней последние две недели. Уверена, по правилам он не должен разговаривать со мной во время моего хода. Почти уверена, но, к сожалению, не на сто процентов.

– Ты знала, что турниры на выбывание еще называют внезапной смертью? Ну, типа ты проигрываешь – и как бы сдохла.

Я напрягаю челюсть:

– Разговаривать обязательно?

– А что? Бесит?

– Ага.

Еще одна ухмылка.

– Тогда да, обязательно.

Мне хочется подрезать тормоза в его машине. Совсем чуть-чуть.

– Знаешь, – продолжает он будничным тоном, – мне больше нравится, когда женщины знают свое место и участвуют только в женских турнирах. Есть некое очарование в естественном порядке вещей.

Я поднимаю голову и приторно улыбаюсь:

– А мне больше нравится, когда мужики затыкаются и засовывают ладью себе поглубже в задницу, но мы не всегда получаем то, о чем мечтаем.

Улыбка Коха становится шире. Он поднимает руку, чтобы сообщить организатору турнира, что ему нужно что-то сказать.

– Простите, не могли бы вы попросить мисс Гринлиф не выражаться?

Организатор испепеляет меня взглядом:

– Мисс Гринлиф. Вы здесь новенькая, но правила никто не отменял. Они одинаковы для всех.

– Но… – начинаю я и тут же замолкаю, чувствуя, как горят щеки.

Я убью его. Я убью Мальте Коха собственными руками. Или сделаю кое-что почти столь же прекрасное: уничтожу его чертового короля.

Возможно.

Может быть.

Если у меня получится.

Самое ужасное, я совсем не удивлена, что Кох второй в мире. Он превосходный игрок. Пытаюсь прижать его королеву, но он ускользает. Пытаюсь взять под контроль центр поля, но он выдавливает меня назад. Пытаюсь прорваться через его линию обороны, но он не просто отбивается от моей атаки, а начинает собственную, благодаря которой едва не ставит моему королю шах.

«Очень опасный игрок», – говорю я себе.

«Вдобавок, он самый вонючий мешок с дерьмом, который ты когда-либо встречала», – добавляет внутренний голос.

Я позволяю себе что-то вроде смешка и вновь устремляюсь в атаку.

Наша партия длится дольше прежней. Прошло уже семьдесят минут, а мы все еще сражаемся. Я съела его королеву, но он забрал моих ладью и коня, и плотный, железобетонный страх начинает подниматься со дна моего желудка. Я начинаю потеть. Затылок горит, волосы липнут к коже.

– Что ты здесь забыл? Пришел посмотреть на мой мастер-класс? – Кох говорит так тихо, что вряд ли микрофоны журналистов смогут уловить хоть слово.

Но говорит он не со мной.

– Она добьет тебя меньше чем за пять ходов, – глубокий, уверенный голос звучит из-за моей спины.

Я узнаю его обладателя, но не оборачиваюсь, даже когда шаги стихают.

Сойер определенно бредит. Победа мне точно не светит. В этой позиции я почти ничего не могу сделать. И, как уже говорила, уровень игры Коха…

Оу.

Оу.

Внезапно до меня доходит. Меньше чем за пять ходов. Да. Да, мне нужно всего лишь…

Передвигаю пешку. Беззвучное, безопасное движение, но Кох тут же прищуривается. Он понятия не имеет, что я замышляю, и, наверное, думает, что я, как обычно, атакую исподтишка. Пока он изучает доску, будто где-то там спрятан военный шифр, я откидываюсь на спинку стула и позволяю себе расслабиться. Беру ручку, записываю свой ход и, чтобы чем-то себя занять, пытаюсь нарисовать портрет Голиафа. Это глупое чудовище и правда проникло в мое сердце.

Кох ходит конем. Я тут же отвечаю слоном, чем запутываю его окончательно. После повторяю свой ход, затем снова и снова, пока…

– Время вышло, – сообщает организатор.

Кох поднимает глаза, они широко открыты, губы вытянулись в тонкую линию. Тут до него доходит.

– Ничья. Черные двигаются дальше.

Кох напрягает челюсть. Ноздри гневно раздуваются. Он смотрит на меня так, словно я украла деньги, которые он отложил на обед,

и купила себе боа из перьев. Хотя, давайте начистоту, все примерно так и было.

– Внезапная смерть, – одними губами произношу я.

– Ты провела меня, – выплевывает Кох.

– А что? Бесит?

– Да!

Улыбаюсь:

– Тогда да, я провела тебя.

Сорокапятиминутный перерыв перед финалом я провожу в компании Дефне и Оза на траве под тенью кустов гибискуса. Кайф оттого, что поимела Коха, быстро угасает, сменяясь животным ужасом.

Моя следующая партия пройдет против Сойера. И поскольку мой мозг сделан из яблочного пюре, я не могу перестать думать о его суровом выражении лица. Пропитавшийся хлоркой воздух превращает волосы у него на шее в маленькие завитки… Полные губы едва двигаются, как будто он хочет мне что-то сказать…

– Первый турнир, и ты проходишь в финал, – бормочет Оз, гневно разламывая веточку на миллионы кусочков. – Чертовы гениальные детки.

– Мне восемнадцать, – замечаю я.

– В шахматах ты еще ребенок. Младенец. Я мог бы дать тебе грудь, и ты бы еще не знала, как сосать молоко.

Брови Дефне взлетают.

– Не знала, что ты можешь кормить грудью, Оз.

– Я хочу сказать, что она выдающаяся шахматистка. Но это несправедливо. Вундеркинды сейчас чуть ли не на деревьях растут. А знаешь, через что приходится пройти остальным? Тяжелый труд. Преграды. Такие, как ты и Сойер, с вашими одаренными мозгами и безграничным талантом, на голову выше остальных.

Мы с Дефне обмениваемся удивленными взглядами. Может, я и не прониклась к Озу, но он точно начал ко мне привязываться.

– Ты уже играл против Сойера? – спрашиваю я.

– Конечно. Еще когда он был сопляком.

– Выигрывал?

Оз уклончиво смотрит в сторону, подбородок вздернут.

– Не то чтобы. Но однажды я предложил ему ничью, и он даже подумывал принять ее.

– Что насчет тебя? – спрашиваю Дефне.

И чувствую, что в ее «Ага. Выигрывала» сквозит напряжение.

– Есть какие-нибудь лайфхаки, чтобы не опозориться?

– Дебютируй испанской партией или защитой Каро – Канн. Как можно скорее делай рокировку, – Дефне сдержанна и немногословна, что совсем на нее непохоже. – Все будет хорошо. Ты знаешь, как играть с Ноланом.

Интересно, почему она зовет Сойера по имени, когда в шахматном мире принято в основном использовать фамилии.

– Если предположить, что ты нацелена на победу, знай, – предупреждает Оз, – он не только пугает до усрачки во время игры, но еще и вылетает как пробка с пресс-конференции, пинает стены, а однажды назвал арбитра куском дерьма. К тому же все мы понимаем, в кого он такой, так что…

– Оз, – тон Дефне резче, чем когда-либо.

– А что? Это правда. И про его деда, и про то, что он полнейший придурок.

– Он был ребенком. Силу применил только один раз с Кохом, за что его вряд ли можно винить. И ничего подобного с тех пор за ним не замечено, – возражает Дефне. – Когда он проиграл Мэллори, то просто сидел и смотрел ей вслед… – Она пожимает плечами и смотрит мне в глаза. – Нет нужды сдерживать себя, Мэл. Он большой мальчик. Что бы ни случилось, Нолан это примет, – ее улыбка слабеет. – Возможно, он даже *хочет,* чтобы ты выиграла.

Сомневаюсь, что не контролирующий свои эмоции Нолан действительно этого желает. Вполне возможно, я накручиваю себя, а он едва помнит о моем существовании, наверняка забыл, что мы играли, да и пялился прошлой ночью только потому, что я купалась полуголой, как какая-нибудь сумасшедшая, которая разговаривает с фонарными столбами.

Партия пройдет нормально. Без каких-либо потрясений. Не так уж важно, как она вообще пройдет. Совсем неважно. Абсолютно неважно. Я, скорее всего, проиграю, потому что Нолан Сойер – это Нолан Сойер. И хотя часть моего мозга, которая обожает соревнования, – то есть весь мозг – ненавидит мысль о поражении, все это не имеет значения. Я вообще просто притворяюсь, чтобы получить стипендию.

– Мэллори, есть минутка? – кто-то пихает микрофон мне в лицо, когда я возвращаюсь в помещение для соревнований. Кажется, журналистов стало в три раза больше. Вполне возможно, это ощущение вызвано тем, что все они столпились вокруг меня, засыпая вопросами: – Какой у вас бэкграунд? Правда ли, что вы тренируетесь в «Цугцванге»? Есть ли у вас стратегия на финальную партию? – И мое любимое: – Каково это, быть женщиной-шахматисткой?

– Прошу нас извинить, – говорит Дефне с вежливой улыбкой, вставая между мной и камерами, а затем помогает мне пройти через толпу.

Меня продолжают фотографировать и просить прокомментировать игру, поэтому остается только одна возможность сбежать.

На сцену.

Сойер уже там. Ждет. Сидит со стороны черных и отслеживает каждое мое движение. Взгляд полон тревоги. Есть что-то резкое, хищное в его глазах, которыми он практически пожирает меня со своего места. Будто бы партия – это так, на закуску, а основное блюдо, которое он собирается отведать, – я.

Единственное разумное объяснение такому поведению – он и правда меня ненавидит. Он в предвкушении оттого, что я здесь, на его поле битвы, где он с легкостью одолеет меня, отомстив за тот раз, когда проиграл. Сойер покрошит меня в винегрет, польет бальзамическим уксусом и будет смаковать каждую секунду этого ужина.

Успокойся. Это твое разбушевавшееся воображение. Ты ведь иногда думаешь, что летящие по небу птицы – это стервятники, явившиеся по твою душу.

Плотное, теплое напряжение сжимается внутри пружиной. Сойер просто производит такое впечатление. Возможно, я ему и не нравлюсь, но только чуть-чуть. Самую малость. Когда ему совсем больше не о чем думать.

Я заставляю себя подойти к нему – шаг за шагом, шаг за шагом. Щелкают вспышки, толпа шумит, и я наконец оказываюсь у доски.

Сойер встает.

Я протягиваю руку.

Он тут же с горячностью пожимает ее и слишком долго не отпускает, зажав в своих теплых, неожиданно мозолистых ладонях.

– Мэллори, – бормочет он. Его голос глубокий и какой-то мрачный на фоне непрекращающегося звона затворов, отчего меня бросает в дрожь.

Жар касается моего позвоночника, кожа будто наэлектризована.

– Привет, – говорю я.

У меня не выходит оторвать от него взгляд. Я что, тяжело дышу?

– Привет.

Он что, тоже тяжело дышит?

– Привет, – повторяю я, как настоящая идиотка. Мне просто надо сесть, мне просто надо…

– Извините, – незнакомый голос.

Я слишком сконцентрирована на Сойере, поэтому не сразу соображаю, что происходит.

– Мисс Гринлиф, прошу прощения. Мне нужно кое-что вам сказать.

Оборачиваюсь. Организатор турнира наблюдает за нашим рукопожатием с извиняющимся, вымученным лицом.

– Произошла ошибка, мисс Гринлиф. – Он прокашливается. – Вы не сможете участвовать в этой партии.

Глава 9

Моя жизнь – бесконечный повтор «Огненного фестиваля»[30], так что нечего удивляться. И все равно у меня шок, ведь я начала играть в шахматы всего три недели назад, а уже вовлечена в скандал.

Ну правда, что за черт?

«Люди пишут о тебе в твиттере, – шепнула мне Дефне несколько минут назад. – Все это бред. Народ на твоей стороне».

Слава богу, что ни моя мама (слишком чувствительная), ни Дарси (слишком маленькая), ни Сабрина (слишком поглощена тиктоком) не сидят в твиттере. Стоило взять себе шахматный псевдоним. Королева Ван Ладьевна. Ферзи Маккасл. Пешкарелла Черная.

– Но она же победила.

Дефне представилась моим тренером и уже десять минут пытается оспорить решение организаторов. Я стою рядом, едва понимая, о чем речь.

– Все верно, да, – говорит организатор, в то время как его умоляющий взгляд просит немного анальгетика для облегчения боли.

Он перенес разговор со сцены в укромное место, где нет камер, но журналисты все равно кружат вокруг, как голодные акулы. Судя по всему, все самые смачные подробности все равно покажут по телевизору.

– Есть правила, – продолжает мужчина, – и одно из них гласит: в протоколе можно отмечать только ходы. А мисс Гринлиф… хм, нарисовала некоторые посторонние вещи и…

– Ну давай же, Рассел, – очевидно, Дефне с ним давно знакома. – Это ее первый турнир – она понятия не имела.

– Тем не менее ее оппонент подал жалобу. Это его право.

Десять пар глаз направлены в сторону Коха, который взирает на нас с высоты своего ухмыляющегося расстройства личности. Он меня переиграл, за что я хочу обдать его кипятком и скормить ядовитым древесным лягушкам.

– В чем вообще смысл этого правила? – ворчу я себе под нос.

– Чтобы игроки не портили записи – иногда это может послужить преимуществом, – отвечает Дефне. – Правда, это правило не пересматривали сотню лет. Могли бы придумать, что и жареную курицу можно есть только руками.

– Что она там рисовала? – лениво спрашивает Сойер своим глубоким голосом.

Вишенка на торте: Нолан Сойер и его менеджер – собранная и по-деловому одетая рыжая особа за тридцать – участвуют в этом и без того неприятном разговоре. Сойер возвышается надо мной, руки

скрещены на груди, черный блейзер, надетый поверх белой рубашки, расстегнут у горла.

«До ужаса привлекательный», – несвоевременно вякает мой внутренний голос. Я заставляю его заткнуться.

По крайней мере, стиль общения Сойера с Кохом доказывает, что он ненавидит его всеми фибрами души. Я все еще не знаю, какого он мнения обо мне, но даже если я ему неприятна, в его списке ненависти я далекий второй номер.

– Вот, – Дефне передает ему мой протокол, и я чувствую, как краснею.

– Едва ли рисунок… – он всматривается в изображение на полях; брови вопросительно изогнуты, – кошки может помочь получить преимущество в партии.

– Это морская свинка, – бормочу я, и на меня тут же устремляется двенадцать пар неодобрительных глаз.

– К сожалению, правило сформулировано общими словами, – объясняет Рассел. – Я бы не стал за такое дисквалифицировать, но оппонент мисс Гринлиф, мистер Кох, настаивает именно на этом.

– Это дерьмо собачье. – Сойер с равнодушным видом возвращает протокол.

– Что, Сойер? – ухмылка Коха становится резче. – Боишься, что я уложу тебя на лопатки?

Не по этой ли причине Сойер на моей стороне? Он всерьез думает, что победить меня будет гораздо проще? Беспокойство щекочет мой желудок, но я вовремя напоминаю себе, что мне безразличны и шахматы, и мальчишки, и мужчины, которые в них играют. *Это обман*. Я их всех обманываю ради денег.

– Закрой пасть, Кох, – реагирует Сойер скорее раздраженно, чем злобно, будто Кох всего лишь назойливый комар, от которого он пытается отмахнуться. – Если вы исключите Мэллори, – говорит он таким тоном, словно у него есть право на мое имя, – я отказываюсь играть.

Рассел бледнеет. Вряд ли его репутации пойдет на пользу добровольный выход из соревнования лучшего игрока.

– В таком случае мистер Кох будет автоматически объявлен победителем.

– Меня все устраивает, – парирует Кох.

Сойер раздумывает какое-то время. Затем разочарованно трясет головой. Его челюсть сжимается, и я жду, что сейчас он начнет делать то, что и всегда: кричать, устроит сцену, сломает что-нибудь.

Но ничего из этого не происходит. Он поворачивается ко мне и долго смотрит, а я не могу понять, что он хочет этим сказать.

– Ненавижу все это дерьмо, – бормочет он, а потом начинает подниматься обратно на помост, чтобы в очередной раз занять свое место.

Рассел облегченно выдыхает. Я едва удерживаюсь от соблазна поставить Коху подножку, когда он следует за Сойером.

– Мерзость, – говорит мне Дефне. Когда партия начинается, ее взгляд прикован к мониторам, где идет прямая трансляция. – Ну и кретин.

– Ага. Если честно, думаю, нам лучше уйти. Не хочу смотреть, как играет Кох… Подожди. Что делает Сойер?

Он перемещает своего коня в наистраннейшей манере. Вперед – назад, затем снова вперед – назад. Куча бесполезных, беззвучных ходов, в то время как Кох на полном серьезе собирается атаковать белыми.

– Он… – На лице Дефне медленно расползается ухмылка. – О, Нолан. Маленький засранец.

– Зачем он это делает?

– Дает Коху фору.

– Почему?

Дефне рукой прикрывает рот, чтобы скрыть смешок. Все вокруг перешептываются.

– Он показывает Коху, что может разгромить его даже из уязвимой позиции.

– Это…

– Будет серьезным унижением.

– Но это безумие. Я хочу сказать… Что, если он проиграет?

Однако мои опасения напрасны. Сойер выигрывает за такое рекордное количество ходов, что не может вызвать ничего, кроме стыда. Со стороны Коха, разумеется. Бедняга раскраснелся как помидор, глядя, как Рассел – организатор турнира, который вечером гарантированно приложится к бутылке, чтобы выкинуть

из головы весь этот ужас, – вручает Сойеру чек на пятьдесят тысяч долларов.

Мои глаза готовы вылезти из орбит, возможно, позже мне понадобится оперативное вмешательство.

– Пятьдесят *тысяч* долларов?

– Ну, это всего лишь открытый турнир, – объясняет Дефне. – Знаю, это немного, но…

– Да это дофига денег! – я едва не давлюсь собственной слюной.

Кто же знал, что здесь такой большой приз? Это что, «Онлифанс»?

Не могу перестать следить за Сойером, пока он спускается со сцены. Пресса мгновенно окружает его и заваливает вопросами, но он поднимает руку – и журналисты как по команде расступаются, будто и правда боятся этого нестабильного, непредсказуемого двадцатилетнего парня. А затем…

Затем к нему подбегает красивая девушка с длинными темными волосами, и он обнимает ее. Я смотрю, как она смеется, как он выдавливает из себя что-то наподобие улыбки, как закидывает руку ей на плечо и направляется к выходу. Мне приходится отвести глаза, потому что… я бы не хотела встретиться с его взглядом, способным высосать душу.

Пока размышляю о том, как, должно быть, несчастна его подруга из-за непростого характера Сойера и слухов о сестрах Бодлер, ко мне подходит темноволосая молодая девушка с бейджиком Би-би-си. Я открываю рот, чтобы произнести: «Нет, пожалуйста, не заставляйте меня это делать, не заставляйте меня давать интервью», – но она заговаривает первой:

– Мэллори? Меня зовут Элени Гатаки. Приятно познакомиться.

– Я сейчас немного…

Она замечает, что мой взгляд застыл на ее бейджике.

– Я здесь не для… Просто стажерка.

– О, – расслабляюсь я.

– Ну, пока что. Надеюсь, однажды я стану репортером и буду делать материалы о шахматах для Би-би-си. В любом случае я просто хотела сказать, что ваша игра была великолепна. Я уже ваша фанатка! Между нами, настоящий корреспондент Би-би-си – скучный, старомодный мужик, который пишет только про одних и тех же трех чуваков. Но я собираюсь предложить начальству свою первую статью,

и она будет о тебе. Ну, не совсем о *тебе*, а о твоем стиле игры. Ты так круто играешь, настоящее удовольствие!

Я сбита с толку ее энтузиазмом. Без понятия, как ей лучше ответить, поэтому испытываю благодарность, когда Рассел прерывает нас и спрашивает, не могу ли я подойти к нему.

– Мне жаль, что так случилось. – Он протягивает конверт. – Вот приз за выход в полуфинал.

Я вскрываю его, ожидая… Не знаю. Брошюру о том, как эффективно использовать сицилианскую защиту. Купон на двухчасовую консультацию со спортивным психологом. Наклейки с Лило и Стичем.

Только не чек. На десять тысяч долларов.

Это ошибка. Но моя первая, животная реакция – взять его. Спрятать. Сбежать с ним.

Я хочу эти деньги. О, сколько на свете способов их потратить! Я могла бы погасить долг по кредиту. Открыть сберегательный счет. Заплатить за курсы механиков. Сказать «да» Дарси и Сабрине, когда они потребуют очередную банальную хрень. Роликовые коньки. Слайм. Уроки игры на пианино. Плюшевого тамарина.

Боже, как я хочу эти деньги. Желание столь велико, что мне надо избавиться от этой суммы немедленно.

– Мне нужно кое-что тебе сказать, – говорю я Дефне, когда она моет руки в удивительно пустом женском туалете. – Я… Мне дали чек. По ошибке, думаю. Десять тысяч.

– Это приз для полуфиналистов. – Она недолго борется с мыльницей. – Ты разве не читала, что написано на их сайте?

У этого турнира есть сайт?

– Я… – Моргаю. *Десять. Тысяч. Долларов*. О боже. Но… Я не могу. Я должна отдать ей эти деньги. – Вот. – Даю ей чек. – Ты мой спонсор. Это твое.

– Не-не. Ты заработала их. Хотя, предполагаю, тебе нужно заплатить с них налог. Уточни у своего бухгалтера.

Мой бухгалтер. Точно. Тот самый, который сейчас отдыхает на Сейшелах вместе с моим управляющим хедж-фондом.

– Я пойду за машиной, и мы поедем домой. Но, Мэл, – Дефне серьезно на меня смотрит, – главный приз в чемпионате мира – два миллиона долларов. В Турнире претендентов – сотня тысяч. Уточняй

заранее, раз ненавидишь читать правила на сайтах. – Подмигнув, она удаляется, оставив меня наедине с чеком, на который я пялюсь целую вечность.

Кажется, мне нужно кардинально пересмотреть свой план «притворяйся, что умеешь играть в шахматы».

Глава 10

Дефне настаивает, чтобы в понедельник я осталась дома, переспала свое «шахматное похмелье» и пережила весь абсурд, который случился во время турнира. У меня не так часто выдается свободный день, а тут еще и сестры не будут болтаться под ногами. И когда в воскресенье вечером я иду спать, то думаю только о том, чтобы пускать слюни на подушку до полудня, а затем в пижаме отправиться на машине в «Криспи Крим», купить столько пончиков, сколько вешу сама, и съесть девяносто процентов из них вместе с мамой за просмотром шоу «В плену ненужных вещей» на «Ютьюбе».

Но в реальности все складывается иначе.

Думаю, в этом виноват чек, спрятанный во внутреннем кармане моей просторной сумки. Я просыпаюсь в шесть тридцать и сразу захожу на chessworld.com, изучая информацию о каждой партии Мальте Коха.

Их много, и он чертовски хороший шахматист.

Не без слабостей, конечно, которые нельзя было бы обернуть в свою пользу. В полукоматозном состоянии – с засушками в глазах – я ищу ошибки в его игре.

О, и еще: у меня новый главный враг. «Мне больше нравится, когда женщины знают свое место и участвуют только в женских турнирах». Теперь цель моей жизни – повторить ему те же слова после того, как поставлю шах и мат его бесполезному, жирному королю.

– Пожа-а-алуйста, отвези нас в школу! – клянчит Дарси и из мести пукает в мою сторону – это ее новый любимый утренний ритуал.

В машине она трещит так, что уши вянут: самцы морских коньков вынашивают потомство, медузы бессмертны, у свиней оргазм длится полчаса (заметка на будущее: установить на гаджетах родительский контроль). Сабрина сидит тихо, в ушах – наушники, голова склонена над экраном телефона. Я пытаюсь вспомнить, говорила ли она что-нибудь после пробуждения. Потом пытаюсь вспомнить, когда мы с ней вообще разговаривали в последний раз.

М-м-м.

– Эй, – говорю я, припарковавшись, – ты заканчиваешь на час раньше Дарси, верно?

– Ага, – тон оборонительный.

– Тогда я заберу тебя.

– Зачем? – тон оборонительный и подозрительный.

– Можем вместе чем-нибудь заняться.

– Чем, например? – она все еще защищается, но к прежней интонации примешивается что-то еще. Надежда. А еще немного радости. – Можем зайти в кафе на углу и купить кофе.

– Хорошо. Только без кофеина, – добавляю я.

Она хмурится:

– Это почему?

– Тебе еще рано.

Сабрина хмурится сильнее. Я теряю ее.

– Могу помочь с домашкой, – предлагаю я, пытаясь оживить энтузиазм.

– Я постоянно пью кофе. А с домашкой мне давно никто не помогает. Если не заметила, мне больше не девять, Мэл, – она закатывает глаза, и я понимаю, что потеряла ее окончательно. – Я погуляю у школы с другими девчонками с дерби, чтобы мама не заезжала два раза.

Сабрина выскальзывает из машины не попрощавшись, а я киплю из-за произошедшего всю дорогу до кредитного союза.

Я бы с удовольствием поместила деньги на семейный счет, но не могу придумать ни единого оправдания, которое не упоминало бы шахматы: «Мама, я выиграла в лотерею. Я разогревала овсянку Дарси

в микроволновке слишком долго, и она превратилась в бриллиант. Я тайком пишу эротические рассказы о фурри».

Ага. Ни за что.

Я оплачиваю просроченные счета, кладу остаток на свой счет и отправляюсь по делам, которыми обычно занимается мама. И повсюду – в очереди в супермаркете, в центре переработки отходов, пока жду, когда мама закончит работать, чтобы пообедать с ней, – каждый раз, когда мне удается урвать десять свободных минут, я провожу их в телефоне за изучением партий Коха.

Мне не следует этого делать. Границы и все в таком духе. Шахматы – это просто работа, а сегодня у меня выходной. Я обещала себе.

«Ничего страшного, – возражает внутренний голос. – Ты думаешь о призовых деньгах. Ты не влюбляешься в шахматы заново. Сейчас ты думаешь головой».

Да. Именно. Точно.

В середине дня я забираю сестер и насильно погружаюсь в киновселенную седьмого класса, которая захватывает похлеще бразильского сериала.

– …И Джимми такой: «Меня тошнит от жвачно-розового». А Тина такая: «Моя кофта жвачно-розовая». А Джимми такой: «Нет, у тебя приятный розовый». А Тина нашла в гугле, как выглядит жвачно-розовый, и ее кофта была точно такого же цвета. И Джимми такой: «Что ты хочешь от меня услышать?» И Тина такая: «Просто признай, что тебе не нравится моя кофта».

– И что сказал Джимми? – спрашиваю я, въезжая на подъездную дорожку нашего дома, полностью увлеченная школьной драмой.

– А он такой весь типа…

– На крыльце какой-то парень, – перебивает меня Сабрина.

– Скорее всего, почтальон, – рассеянно говорю я. – Так что сделал Джимми?

– Это *не* почтальон, – замечает Сабрина. – Если бы.

Я перевожу взгляд туда, куда она показывает. И молниеносно вжимаюсь в сиденье:

– Дерьмо.

– А тебе можно говорить «дерьмо» в нашем присутствии? – спрашивает Дарси.

– Ага… Что же случилось с Мэл, которая вела себя по педагогическому пособию?

Быть не может. Его здесь нет. Не может быть. У меня галлюцинация. Параноидальный бред. Именно. Из-за химикатов в «Твиззлерс». Все из-за ядовитых красителей.

– …Мэл. Мэл?

– Что с ней не так?

– Может, инсульт? Она уже в возрасте.

– Звони 911!

– Уже.

– Нет… Сабрина, *не* звони в 911. Я в порядке. Просто подумала, что увидела… – Вновь бросаю взгляд на крыльцо. Он все еще там.

Нолан.

Сойер.

На.

Моем.

Крыльце.

Ладно. Это или Сойер собственной персоной, или инопланетянин в его обличье. Я бы предпочла последний вариант.

– Ты его знаешь? – интересуется Сабрина.

– Выглядит так, будто знает, – говорит Дарси. – Это один из твоих секс-дружков?

– Может, он ее преследует, – предполагает Сабрина.

– Мэл, у тебя есть преследователь?

Сабрина фыркает:

– Сама не разрешает мне смотреть сериал «Ты», потому что мне четырнадцать, а теперь выясняется, что у нее есть собственный сталкер?

– Может, переедем его? Кровь вообще отмывается от деревянных поверхностей?

– Нет! – Я вскидываю руки. – Он *не* мой сталкер. Просто… эм, друг.

Друг, который, возможно, терпеть меня не может. Если найдут мое тело и причиной смерти будет удушье, проверьте его покупки. Там вы точно найдете веревку. Или целый моток зубной нити.

– Коллега, если быть точной.

Дарси с Сабриной обмениваются многозначительными взглядами, не обещающими ничего хорошего. Затем они с чрезмерным рвением выпрыгивают из машины.

– Пойдем знакомиться с ним!

Я спешу следом, надеясь, что все это слишком реалистичный сон.

В смысле кошмар.

Сойер прислонился к перилам, руки скрещены на груди, взгляд бегает между нами, будто он пытается понять, почему мы так похожи. Это всегда сбивает людей с толку, когда они видят нас впервые. Мне приходится останавливать себя, чтобы не сболтнуть лишнего типа: «Они мои сестры, не дочери…» Да, людям порой приходит в голову и такое.

На нем джинсы и темная рубашка. Возможно, из-за того, что перед ним нет доски и арбитра, а в поле зрения – прессы, он почти непохож на себя. Вполне сойдет за атлета. Или студента на футбольной стипендии. Суровый, привлекательный молодой человек, который – предположительно – не встречался с Бодлер, не называл – подтвержденная информация – интервьюера ублюдком, потому что тот заявил, что его игра выдохлась.

– Ты друг Мэл? – спрашивает Дарси.

Сойер склоняет голову набок. Изучает ее. Ни тени улыбки.

– А *вы* – друзья Мэл?

Если бы в мире существовала справедливость, Дарси и Сабрина хорошенько бы высмеяли его, а после выпроводили вон. Но нет, они хихикают, как обычно делают в присутствии Истон. Что за…

– Как тебя зовут?

– Нолан.

– Меня Дарси. Как мистера Дарси. А это Сабрина. Как Сабрина Фэйр[31]. Только Мэл не назвали в честь литературного персонажа, потому что… Мы точно не знаем, но, подозреваю, наши родители посмотрели на нее и решили снизить свои ожидания. Она говорит, вы вместе работаете?

Сойер кивает:

– Так и есть.

– В центре для пенсионеров?

Нолан колеблется, явно озадаченный. Первый раз за все время он переводит взгляд на меня. Видит, что я на грани панической атаки.

И говорит:

– Где же еще?

– Ты когда-нибудь кормил белочек?

– Девочки, – вмешиваюсь я, – идите скажите маме, что мы дома, ладно?

– Но, Мэл…

– Сейчас же.

Они шаркают по направлению к сетчатой двери и хлопают ею изо всех сил, как будто я лишила их фантастической возможности попялиться на Сойера. Едва они оказываются вне зоны слышимости, я позволяю себе вспомнить о его присутствии.

Между нами ощущается некое противостояние. Я смотрю на него, он – на меня, и мы оба ничего не предпринимаем. Присматриваемся. Пытаемся почувствовать, что задумал другой. В моем случае я прикидываю пути к отступлению.

Внезапно он спрашивает:

– Собираешься сбежать?

Я напрягаюсь:

– Что?

– Обычно ты сбегаешь от меня. Так что, навострилась уже?

Он прав. Но ведет себя грубо.

– Ты обычно позволяешь мне съесть твоего короля. Собираешься отдать мне его и на этот раз?

Я рассчитывала на резкий, смертельный удар. Но Сойер делает то, чего я от него никак не ожидала, – *улыбается*.

Почему он улыбается?

– Откуда у тебя мой адрес?

– Это было несложно.

– Это не ответ.

– Не ответ. – Он вертит головой, осматривая сад: старый батут, который давно пора выбросить, абрикосовое дерево, не знающее, как выращивать плоды, минивэн, который я латаю как минимум раз в месяц. Легкое чувство стыда поднимается изнутри, и я ненавижу себя за это.

– Ты не мог бы все-таки ответить?

– Я хорошо обращаюсь с техникой, – загадочно отвечает он.

– Ты взломал базу данных Министерства обороны США?

Его брови взлетают.

– Думаешь, там хранят адреса?

Без понятия.

– Тебе что-то от меня нужно?

– Ты правда работаешь в центре для пенсионеров? – Он вновь поворачивается ко мне лицом. – Помимо шахмат?

Из меня вырывается вздох.

– Не то чтобы это тебя касалось, но нет.

– Обманываешь сестер, да?

– Упоминать шахматы в этом доме не самая лучшая идея, – зачем вообще я это говорю?

– Понимаю. – Сойер облокачивается на поручень, неторопливо постукивая пальцами. – Знаешь, я как-то раз играл против твоего отца.

Я цепенею. Заставляю себя расслабиться:

– Надеюсь, ты выиграл.

Надеюсь, ты унизил его. Надеюсь, он рыдал. Надеюсь, ему было больно. Я скучаю по нему.

– Так и было, – он колеблется. – Мне жаль, что он…

– Мэллори? – мама выглядывает из дверного проема. Именно в тот момент, когда мы говорим о папе. Дерьмо, дерьмо… – Познакомишь меня с твоим другом?

– Это… – Я закрываю глаза. Она, скорее всего, ничего не слышала. Все в порядке. – Это мой коллега Нолан. Мы вместе работаем, и мы… собирались перекусить, но я забыла о нашей договоренности, так что он просто… Он просто сейчас уйдет.

Нолан улыбается маме, совсем непохожий на того угрюмого взрослого ребенка, каким я привыкла его видеть.

– Приятно познакомиться, миссис Гринлиф.

– О, не очень хорошо вышло. Нолан, останешься с нами на ужин? У нас полно еды.

Знаю, что он видит: женщину, которой почти пятьдесят, но которая выглядит гораздо старше. Уставшую. Хрупкую. Знаю, что видит мама: высокого и привлекательного молодого человека. Вежливого. Он пришел, чтобы увидеть ее дочь, которая много с кем встречается, но никогда не приводит никого домой. В этой ситуации легко обмануться. Мне нужно немедленно все прекратить.

Именно об этом я думаю, когда открываю рот, чтобы сказать маме, что Нолан не может остаться. Именно об этом я думаю, когда Нолан на долю секунды опережает меня:

– Спасибо, миссис Гринлиф. Я с удовольствием.

Сойер садится на папино место.

Это ничего не значит, ведь у нас круглый стол. И в этом есть какая-то логика, потому что мы оба левши. Нам стоит объединиться, чтобы не пихать локтями правшей. И все же есть что-то невероятно странное в том, как Нолан Сойер заглатывает мамин мясной рулет, с жадностью пожирает порцию за порцией, накладывая себе добавку зеленых бобов, и с серьезным видом кивает, когда очарованная его аппетитом Дарси спрашивает:

– У тебя что, ленточные черви?

Ему определенно нравится мамина стряпня. Попробовав первый кусок, он издает глубокий, гортанный звук, очень похожий на…

Я краснею. К счастью, никто не обращает внимания.

– Ты тоже работаешь в центре для пенсионеров, Нолан? – спрашивает мама.

Я напрягаюсь, накалывая на вилку один зеленый боб. Под столом коленкой слегка толкаю Нолана, сигнализируя, чтобы молчал.

– Нам необязательно говорить о…

– Уже давно, – отвечает он.

– И тебе нравится?

– Есть свои плюсы и минусы. Раньше я был в восторге, но постепенно все начало приедаться, и я даже подумывал уволиться. И тут появилась Мэллори. – Его коленка внезапно бьет мою. – Теперь мне вновь все нравится.

Мама наклоняет голову.

– Вы двое, должно быть, много работаете вместе.

– Не так много, как мне бы хотелось.

О мой бог. О. Мой. Бог.

– Как к Мэллори относятся на работе? – спрашивает Дарси. – Пожилым людям она нравится?

– У нее сложилась не самая лучшая репутация похитительницы пудингов.

Все смотрят на меня, будто я тот самый фармацевт, который взвинтил цены на лекарства первой необходимости.

– Еще она ходит при них полуголая.

Мамины глаза расширяются.

– Мэллори, все это вызывает некоторые опасения…

– Он шутит. – Я сильно пинаю Нолана в голень. Кажется, ему все равно, но он ловит мою ступню и зажимает ногами. – У него репутация ужасного шутника.

Моя нога теперь переплетена с его. Чудесно. Просто чудесно.

– Хорошо. – Сабрина ставит свой стакан на стол. – Сейчас я спрошу кое-что, что мы все хотим знать. Вы спите вместе?

– О мой бог. – Я закрываю глаза рукой. – О мой бог.

– Сабрина, – с укором произносит мама, – это очень неуместный вопрос. – Она поворачивается ко мне. – Но да, вообще мне тоже интересно.

– *О мой бог,* – со стоном выдаю я.

– Нет, – отвечает Нолан в перерыве между поглощением мясного рулета. Уже третья порция.

О.

Мой.

Бог.

– Может, вы собирались переспать сегодня? – спрашивает Дарси. – Ты за этим пришел?

Моя сестра, которая ночует с плюшевой лисичкой, только что спросила самого лучшего шахматиста в мире, не пришел ли он, чтобы трахнуть меня. На что тот спокойно отвечает:

– Не думаю, что это возможно. И нет, я пришел не за этим.

– Ты знал, что Мэл играет за обе команды? – добавляет Дарси. – Это не секрет: она говорила, что я могу рассказать кому угодно.

Нолан бросает на меня беглый взгляд. Я бы даже сказала молниеносный.

– Не знал.

– Ему все равно, Дарси. И, к твоему сведению, это не значит, что ты можешь болтать об этом на каждом углу.

– Еще мясного рулета, Нолан? – вмешивается мама и выходит из кухни, когда Нолан с благодарностью кивает.

– А ты, Нолан, – продолжает Сабрина, – тоже?

– Иисусе, – образ семьи Бодлер мелькает у меня перед глазами. – Так, всё, я закрываю эту тему и хочу напомнить, что нельзя обсуждать с людьми, с которыми вы только что познакомились, такие темы за обедом. И в любое другое время.

– Может, он не возражает, – говорит Сабрина. – Ты возражаешь, Нолан?

– Не возражаю, – отвечает Сойер с поразительно невозмутимым видом.

Сабрина посылает мне торжествующую улыбку. Я убью ее. Она не оставила мне другого выбора. А потом заставлю Дарси помочь мне избавиться от тела. Или маму. Или Голиафа.

– Мальчики *и* девочки?

Нолан качает головой:

– Нет.

– В основном девочки?

– Нет.

– В основном мальчики?

– Нет.

Сабрина на мгновение выглядит загнанной в угол, но ее лицо внезапно озаряется.

– Это чтобы не исключать тех, кто за пределом бинарности!

– Так что, – вмешивается Дарси, – когда вы планируете переспать?

Ответ Нолана – «Сложно сказать» – накладывается на мой – «Никогда!» – и полностью поглощает его.

Я хлопаю ладонью по лицу.

– Готова поспорить, Мэллори хороша во всем этом. Она очень много тренируется.

Нолан смотрит на меня долгим, изучающим взглядом, который милосердно прерывает мама своим появлением с мясным рулетом в руках.

– У тебя есть братья или сестры, Нолан? – спрашивает она.

Я никогда не была более благодарна за смену темы.

– Два сводных брата. Со стороны отца.

– Сколько им лет?

Нолан щурится, будто пытается вспомнить:

– Где-то тринадцать или четырнадцать. Может, младше.

– Не знаешь точно?

Он пожимает плечами:

– Никогда их не видел.

Мамины брови выгибаются.

– Должно быть, ты проводишь большинство праздников с мамой.

Из Сойера вылетает приглушенный смешок. Или насмешка.

– Я не виделся с родителями много лет. Обычно меня приглашает кто-то из друзей.

– Почему ты не общаешься с родителями? – спрашивает Дарси.

– Разница во взглядах. На мою карьеру.

– Им не нравится центр для пенсионеров?

Нолан сдерживает улыбку и серьезно кивает.

– Это вроде как грустно, – говорит Дарси. – Я вижусь со своей семьей каждый день каждой недели каждого года.

– Это тоже вроде как грустно, – бормочет Сабрина. – Мне не помешало бы немного личного пространства.

Дарси пожимает плечами:

– Мне нравится, что мы всегда вместе. И мы всё друг другу рассказываем.

Колкий взгляд, который Нолан бросает в мою сторону, вызывает у меня желание зарядить ему в пах, но моя нога застряла между его ног, так что я всерьез подумываю утопиться в подливке. Медленная, питательная, вкусная смерть.

Не знаю, какими смертными грехами из прошлых жизней я заслужила подобное унижение, но после ужина Нолана уговаривают остаться «еще на чуть-чуть, пожа-а-алуйста» и усаживают смотреть телевизор.

– Тебе нравится «Ривердейл»? – с энтузиазмом спрашивает Сабрина.

Они с Дарси облепили Нолана на диване с двух сторон и положили Голиафа ему на колени. («Какое знакомое чудовище, – сказал Нолан, взяв морскую свинку в руки. – Как будто я недавно видел его портрет». Я едва удержалась, чтобы не воткнуть ему вилку в глаз.) Мама, прислонившись к дверному косяку, с восторгом наслаждается этой идиллией. Давненько я такого за ней не замечала. Меня же сначала

послали за сэндвичами из мороженого, потом заставили вернуться, когда я принесла шоколадные вместо клубничных.

– Никогда не видел.

– О боже. Ладно, смотри, это Арчи, и он типа главный герой, но всем больше нравится Джагхед, потому что здравствуйте, это же Коул Спраус, и там происходит убийство, которое…

– Он милый, – шепчет мама, пока я загружаю посудомойку.

– Коул Спраус?

– Нолан.

Я раздраженно выдыхаю. Выходит не так возмущенно, как задумывалось.

– Неправда.

– И у него, кажется, отличный вкус.

– Потому что он съел почти весь твой мясной рулет?

– По большей части. Ну и еще потому, что, кажется, не может отвести глаз от моей ничего не подозревающей дочери.

«Я на девяносто три процента уверена, что он собирается оставить напалмовую бомбу в нашем подвале, – готова выпалить я. – Или хочет нас ограбить. Он скроется с нашей семейной копилкой в ту же секунду, как мы отвлечемся. И прихватит остаток мясного рулета».

Я до сих пор не понимаю, зачем он здесь. Своим успокаивающим голосом ведущего национального радио Сойер спрашивает моих сестер:

– А кто из персонажей Ривердейл? – и заставляет их хихикать и бить себя по лбу. Но я хочу, чтобы он ушел как можно скорее. Прямо сейчас.

Проходит не меньше часа, прежде чем мама напоминает Дарси, что ей нужно закончить домашку по английскому, а Сабрина запирается у себя в комнате, чтобы обсудить с друзьями роллер-дерби по видеосвязи: Эммали должна стать джеммером[32] и вообще что не так с тренером в последние дни?

– Я иду спать, – многозначительно говорит мама.

Смотрю в окно и вижу, что солнце еще не село.

– Нолану тоже пора.

– Он может остаться, если хочет, – мама тепло ему улыбается и уходит к себе, опираясь на трость.

– Не хочет! – кричу я ей вслед.

Я бы не удивилась, если бы кто-то из моей семьи решил нас подслушать, поэтому на улице дохожу аж до абрикосового дерева. Сойер следует за мной. В это время года на дереве можно обнаружить немного листьев – впрочем, как и в любой другой сезон.

Уперев руки в бока, я поворачиваюсь к Сойеру. В закатном свете он выглядит эффектнее, чем обычно: углы и изгибы его лица сильно контрастируют друг с другом.

Если честно, в этом нет никакого смысла. Я не должна находить его настолько привлекательным, потому что он не такой. Нос слишком большой. Резко очерченная челюсть. Губы чересчур полные, глаза слишком глубоко посажены, скулы тоже… с ними тоже что-то не так. Я не должна думать об этом.

– Ты съел около двенадцати свиней в мамином мясном рулете, и они в тебе будто растворились. Теперь объясни, пожалуйста, зачем ты явился.

– Я почти уверен, что это была говядина. – Сойер достает до одной из верхних ветвей. Причем с легкостью. – Твоя семья думает, что мы встречаемся? – Расстроенным он не выглядит – скорее, невероятно довольным.

– Без понятия. – *Возможно.* – А что, какие-то проблемы?

Хочу, чтобы он сказал да. И я брошу ему в лицо, что это он виноват, раз явился без предупреждения. Но он нарушает мои планы:

– Кому не нравится хорошая история про фальшивые отношения?

Выгибаю бровь:

– Удивлена, что ты вообще о таком знаешь.

– Одна моя подруга – большой фанат Лары Джин. Я высидел около шести фильмов.

Он имеет в виду свою девушку.

– Их всего три.

– Казалось, что больше.

Он такой уверенный. Непринужденный. Думаю, известный обиженный неудачник с проблемным темпераментом, который проводит девяносто процентов своего времени, изучая эндшпили с разноцветными слонами, не должен вести себя спокойно в обычной жизни. И все же.

Кажется, внутри него горы уверенности в себе. Откуда бы они там ни взялись. «Посмотри на него, – предлагает внутренний голос. – Ты

знаешь, откуда они».

О, да заткнись ты.

– Почему ты здесь, Нолан?

Он отпускает ветку. Наблюдает за тем, как она какое-то время пружинит, а затем замирает на фоне темнеющего неба. И когда тянется ко мне, я уже готова вертушкой ударить его в подбородок, но он всего лишь убирает упавшую на лицо прядь. У меня все еще кружится голова от этого прикосновения, когда он говорит:

– Я хочу сыграть в шахматы.

– Не смог найти кого-нибудь в Нью-Йорке? Нужно было ехать аж до Нью-Джерси?

По всей видимости, припаркованный перед домом миссис Абебе «Люсид-Эйр» принадлежит Сойеру. Конечно же, он водит машину моей мечты.

– Не думаю, что ты поняла, – он выдерживает мой взгляд. Кажется, у него дергается кадык. – Я хочу сыграть в шахматы именно с тобой, Мэллори.

О.

О?

– Почему?

– Вчера на том месте должна была быть ты. Это было… Ты была там. Передо мной, по другую сторону доски. – Он сжимает губы. – Это должна была быть ты.

– Да, что ж.

Было бы круто, если бы это была я. Узел сожаления затягивается внутри, и у меня есть легкое подозрение, что дело не в призовых деньгах, а в том, что матч против этого парня – этого угрюмого, привлекательного, странного парня – был бы самым увлекательным за всю мою жизнь.

– У Мальте Коха на этот счет другое мнение.

– Кох – ничтожество.

– Он второй игрок в мире.

– У него второе место в рейтинге, – поправляет он.

Я вспоминаю, как Нолан вчера унизил его, и говорю:

– Ты когда-нибудь думал, что Кох был бы меньшим козлом, если бы ты хотя бы пару минут в неделю потакал его иллюзиям и притворялся, что он достойный соперник?

– Нет.

– Точно. – Я медленно поворачиваюсь, чтобы уйти. – Что ж, было весело, но…

Нолан хватает меня за предплечье:

– Сыграй со мной.

– Я не играю.

Его брови удивленно взлетают.

– Тебе меня не обмануть.

Я вспыхиваю:

– Я играю в шахматы только на работе.

– Ты играешь в шахматы только в «Цугцванге»? – скептичный тон выдает недоверие. А еще Нолан до сих пор держит меня за руку.

– Или на турнире. Только не в свободное время. Я стараюсь вообще не думать о шахматах на досуге, а твое присутствие никак не способствует этому, так что…

Он усмехается:

– Ты постоянно думаешь о шахматах, Мэллори, и мы оба это знаем.

Я бы посмеялась над ним, если бы сегодня не прокручивала партии Коха в своей голове, так что слова Нолана меня задели. Я высвобождаюсь из хватки, игнорируя ставшее привычным тепло его кожи, и расправляю плечи.

– Может, это ты думаешь о них без остановки. Может, ты вконец зависимый. Может, заворачиваешь шахматные наборы в пластиковые пакеты и прячешь в бачке унитаза, потому что не можешь больше ни о чем думать. – Вспоминаю слух о Бодлер, и до меня внезапно доходит, что если у одного из нас нет ничего на личном фронте, то это точно не Нолан. И все же я зашла слишком далеко, чтобы остановиться. – Но для некоторых шахматы просто игра, и они умеют находить баланс между работой и личной жизнью.

Он склоняется надо мной. Его лицо всего в нескольких дюймах от моего.

– Я хочу играть в шахматы *с тобой*, – повторяет Нолан. Голос становится ниже. Ближе. Глубже. – Прошу, Мэллори.

Он как будто открыл мне какую-то тайну. Стал уязвимым. Неожиданно Нолан выглядит младше, чем обычно: мальчишка, который просит кого-то сделать что-то очень, очень для него важное. Такому сложно отказать.

Но не невозможно.

– Мне жаль, Нолан. Я буду играть против тебя только на турнире.

– Нет, – он трясет головой. – Я не могу ждать так долго.

– Что, прости?

– У тебя, считай, нет никакого рейтинга. Пройдут годы, прежде чем тебя пригласят на турниры самого высокого уровня, а следующий открытый чемпионат состоится поздней весной…

– Это неправда, – спорю я, хотя понятия не имею.

Его упрямое, недовольное, почти взволнованное выражение лица дает мне понять, что я неправа.

Что-то скручивается у меня в желудке.

– Почему? – спрашивает он. – Откуда весь этот бред про «не играю вне работы»?

– Я не обязана перед тобой отчитываться. – Тогда почему ты именно этим сейчас и занимаешься? – Но… я не люблю шахматы. Во всяком случае, не так, как любишь ты. Это просто работа – то, чем я занималась когда-то давно, – я пожимаю плечами. Напряжение непривычно сковывает тело. – И теперь хочу, чтобы все было именно так.

Нолан молча изучает меня. Затем произносит:

– Если это из-за твоего отца…

– Нет, – закрываю глаза. В ушах громкий рев, в висках стучат барабаны. Медленные, глубокие вдохи помогают успокоиться. Самую малость. – Нет, – я выдерживаю его взгляд. – И прошу тебя, *никогда* больше не упоминай моего отца.

Короткий взгляд Нолана говорит нет. Но он кивает:

– Я тебе заплачу.

– Что?

– Отдам то, что получил вчера. Ведь ты тоже должна была соревноваться за главный приз.

– Ты сейчас серьезно?

– Да.

– Если выиграю, ты заплатишь мне пятьдесят тысяч долларов.

– Я заплачу их тебе, даже если выиграю сам.

Я смеюсь:

– Трындеж.

– Я не вру. Пятьдесят тысяч долларов – ничто для меня.

– Ну да, ну да, – меня жалит тот факт, что он говорит это перед моим домом ниже-среднего-класса и бесплодным абрикосовым деревом. – Пошел ты.

Я ухожу прочь, и на этот раз он не пытается остановить меня силой. Ему это не нужно: за два шага он оказывается передо мной, преграждая путь к дому. Солнце уже село, и в саду не видно ни зги.

– Я хотел сказать, что деньги не проблема. Если сыграешь со мной, я заплачу.

– Зачем тебе все это? Не можешь пережить, что кто-то лучше тебя? Или ты как Кох, который не может смириться, что проиграл женщине?

– Что? – Нолан выглядит искренне потрясенным. – Нет. Я не такой, как он.

– Тогда почему?

– Потому что, – он едва не рычит, – потому что… потому что *ты*… – Он резко прерывается и делает несколько шагов назад, разочарованно машет рукой, будто принимает поражение. Я узнаю этот жест по его редким проигрышам в шахматах.

Похоже, я в каком-то смысле его победила.

– Послушай, Нолан. Мне жаль. Я… Я не буду играть с тобой. – Думаю, на его лице написано разочарование, и в моей груди зарождается похожее чувство. – Ничего личного. Я обещала себе держаться от шахмат подальше.

Поворачиваюсь и не прощаясь захожу в дом, испытывая ненависть к себе по дороге в комнату за это странное ощущение потери, которое теплится на дне желудка.

Идиотка. Он просто не может принять поражение. Никакая я не особенная. Дело вообще не во мне – дело в нем. В его статусе. Его комплексах. Его потребности быть лучше.

Зайдя в комнату, я чувствую пульсацию в голове и жду не дождусь, когда окажусь в кровати. Не могу дождаться, чтобы день закончился.

– Нолан ушел?

Я вздрагиваю от неожиданного вопроса. Уже и забыла, что Дарси здесь, делает домашку у себя за столом.

– Да. Ему нужно было домой.

– Ну, его можно понять.

Я киваю, ища по комнате свою пижаму.

– Думаю, у него полно дел. В конце концов, он же лучший игрок в шахматы во всем мире.

Глава 11

Я моргаю.

Моргаю снова.

Когда моргаю в третий раз, то принимаю решение солгать.

– Ты перепутала его с кем-то другим, милая. – Я кашляю. – Тебе помочь с домашкой?

– Его зовут Нолан Сойер, верно?

– Просто однофамильцы, – делаю неопределенный жест рукой. – Помнишь, когда ты ходила в детский сад, там было четыре Мэдисон Смит в…

Дарси показывает мне свой планшет с открытой страничкой «Википедии», где, конечно же, есть фотография в высоком разрешении, на которой Нолан с задумчивым видом смотрит на доску. Я и рада бы все отрицать, но это, бесспорно, тот же парень, который умял весь наш мясной рулет.

Я моргаю.

Моргаю снова.

Когда моргаю в третий раз, то принимаю решение солгать снова. Дарси всего двенадцать. Я смогу переубедить ее.

Драматично вздыхаю:

– Да не может быть! Ты серьезно? – Из меня ужасная актриса. Первоклашка в школьном спектакле и то сыграет лучше. – Он никогда не упоминал ничего подобного. Когда увижу его в следующий раз, обязательно спрошу.

Я замолкаю, потому что Дарси переходит на следующую страницу. На ней фотография двух человек: Нолан, чей неясный силуэт вырисовывается с одной стороны доски, пожимает руку блондинке во фланелевой рубашке, подозрительно похожей на меня. Никто из них не улыбается и не говорит, но они смотрят друг другу в глаза так, будто в этом есть что-то интимное.

Мой взгляд падает на заголовок: «Кто же такая Мэллори Гринлиф, эта новая выдающаяся шахматистка?»

– Черт.

– Тут целая статья про тебя.

– Черт.

– С картинками.

– Черт.

– И даже видео, но оно почему-то не работает. Кажется, всплывающие ролики заблокированы.

– Черт, черт, черт. – Конечно, это дерьмо выложили в интернет. Повсюду была пресса – я что, ожидала, что они потом приклеят все материалы в свой маленький альбом для скрапбукинга? – Черт.

– Не стоит ругаться рядом с двенадцатилетним ребенком. Миссис Вителли говорит, что мой мозг очень податливый. Если скажешь это слово еще раз, то у меня повысятся шансы оказаться в колонии для несовершеннолетних.

– Черт.

– Ну вот, теперь поздно.

Я выхватываю планшет из рук Дарси. Статья размещена на chessworld.com. Заголовок гласит: «Самый большой сайт о шахматах, более ста миллионов уникальных посещений в месяц».

У меня вырывается стон.

> …участвовала в турнире без рейтинга, но удивила всех, не проиграв ни одной партии. Гринлиф, которая в настоящий момент тренируется в «Цугцванге» у гроссмейстера Дефне Бубикоглу, является дочерью гроссмейстера Арчи Гринлифа (максимально занимал 97-е место в рейтинге ФИДЕ), ушедшего из жизни в прошлом году. Месяц назад, на благотворительном турнире в Нью-Йорке, она победила Нолана Сойера, лучшего шахматиста в мире. У Сойера был шанс отыграться на Открытом чемпионате Филадельфии, но…

Дрожащими руками швыряю планшет на кровать:

– Как ты это нашла?

Дарси пожимает плечами:

– Делала домашку.

– Домашку.

– У нас в школе неделя генеалогии. Нужно написать о прапрадедушках и прапрабабушках со стороны отца, и не то чтобы ты или мама могли мне помочь, потому что вы обе превращаетесь в истуканов каждый раз, когда я упоминаю папу. Так что я погуглила «Арчи Гринлиф». Извини, если я… – высокий голос Дарси обрывается. Кажется, она вот-вот заплачет.

Мое сердце останавливается.

– Все в порядке! Ты не сделала ничего плохого, милая. Честное слово, я совсем не злюсь. И…

Она права: мы действительно не говорим о папе или о том, что с ним случилось. Может, стоит это изменить? Может, я должна поговорить с ней о папе? Не мама – для нее это слишком больная тема. Это моя ответственность.

И это справедливо, потому что именно по моей вине его с нами больше нет.

Я становлюсь перед Дарси на колени и беру ее ладонь в свои руки.

– Хочешь поговорить о папе?

– Не сейчас. – Облегчение, которое я испытываю в этот момент, тут же сменяется чувством стыда. – Но я хотела бы узнать, что они имеют в виду, когда говорят, что ты стипендиат «Цугцванга».

Знает, куда давить.

– Я… работаю там. Мне платят, чтобы я училась играть в шахматы. Всего год.

– А центр для пенсионеров? – глаза Дарси округляются. – Как насчет голубей?

– Нет никаких… Ладно, там есть голуби – целая куча, даже больше, чем нужно. Но центра для пенсионеров не существует.

– Мама с Сабриной знают? Ты врала только мне?

– Нет, – я энергично трясу головой. – Они не в курсе.

Дарси, похоже, расслабляется. На долю секунды.

– Так ты играешь в шахматы за деньги?

– Да.

– Это как с азартными играми?

– Что?

– Азартные игры ведь запрещены?

– Я…

– Вот почему ты обманываешь? Потому что работаешь на шайку бандитов?

– Это не азартная игра, Дарси. Это вид спорта.

Дарси удивленно поднимает брови. Она знает про мои взаимоотношения со спортом.

– Типа того, – добавляю я.

– Почему ты тогда не рассказала нам?

– Есть… вещи, о которых ты, возможно, не помнишь, потому что была маленькая, когда все произошло, но…

– Потому что папа играл в шахматы.

Я вздыхаю:

– Да. Отчасти. Я просто пытаюсь защитить вас от того, что может причинить боль.

– Я не какая-то там фарфоровая или…

– Но я такая. И Сабрина. Пусть даже она сейчас находится в своей бунтарской фазе и отрицала бы это. А мама… В ее жизни было много плохого, Дарси. Но сейчас мы счастливы.

– Сабрина просто вечно не в настроении.

Я хихикаю:

– Верно. Я просто пытаюсь позаботиться о вас.

– Но несмотря на все это, ты привела домой Убийцу королей.

– Как ты вообще узнала про…

– Статья на «Википедии» довольно подробная. Ты знала, что он однажды играл с Джеффом Безосом в благотворительном матче? Он обыграл его за двадцать секунд, затем спросил, можно ли писать в бутылку, которая стояла рядом с доской.

– Настоящий герой рабочего класса. Дарси…

– Еще на АО3[33] куча фанфиков. Большинство про то, как он обжимается с парнем по имени Эмиль Карим, но…

– Что? Откуда ты знаешь, что такое фанфики?

– Я постоянно читаю их.

– Прошу прощения?

– Успокойся. Только с рейтингом PG-13.

– Эта аббревиатура значит «под присмотром родителей». Твой родитель – то есть я – должен быть в этот момент рядом с тобой.

Дарси склоняет голову:

– Ты в курсе, что ты не моя мама?

Я делаю глубокий вдох:

– Послушай, Дарси, причина, по которой я хранила от вас этот секрет…

– О боже. Мэл, теперь это наш секрет! – внезапно она становится очень воодушевленной.

– Нет. Нет, я не хочу, чтобы ты врала маме…

– Я не против, – быстро вставляет Дарси. – Даже хочу!

– Дарси, ты за обедом говорила, что тебе нравится, что мы всё друг другу рассказываем. Я объясню маме…

– Ты сама сказала, что это может ее ранить. А я хочу, чтобы у нас с тобой был секрет. Что-то, о чем знаем только мы!

Я изучаю ее блестящие, полные надежды глаза, гадая, не чувствовала ли она себя брошенной. В конце концов, я постоянно в Нью-Йорке, Сабрина вечно приклеена к телефону, а у мамы не хватает сил проводить с ней достаточно времени. К тому же правда может открыть ящик Пандоры. И я практически уверена, что ни мама, ни Сабрина не будут меня гуглить.

– Хорошо, – говорю я.

Все это ужасная затея, но Дарси уже празднует победу. Внезапно выражение ее лица становится озадаченным.

– Но тебе придется заплатить за мое молчание.

Я прищуриваюсь:

– Серьезно? Собираешься меня шантажировать?

– Просто подумала, что в мою овсянку можно было бы добавить еще ложку «Нутеллы». Половинку ложки? Чайную ложечку? *Пожалуйста?*

Я трясу головой и притягиваю Дарси к себе, чтобы обнять.

Я больше не вижу Нолана.

Не то чтобы вообще. Но проходят недели, прежде чем я вновь слышу о нем, за исключением разве что вторника, когда замечаю его имя в трендах твиттера. Оказывается, он забыл о каком-то онлайн-турнире и появился перед камерами с пятиминутным опозданием в рубашке без воротника (#убийцакоролейтакойгорячий). Меня беспокоит, что я замечаю его отсутствие в своей жизни. Могла бы беспокоиться и больше, но занята как никогда в жизни.

После Открытого чемпионата Филадельфии Дефне меняет мой распорядок. Теперь я провожу больше времени с гроссмейстерами (включая Оза, который, конечно, *в восторге*), чтобы разобрать слабые моменты моей игры. Еще меня заставляют играть в шахматы онлайн, чтобы повысить навыки, и проводить почти ежедневные матчи с меценатами «Цугцванга».

– Тебе больше подходит учиться в процессе, – говорит мне Дефне.

И она права. Я быстро набираюсь опыта: позиционная игра и стратегия теперь даются мне с легкостью.

– Кто бы мог подумать, что осознанное взращивание таланта способствует его развитию, – с сарказмом замечает Оз.

В качестве мести уминаю целую пачку цельнозерновых чипсов у себя за столом.

Значительную часть времени я провожу за воспроизведением старых партий.

– Спасибо, что не купила сливки, о которых я просила, – обижается Сабрина, а я целый час словно в тумане прошаталась по магазину, пытаясь понять, мог ли Салов спасти своего коня в 1995-м.

Я так много тренируюсь, что не могу перестать думать о шахматах даже ночью. Разные комбинации не выходят из головы даже после вечера, проведенного за разбором эндшпилей Карпова, и я почти рада быстро поглотившему меня сну, в котором вижу разочарованные темно-зеленые глаза.

В последнюю неделю сентября по утрам прохладно, и я достаю свой любимый синий шарф, который Истон связала для меня в свой непродолжительный период увлечения вязанием. («Некоторых петель не хватает. Считай моей творческой вольностью».) Я делаю селфи и отправляю подруге – в ответ, к своему недовольству, получаю только эмодзи в виде сердечка. Мы не говорили больше недели, поэтому я расстраиваюсь еще больше, когда на мой вопрос: «Как делишки?» –

она вообще не отвечает. Час спустя наконец приходит долгожданное оповещение, но это всего лишь Хасан: интересуется, не хочу ли я пересечься в выходные.

Не знаю почему, но ничего ему не отвечаю.

Когда захожу в офис, Оз в первый раз не у себя за столом.

– Он на турнире, – объясняет Дефне.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не надуть губы от обиды.

– А почему я не могла пойти с ним?

– Потому что твой рейтинг на дне океана. Большинство элитных турниров или рассылают именные приглашения, или придерживаются строгих критериев допуска.

Я позволяю себе обиженно надуть губы.

– Ты – исключение из правил, Мэл. Большинство игроков учатся постепенно, и рейтинг растет вместе с ними. Но даже если ты будешь только и делать, что побеждать, не спать и не есть, тебе все равно потребуется несколько лет, прежде чем твой рейтинг будет отображать реальные навыки. – Дефне хлопает меня по плечу. – Я записала тебя на Открытый чемпионат Нашвилла в середине октября. Главный приз – пять тысяч долларов, и для тебя это будет раз плюнуть: топ-игроки предпочитают другие турниры. – Она прикусывает нижнюю губу – видно, что колеблется. – Мне предлагали кое-что еще, но…

– Предлагали что?

Дефне продолжает жевать губу:

– Знаешь Всемирную шахматную Олимпиаду?

Я моргаю:

– Не может быть, чтобы что-то подобное существовало в реальности.

– Конечно может.

– Предположим, я поверила. Так что это?

– Командный турнир. Это ненастоящая Олимпиада, но концепт похож: каждую страну представляет команда, в каждой команде четыре шахматиста. Пять дней. В этом году она проходит в Торонто в первую неделю ноября. У тебя есть паспорт?

Я киваю.

– Эмиль звонил и интересовался…

– Эмиль? Карим?

– Ага. Проблема в том, что у нас есть пригласительный на Турнир Пастернака в Москве, он сразу после Олимпиады, и это гораздо более престижные соревнования.

– Более престижные, чем… Олимпиада.

Как-то не вяжется.

– Ну, знаешь, как работают профессиональные шахматы. – Видимо, Дефне вовремя вспоминает, что я ничего не знаю, поэтому объясняет: – Все всегда упирается в деньги. В Турнире Пастернака можно выиграть кругленькую сумму, в отличие от Олимпиады, а большинство супергроссмейстеров не хотят изматывать себя просто так. Ладно, *не совсем* просто так. Победитель получает приз. Немного денег и кубок, довольно симпатичный. Думаю, из него можно есть хлопья с молоком на завтрак. Или суп. Или салат, если тебе не противен звук скрежета вилки о металл…

– Кто еще в американской команде, кроме Эмиля?

– Точно не знаю, – Дефне будто уклоняется от ответа. – Может, Тану Гоэль?

– Ты бы хотела, чтобы я поехала?

– Я… – Она чешет затылок, из-под рукава виднеется ее шахматная татуировка.

Пока Дефне думает, как правильно ответить, я изучаю расстановку фигур на нарисованной чернилами доске. Белые атакуют ладьей, черные уже потеряли две пешки.

– Это была бы прекрасная возможность для увеличения твоего рейтинга. Ты могла бы набраться опыта и познакомиться с нужными людьми, – она улыбается. Впервые с начала разговора. – Я была бы рада отправить тебя туда, если ты не против дополнительной нагрузки.

Несколько часов спустя я сижу за обеденным столом вместе со своей семьей, грызу наггетсы в форме тиранозавров и говорю настолько буднично, насколько возможно:

– Центр пенсионеров назначил меня сопровождающей в поездке.

– О, – мама отрывает взгляд от тарелки. – И куда едете?

– В Торонто. На пять дней, в ноябре. – Я практически чувствую, как Дарси насквозь прожигает меня взглядом. Если болтливая двенадцатилетка знает ваш большой секрет, готовьтесь к худшему. – Заплатят как за полторы ставки. И было бы круто посмотреть Канаду. Мне нужно дать ответ до завтра…

– Подожди. – Сабрина кладет телефон на стол. Я бы сказала, швыряет. – Ты будешь веселиться в Торонто, а нас оставишь одних? Серьезно?

Я моргаю, потрясенная сочетанием паники и злости в ее голосе.

– Я просто…

– Что, если Голиафу станет плохо? Что, если Дарси засунет фигурку из «Монополии» себе в нос и ей потребуется срочная помощь? Предлагаешь добираться автостопом, если мне надо будет поехать на собрание по дерби?

– Я обо всем позабочусь заранее… – начинаю я, но Дарси меня перебивает:

– Я ничего не засовывала себе в нос с пяти лет!

Мама добавляет:

– Я все еще буду рядом, Сабрина.

– Дарси – идиотка, а идиоты непредсказуемы, Мэл. В этом и смысл чрезвычайных ситуаций: к ним нельзя подготовиться. Что, если маме станет хуже? Кто о ней позаботится? Ты такая эгоистка…

– Сабрина, – мамин голос, обычно мягкий, теперь хлесткий, как кнут, – попроси у сестры прощения.

– Все, что я сказала, – правда.

– *Сабрина*.

Скрип стула, стук пяток – и след ее уже простыл. В комнате становится тихо. Несколько секунд спустя хлопает входная дверь.

Мама закрывает глаза и делает ровно три вдоха и выхода. Затем говорит:

– Мэллори, конечно поезжай. Мы справимся.

Я трясу головой. Глубоко внутри меня есть уверенность, что Сабрина права. В конце концов, это я постоянно напоминаю ей, какое у мамы хрупкое здоровье. Не стоит удивляться, что она так отреагировала на саму мысль, что я могу уехать.

– Нет. Если честно…

– Мэллори, – мама накрывает мою ладонь своей. Я все еще сжимаю вилку с надкусанным наггетсом. – Ты скажешь своему начальнику, что поедешь, хорошо?

Я киваю. Затем думаю об этом всю ночь, не в силах заснуть. Полные ненависти слова Сабрины звенят в ушах. Я зла. Мне стыдно. Я в ярости. Мне горько.

«Эгоистка». Она что, не понимает, чем мне пришлось пожертвовать ради семьи? Думает, я хотела бросить школу? Или считает, что я в восторге оттого, что через четыре года у Истон будут диплом и карьерные перспективы, а я застряну на бессмысленной работе с минимальной оплатой? Что между нами со временем останется совсем мало общего и Истон окончательно про меня забудет? Пошла Сабрина к черту, честно.

«Но это ты виновата, что твоя семья оказалась в такой ситуации, – не унимается противный тонкий голос. – У нее есть право злиться на тебя. К тому же не ты ли собиралась участвовать только в турнирах с денежными призами? Ты вообще хочешь ехать в Торонто?»

Это для рейтинга! Чтобы я могла посещать другие турниры.

«Уж не потому ли тебя так сильно влечет драйв соревновательных шахмат, что ты с Филадельфии не можешь о нем забыть? Тогда круто. Просто уточняю».

О, заткнись, пожалуйста.

«Ты только что попросила саму себя заткнуться, но продолжай – я не возражаю».

Утром я просыпаюсь с мыслью, что должна извиниться перед Сабриной. Но не знаю за что. Может, за то, что разрушила ее жизнь четыре года назад? Сестры в комнате нет.

– Мама Маккензи отвезет ее в школу, – объясняет Дарси. – Маленькая сучка Сабрина довольно легко нашла себе водителя. А еще боялась, что ее некому будет довезти до больницы.

– Во-первых, мы не используем это слово, – улыбаясь, я делаю шаг вперед и поправляю Дарси челку. Я будто смотрюсь в зеркало, но с наложенным фильтром омоложения из «Снэпчата» и с веснушками. – Во-вторых, ты же знаешь, что Сабрина любит тебя? И ни в коем случае не считает идиоткой.

– Думаю, она любит меня, но считает идиоткой, – сестра одаривает меня многозначительным взглядом. – Кстати, я не согласна с тем, что ты эгоистка. Ну, ты жмотишь «Нутеллу», не выказываешь Тимоти Шаламе должного почтения и всем врешь. Но ты не эгоистка.

В горле застревает ком, однако Дарси продолжает:

– Правда, я не уверена на сто процентов, что правильно понимаю значение слова «эгоистка».

Несколько часов спустя я уже в кабинете Дефне, который очень похож на свою хозяйку. Все пестрое, яркое, кругом куча безделушек, которые каким-то образом прекрасно смотрятся вместе, хотя, по идее, не должны.

– Доброе утро! – улыбается она, сидя за столом. – Это не ты украла радужный бейгл Делроя? Он очень расстроился.

– Не-а. Я только пришла.

– Оу. Что ж, чем могу помочь?

Я прокашливаюсь. Ну, поехали.

– Не могла бы ты сообщить Эмилю, что я с радостью поучаствую в Олимпиаде?

Глава 12

Присутствие Нолана я чувствую до того, как вижу его.

Сначала борюсь со своей спортивной сумкой, пытаясь водрузить ее на багажную ленту аэропорта Ла-Гуардия и задаваясь вопросом, почему семейство Гринлиф не догадалось инвестировать во что-то, у чего есть колеса (или хотя бы в гантели, чтобы я смогла подкачать свои хилые ручонки). Потом кто-то забирает у меня неподъемный баул и с легкостью ставит на ленту.

Я оборачиваюсь, но мое тело уже знает, кто это, будто атомы вибрируют на другой частоте в его присутствии. Вполне возможно, Нолан радиоактивен.

– Привет, Мэллори, – говорит он. На нем солнцезащитные очки и темная рубашка, но все остальное мне более чем знакомо: голос, рост, полное отсутствие улыбки.

Он слишком хорошо выглядит.

Ему бы не помешала парочка прыщей или какая-нибудь бородавка, чтобы лицо перестало выглядеть таким идеальным.

– Привет, – протягиваю я.

В последний раз мы виделись больше двух месяцев назад. Два месяца бесконечных шахмат. Я спорила с сестрами, возила маму к врачу, а затем вновь возвращалась к шахматам. Оз смотрел на меня с ненавистью, я перестала проверять «Тиндер» и вновь шахматы, шахматы, шахматы. Я победила в Открытом чемпионате Нашвилла и еще в одном онлайн-турнире. Пока без единого поражения, хотя мой

рейтинг всего лишь чуть меньше двух тысяч. В моей голове без остановки работает маленький механизм, который только и делает, что переставляет фигуры, анализирует пешечную структуру и шахматную теорию.

– Ты что… куда-то летишь? – спрашиваю я хрипло, когда пауза затягивается. Надеюсь, я не заболею прямо перед Олимпиадой.

Уголок его губы дергается.

– Аэропорты обычно именно для этого и предназначены.

Я ощетиниваюсь, пытаясь вспомнить, как правильно дышать.

– Ты вполне мог только что прилететь. Или приехал кого-то встретить. Или ты как Том Хэнкс в том фильме, где он жил в терминале, потому что у него были проблемы с документами. – Я прочищаю горло. – Так куда летишь?

Нолан наклоняет голову:

– Ты серьезно?

В смысле серьезно?

– Ты летишь на турнир в Россию?

– Ты до сих пор не поняла?

– Что я должна была…

– Гринлиф, – возникший из ниоткуда Эмиль Карим обнимает меня так, словно я его давно потерянная сестра.

Рядом с ним девушка, похожая на супермодель, которая прилетела на Неделю моды. Подождите, кажется, я ее знаю. Она была в Филадельфии – девушка Нолана, та, которую он обнимал. Не могу ничего сказать про те объятия, но меня она тоже обнимает так, будто нашла сестру спустя годы поисков.

– Мэллори, я так счастлива, что ты с нами в команде! Не могу поверить, что смогу поговорить с кем-то о чем-то, кроме фэнтези-футбола. Постой, ты, случайно, не фанатка фэнтези-футбола?

От нее потрясающе пахнет. Похоже на лаванду.

– Я… не знаю, что это такое.

– Фух.

– Гринлиф, это Тану Гоэль. Она тоже не знает, что такое фэнтези-футбол, – говорит Эмиль. – И конечно, ты знакома с Ноланом. Ты размазала его по стенке этим летом.

Краем глаза смотрю на Нолана. Кажется, его этот факт совсем не задевает – даже наоборот. Меня это, признаться, подбешивает. Я

хочу быть такой же занозой в его заднице, какая он – в моей. Хочу, чтобы ему тоже снились *мои* дурацкие глаза.

– Вы, ребята, знакомы? – спрашиваю я, переводя взгляд с Нолана на Эмиля.

– К сожалению, – произносят они одновременно и обмениваются долгими, понимающими взглядами.

Только тогда до меня доходит.

Нолан в команде.

Нолан летит в Торонто.

С нами.

Чтобы сыграть в шахматы.

На Олимпиаде.

Эмиль ничего мне не сказал, потому что я не спрашивала. Мы общались, чтобы решить вопрос с перелетом и гостиницей, но я предполагала, что, кем бы ни оказался оставшийся член команды, я все равно о нем не слышала.

Ведь Дефне сказала мне, что все супергроссмейстеры обычно пропускают Олимпиаду и сразу едут на Турнир Пастернака.

Я настоящая идиотка.

Нервная идиотка, которая не может совладать со своим волнением во время досмотра и посадки. Меня не то чтобы легко смутить, но с этими тремя я чувствую себя лишней. Они милы со мной (за исключением Нолана, который ведет себя как обычно) и пытаются вовлечь в разговор (кроме Нолана, который, как обычно, почти не разговаривает). Видно, что за годы знакомства они изучили друг друга до мелочей. Некоторые шуточки понятны только им и скрыты за толстым слоем еще менее понятных отсылок. Их энергетика, приправленная здоровой дозой взаимных шутливых подколов, прекрасно сочетается друг с другом.

– Серьезно, она это покупает? – спрашивает Эмиль, когда Тану берет в руки пачку сливочных карамелек «Верзерс ориджинал». – Тебе сколько лет?

– Оставь ее в покое, – бормочет Нолан, оплачивая своей черной кредиткой те самые карамельки и еще M&M’s с арахисовой начинкой. – Их кладут в желейный салат[34].

Проходит не больше пяти минут, а Нолана уже дважды узнают как «того самого шахматиста из тиктока». С ним просят сделать селфи,

дать автограф. Две красивые женщины торопливо пишут свои телефоны на салфетках из «Сбарро», будто он Джастин Бибер. Тану и Эмиль притворяются, что не знают его и просто стоят в очереди.

– Сэр, я ваша самая большая фанатка. Балдею, когда вы делаете рокировку на четвертом ходе. Вы распишетесь на моем нижнем белье?

Нолан ведет себя на удивление спокойно и не раздумывая выбрасывает салфетки из «Сбарро» в ближайшую урну.

В ожидании начала посадки Эмиль достает телефон и принимается играть в «Кэнди краш».

– Ты шутишь? – спрашивает Тану. Она спиной прислонилась к груди Нолана, его рука лежит у нее на талии. Я стараюсь не смотреть в их сторону и не слушать, что они обсуждают приглушенными голосами. Это выглядит слишком интимно, а я пытаюсь убедить себя, что мне абсолютно все равно, о чем они там говорят. – Мы играем в самую интеллектуальную игру в мире, а ты на досуге развлекаешься «Кэнди краш»? Нолан, скажи ему.

Нолан только пожимает плечами:

– Не очень честно пинать того, кто и так упал.

– Вообще-то для «Кэнди краш» нужно немало мозгов, – настаивает Эмиль. – Здесь требуется выстраивать стратегию.

Тану стонет:

– О боже. Прости, Мэллори, мы не могли бы поменяться с тобой местами? Мне нужно объяснить Эмилю, как он неправ. Прямо сейчас.

Именно так я оказываюсь на сиденье рядом с Нолаком, пока напротив нас Тану и Эмиль громко спорят о цветах конфеток из игры. Я изучаю его профиль, ощущая внезапное беспокойство. Потом вспоминаю, как он заявился ко мне домой, ввел мамин мясной рулет себе в вены и спросил Сабрину: «Джагхед – это имя или фамилия?»

– Расскажи, что между вами происходит.

Нолан поворачивается в мою сторону с озадаченным выражением на лице.

– Вы трое в каких-то полиаморных отношениях или как?

– Ты только что спросила, сплю ли я с двумя своими товарищами по команде? – Он выгибает одну бровь. – Я подам жалобу в ФИДЕ.

– Что? Нет, не нужно жаловаться.

– Тебя это не касается, Мэл.

– Ты явился ко мне домой и сожрал кучу моих сэндвичей из мороженого.

– Точно. – Нолан щелкает языком. – Непростительно. Лучше пожалуйся на меня.

Я закатываю глаза:

– Забей. Так кто с кем встречается?

– Никто ни с кем не встречается. По крайней мере, не сейчас.

Краем глаза поглядываю в сторону Тану и Эмиля. Она отобрала у него телефон и смотрит в экран с сердитым видом, язык зажат между зубами, когда она пытается пройти уровень с рыбками. Эмиль смотрит на нее неожиданно грустными глазами.

– Эти двое?

Нолан беззвучно кивает:

– Они разошлись по разным универам. Тану сейчас пропустит неделю, но она в Стэнфорде. Эмиль – в Нью-Йоркском.

– Ясно. И давно ты их знаешь?

– Целую вечность. Мы тренировались вместе с… – Он прерывается. – Пока они не решили, что профессиональный спорт не для них.

– Давно это было?

– Три года назад Эмиль, Тану еще раньше.

Возможно, они для него как Истон для меня. И поскольку она пишет мне все меньше и меньше, к тому же о все более банальных вещах, вопрос сам слетает с губ:

– Тебе не кажется странным? Что они пошли учиться, а ты нет?

Нолан на мгновение задумывается:

– Иногда. Иногда мне кажется, что у них будет жизнь, которую я никогда не смогу понять. А иногда я рад, что мне не надо читать «Большие надежды» или готовиться к экзамену по тригонометрии.

Я улыбаюсь:

– Практически уверена, что тригонометрию проходят в старшей школе.

– Да?

– Ага. У тебя ее не было?

Нолан открывает пачку M&M’s и предлагает мне взять немного.

– Я учился на дому.

– Из-за шахмат?

– По разным причинам. Понятия не имею, что такое косинус. – Нолан закидывает желтую конфету себе в рот. Когда он глотает, его кадык резко дергается. Я не могу оторвать взгляд, потому что… Потому что слетела с катушек?

– Ты не умрешь без этого знания. Так что, Эмиль и Тану решили не пробовать отношения на расстоянии, но все еще нравятся друг другу?

– Да, и отказываются с этим что-либо делать.

– Готова поспорить, оба страдают.

– Иногда они звонят мне поздно ночью. Один спрашивает, почему Тану только что лайкнула какого-то стэнфордского пловца без футболки в соцсети. Вторая интересуется, что за сучка продолжает снимать дуэты с Эмилем в тиктоке.

– Тебе, похоже, не привыкать отговаривать людей прыгать с обрыва.

– Я бы справлялся лучше, если бы знал, что такое дуэты в тиктоке.

Я смеюсь. Эмиль и Тану смотрят на меня, а затем обмениваются взглядами, значение которых не поддается расшифровке.

– Ты ревновал, когда они только начали встречаться?

– Ревновал? – похоже, вопрос его искренне удивил.

– Ну да. Я хочу сказать, что вы, кажется, довольно близки. И Эмиль, и Тану довольно привлекательны… – Мои щеки горят.

Думаю, Нолан это заметил, потому что уголок его губы дергается.

– Я не ревновал. Мне сложно было понять, как кто-то мог хотеть остаться с другим человеком наедине в комнате, где нет шахматной доски.

– Но теперь ты понимаешь?

Он долго смотрит на меня из-за солнцезащитных очков:

– Теперь понимаю. – Нолан отворачивается. – Но если ты заинтересована в ком-то из них…

– Я не поэтому спросила, – выпаливаю я. – К тому же я не сплю с теми, с кем работаю. Это обычно плохо заканчивается.

На самом деле, в последнее время я вообще ни с кем не сплю. Это были на удивление скудные на события несколько месяцев. Может, шахматы уничтожили мое либидо?

– Плохо заканчивается?

– Ага.

– Это как?

– Из-за близости люди начинают придумывать себе невесть что. Думают, что я хочу продолжить общение. Проводить с ними время.

Нолан изучает меня:

– А ты слишком занята, потому что заботишься о своей семье.

– Откуда ты знаешь?

Он не отвечает, просто продолжает внимательно смотреть сквозь темные линзы, пока его молчание не начинает меня убивать.

– Ты здесь вообще зачем? Разве не едешь на турнир, который будет на следующей неделе?

– Заинтересована в моих планах?

Очевидный ответ: да.

– Тебя не пригласили, ведь так? Они знают, что ты швырнешь доску в арбитра, и тебя отказываются страховать все агентства.

– Я лечу в Москву прямо из Торонто. В пятницу.

– Ты участвуешь в обоих турнирах?

Нолан пожимает плечами, как бы говоря: «И что в этом особенного?»

– Дефне сказала, что у любого мозг отвалится участвовать сразу в обоих. И что большинство серьезных игроков не видят смысла участвовать в Олимпиаде… – Внезапно мне в голову приходит странная мысль. – Ты же здесь не из-за…

«Ты же здесь не из-за меня?

Приди в себя, Мэл. Конечно, он здесь не потому, что одержим идеей сыграть с тобой в шахматы. Он хочет потусить с друзьями. Может, вообще солгал и на самом деле заинтересован в Тану. Или в Эмиле. Или в обоих. Это не мое дело. Кому вообще какая разница…»

– Да, – отвечает Нолан.

Мой внутренний монолог обрывается.

– Что?

– То, что ты подумала, – его дурацкий глубокий голос. Аргх. – Я здесь именно поэтому.

– Ты не знаешь, о чем я думаю.

Нолан улыбается:

– Верно.

– Нет, правда. Ты понятия не имеешь.

– Ладно.

– Прекрати соглашаться со мной. Прекрати притворяться, что можешь читать мои мысли и…

Стюардесса с тележкой останавливается около нас и спрашивает, не хотим ли мы чего-нибудь выпить. Мы ничего не отвечаем: Нолан просто пялится перед собой, а я с угрюмым видом сжимаю свой напиток и думаю, что нет.

Он просто *не может* знать.

Глава 13

Между Олимпиадой и обычным турниром есть два главных отличия: нас проверяют на допинг (ага, надо пописать в баночку) и это командные соревнования. Партии, конечно, индивидуальные, но очки суммируются. Как самый сильный игрок, Нолан получает первую доску. Меня вдруг выбирают второй, хотя опыта у меня меньше всех. (Я много раз спрашиваю Эмиля, точно ли это хорошая идея. Он смотрит на меня широко раскрытыми глазами и обиженно произносит: «Ладно тебе, Гринлиф».)

Понимание, что возможная победа будет общей, вызывает совсем другие ощущения; неважно, насколько временный и абстрактный наш союз. Мне нравится, что Эмиль отбивает мне «пять», когда я обыгрываю эстонского шахматиста, или что Тану целует меня в лоб, когда мне удается избежать ничьей с сингапурцем. Я даже перестаю заморачиваться из-за того, как долго и внимательно смотрит на меня Нолан. Он всегда быстро расправляется со своими соперниками, находит выпить что-нибудь теплое, ставит стаканы рядом с моей доской и остается чуть поодаль моего оппонента до конца игры. Его темный и жадный взгляд перемещается с доски на меня и обратно, и я не совсем понимаю, что это значит.

Нолан не радуется моим победам и не говорит, что я молодец. Он лишь кивает один-единственный раз, будто в каждой моей победе нет ничего удивительного, а его вера в меня такая же непоколебимая,

как огромный валун. Словно в моей удачной игре не больше удивительного, чем в солнце, которое вовремя заходит за горизонт.

Подобное давление, по идее, должно быть невыносимым. Но мне приятно, что игрок такого высокого уровня настолько во мне уверен, и это раздражает куда сильнее. Именно поэтому я делаю то, что умею лучше всего: стараюсь об этом не думать.

Это не так уж сложно. Торонто – прекрасный город, и на турнире веселая атмосфера: всюду рюкзаки, игроки сидят на полу и едят домашние бутерброды, внезапные встречи со старыми знакомыми между турами оборачиваются объятиями и радостными возгласами. Здесь царит дух молодости и не чувствуется напряжения. Похоже на школьную поездку – только вместо музеев шахматы. В своих джинсах скинни и свитере оверсайз я не чувствую себя белой вороной.

– Только не будь слишком самоуверенной. До этого нам очень везло, – говорит мне Эмиль, когда мы возвращаемся в отель в конце первого дня.

Нолан несет Тану на спине, потому что она потребовала: «Прокати меня, Нолан!»

– Мы еще не столкнулись с самыми сильными командами, – добавляет Эмиль.

– Это какие?

– Китай, Индия, Россия. Ну, и еще штук двенадцать.

– Кстати, кто сейчас чемпион?

– Германия. Но Кох уже в Москве, так что в этом году у них нет особенного преимущества.

– Вот почему на Северо-Американском континенте теперь легче дышится, – бормочет Нолан.

– Твой менеджер до сих пор злится, что ты решил сюда поехать? – спрашивает Эмиль.

– Понятия не имею, я перестал отвечать на ее звонки, – Нолан пожимает плечами.

Тану хихикает и спрашивает:

– Помнишь, много лет назад ты толкнул Коха и затем врезал ему, а он начал звать маму?

– Одно из моих самых драгоценных воспоминаний.

– Слезы. Паника. На сто процентов стоит того штрафа, который ФИДЕ тебе потом влепила.

– Затем ты вообще его ударил? – спрашиваю я, хотя на ум приходит миллион причин.

– Уже не помню, – слишком беззаботно бормочет Нолан.

– Он болтал о твоем отце, – говорит Тану. – Как обычно.

– А, да, – челюсть Нолана напрягается. – Придурку нравится чесать языком о вещах, в которых он ничего не смыслит.

Мы останавливаемся в хостеле: четыре отдельные спальни с общей гостиной и ванной. Прошлой ночью я задавалась вопросом, что Нолан, мистер «пятьдесят тысяч долларов – ничто для меня», думал об этих хоромах. Но если его что-то и не устраивало, то он ничего не сказал. Прошлым вечером я рано пошла спать и еще долго слушала, как остальные о чем-то болтали – голоса мягкие, почти интимные, – чувствуя, что немного завидую. Я написала Истон («Как жизнь? Выблевываешь внутренности в унитаз?») и начала листать ее страничку в тиктоке в ожидании ответа, который так и не пришел.

Она занята. Все в порядке.

После первого дня соревнований от усталости я вырубилась на диване, не дождавшись ужина и не позвонив домой. Это был сон без сновидений, в каком-то смысле счастливый сон. По ощущениям – как будто слоны и ладьи мягко скользили по огромной шахматной доске.

Проснулась я в своей кровати, укрытая одеялом и все еще во вчерашней одежде. Кто-то снял с меня обувь, поставил телефон на зарядку и принес на прикроватный столик стакан воды. Кто-то обо мне позаботился.

Я не спрашивала, кто именно.

Второй день похож на первый. Утром мы выигрываем все свои партии – за исключением Эмиля, который проигрывает игроку из Сьерра-Леоне.

– Испортил нашу череду побед, засранец, – мягко выговаривает ему Нолан, поедая пут*и*н[35].

Эмиль кидает в него картофелину, и Нолан успешно уклоняется. Тану кивает:

– Говорила же, что нам нужно взять с собой того, кто знает толк в рокировках.

А вот она уклониться не успевает.

Нолан указывает на меня подбородком:

– Твоя очередь, Мэллори.

– Моя очередь?

– Унизить Эмиля. Это традиция.

– Ладно. – Я прожевываю кусочек сыра, затем чешу нос. – Эмиль, это было… очень плохо?

Нолан трясет головой:

– Жалкая попытка.

– Серьезно, Мэл? – разочарованно спрашивает Тану. – Это все, на что ты способна?

– По-моему, очевидно, что Мэл так же хорошо меня унизила, как я сыграл со Сьерра-Леоне.

– У нее другие таланты, – говорит Нолан, и наши взгляды пересекаются. – Например, она отлично рисует морских свинок.

Я прячу улыбку в ладони, чувствуя, что мне становится все комфортнее в обществе этих троих. Нолан более общительный в компании друзей, несмотря на то что его едва получается игнорировать из-за пугающей ауры. В его присутствии я всегда в напряжении.

По мере того как наши соперники становятся сильнее, мы все больше партий проигрываем или проводим вничью – в основном это случается с Тану и Эмилем. Мне нравится побеждать – я просто *обожаю* это чувство, – а проигрыши товарищей по команде не очень-то меня расстраивают. Нолан, кажется, относится к происходящему схожим образом. Во время второго матча в третий день соревнований Якоб Жимански из Польши делает ошибку на десятом ходу – и я одерживаю победу в рекордное время. Я смаргиваю подступившие слезы, чтобы вернуться в реальность, немного разминаюсь и встаю недалеко от Нолана.

Я впервые заканчиваю раньше него, и мне выпадает шанс посмотреть его игру. Сейчас его ход, и он сидит, откинувшись на спинку стула, шея слегка наклонена, руки сложены на груди. Затем он касается своей ладьи большой ладонью и запускает часы противника.

Мне еще предстоит изучить его игры. Дефне выбирает, чьи именно партии нужно проанализировать, и среди них не было ни одной, в которой бы участвовал Нолан. И все же его игра неотделима от того, какой он шахматист: всем известны его изобретательность, агрессия,

непредсказуемость. Он любит проявлять инициативу. Всегда идет на риск, чтобы повысить градус игры. Его стратегия может показаться слабо продуманной, импульсивной, спонтанной, но на самом деле он отличается дальновидностью и сложностью, его практически невозможно остановить. Он безжалостен к оппоненту и использует любое преимущество, позицию или растерянность. Помню, как читала, что некоторые шахматисты не просто хорошо играют, а одновременно выставляют противника в дурном свете. Нолан по всем параметрам подходит под это описание. И когда его оппонент совершает просчет, входя в миттельшпиль, он вгрызается в него до крови.

И правда, Убийца королей.

Я слежу за ним: как он занимает центр, ходит конем и слоном, съедает всё на своем пути и…

Мне будто нечем дышать. Голова кружится. Я чувствую себя загнанной в угол. Как прекрасен каждый его ход. Они жестокие и беспощадные. Я победила его всего раз, но теперь понимаю, что это, возможно, не повторится, *настолько* он хорош. Вдобавок ко всему я практичный игрок: всегда нацелена как можно быстрее расправиться с оппонентом, не думаю о красоте или элегантности партии. А Нолан просто великолепен. Пять тысяч лет спустя археологи будут рыдать над грациозностью его партий, когда найдут их записи. Но только в том случае, если мы остановим углеродные выбросы, потому что иначе мир превратится в кучку пепла. Именно поэтому лучше поместить флешку во временную капсулу. Ее мы могли бы запульнуть в инопланетный зонд. А пришельцы поделятся этими шедеврами с остальной Вселенной…

– Все хорошо? – спрашивает Тану.

– Я… да, – даже не заметила, как она появилась рядом.

– Ты как будто впала в транс.

– Нет. Я просто…

– Ага, игра Нолана иногда выделывает с людьми такие штуки. Да и вообще сам Нолан, – Тану мягко смеется. – Я когда-то влюбилась в него по уши и думала, что умру, если мы не поженимся и не заведем четверых щекастеньких детишек, которых назовем в честь открывающих гамбитов, которые давно никто не использует.

Мои глаза расширяются.

– О, не волнуйся. Мне было типа двенадцать. А ему тогда было начхать на все это, – Тану пожимает плечами. – Я уж начала думать, что он вообще не способен ни на какие чувства, пока… По идее, он мог бы заполучить любую, но на деле там не так много всего, – она посылает мне обнадеживающую улыбку.

Мне хочется спросить, зачем она вообще мне все это рассказывает и что следует за этим «пока», но тут Нолан впивается клыками в короля польского игрока, и Тану слишком занята празднованием победы.

Я в хорошем настроении ровно до последнего матча дня – с Сербией. Видимо, какой-то шахматный бог имеет на меня зуб, потому что их второго игрока я помню – это один из приятелей Коха с Открытого чемпионата Филадельфии – Дордевич, как сообщает его бейджик. В памяти всплывает, о чем он спросил меня тем вечером: «Как ты готовилась к игре? Мне бы не помешала удача такого рода».

– Гринлиф, – произносит он с презрительной усмешкой, которой наверняка научился у Коха.

Я даю себе клятву, что уничтожу его. И первые минут сорок я действительно нацелена на победу, с легкостью отражая атаки и контролируя центр доски. Но потом козел начинает претворять в жизнь советы из «Руководства Коха, как стать мудаком» и обвиняет меня в том, что я сделала невозможный ход.

– Это не так, – говорю я ему.

– Если ты до этого ходила ладьей…

– Я не ходила ладьей.

– Арбитр!

Я закатываю глаза, но позволяю ему подозвать судью, которой оказывается светловолосая женщина. Она кивает и направляется к нам.

Я тут же узнаю ее. Мои внутренности сжимаются, затем превращаются в цемент, и я готова провалиться сквозь землю. В голове всплывают фрагменты разговора четырехлетней давности.

«Кто это был?»

«Никто».

«Но вы…»

«Никто, Мэл».

– Слушаю, – обращается она к Дордевичу.

У меня в ушах непрекращающийся звон. Я знаю об этой женщине все: как ее зовут, сколько ей лет, где она живет. Или, по крайней мере, жила несколько лет назад. Вполне вероятно, она переехала. И больше не работает в банке, не ходит на тренировки в «У станка» и…

– Это не невозможный ход, – сообщает она Дордевичу, который тут же не соглашается, активно жестикулируя.

Я вся дрожу и никак не могу взять себя в руки.

– Все в порядке? – раздается голос у моего уха. Нолан. Он только что закончил свою игру. – Мэл?

Резко протягиваю Дордевичу руку.

– Ничья? – предлагаю я. В первый раз.

Выражение его лица меняется от смущенного к недоверчивому. Но затем он принимает мое предложение и расслабляется. Мы оба знаем, что если продолжить, я выиграю. Но я просто не могу. Не сейчас.

– Не такая уж ты талантливая шахматистка, – хмыкает он.

Уже на пути в туалет я слышу, как Нолан называет его придурком.

Умываю лицо, не в силах унять дрожь. Пытаюсь убедить себя, что все в порядке и ничего не произошло. Прошел уже год. Ничего не случилось. Ничего не случилось. Ничего…

– Что случилось? – спрашивает Нолан в ту же секунду, как я выхожу из туалета.

Он явно ждал меня, а вот я его нет, поэтому едва не врезаюсь ему в грудь.

– Я… Прости за ничью.

– Мне плевать. Кто эта арбитр?

Дерьмо. Он заметил.

– Никто. Я просто… – пытаюсь обойти Нолана, но его пальцы смыкаются у меня на предплечье.

– Мэллори, ты не в порядке. Что произошло? – его тон жесткий.

Но и мой тоже:

– Мне нужна минута, Нолан. Не мог бы ты, пожалуйста…

– Мистер Сойер? – к нам подходит группа игроков. – Мы ваши большие фанаты. Мы были бы очень признательны за автограф…

Воспользовавшись возможностью, я освобождаюсь от хватки и ухожу. Подальше от Нолана, Хизер Тёркетт, шахмат. В отеле я

запираюсь в номере, ложусь на кровать и принимаюсь глубоко дышать, чтобы очистить голову.

«Если бы ты не лезла куда не следует, ничего этого не…»

Нет.

Я разгружаю голову от ненужных мыслей – на этот раз успешно – и постепенно проваливаюсь в блаженный сон. Без сновидений.

Когда просыпаюсь, стоит глубокая ночь. Я чувствую себя гораздо лучше. Приоткрываю дверь, чтобы пойти в туалет, и обнаруживаю на пороге пакет. Внутри бутерброд, бутылка «Фанты» и пачка «Твиззлерс».

Глава 14

Последний день соревнований – идеальное сочетание мозговыносительных шахмат, высокого риска и командной работы. Мы уже знаем, что точно не получим первое место, но если правильно разыграем оставшиеся карты, то сумеем попасть в тройку.

Так и происходит. Я принимаю ответственное решение забыть о том, что случилось вчера, и фокусируюсь на игре. Мой оппонент пытается провернуть гамбит Муцио. На миг ему удается меня запутать, но затем я вспоминаю, как мы разбирали его с Дефне, и понимаю, что делать. Не скажу, что мы надрали России задницу, но хотя бы чуточку отшлепали. На церемонии награждения мы втискиваемся на низшую ступень подиума, звуки гимна сливаются со щелчками затворов объективов. Тану притягивает меня к себе, Эмиль кричит: «Вот они мы!» – и Нолан смотрит на нас полудовольным, полуукоризненным взглядом. Я ощущаю себя частью чего-то целого. Это чувство я давно не испытывала.

Глупый шахматный турнир. Клялась, что не поддамся эмоциям, а теперь довольна как слон. В толпе Элени Гатаки из Би-би-си показывает мне большие пальцы вверх, и я озадаченно машу ей в ответ. Похоже, в шахматном мире у меня появляются знакомые.

– Идем, Мэл, журналисты хотят взять интервью, – зовет Тану после церемонии.

– О… На самом деле, я не хочу давать интервью.

– Почему? Это *Си-эн-эн*! Вдруг Андерсон Купер станет моим лучшим другом?

– Думаю, для этого у него уже есть Энди Коэн[36]…

– Ты обязана пойти! – настаивает она. – Мы выиграли благодаря тебе. О, Эмиль, прекрати кривить лицо: ты знаешь, что это правда.

– Вы прекрасно справитесь и без меня.

– Но…

– Она не хочет идти, – говорит Нолан спокойным, не терпящим возражений тоном.

Я посылаю ему взгляд, полный благодарности, но Нолан как будто не понимает, за что здесь можно благодарить. Внутри растет раздражение: черт знает, о чем он сейчас думает. Вдруг кто-то легко касается моего плеча.

– Мисс Гринлиф. – Это мужчина в сером пиджаке с длинной, как у садового гнома, бородой и акцентом, который я не могу распознать. – Примите мои искренние поздравления.

– О… спасибо. – Я отчаянно ищу вежливый способ спросить его, кто он такой, но ничего не приходит в голову. – Мы старались всей командой.

Мужчина кивает:

– Пока что вы самый впечатляющий игрок этой самой команды.

– Вы еще Нолана не видели.

Он смеется, хотя взгляд остается серьезным.

– Его игра уже перестала удивлять. Он достиг такого мастерства, что, по словам некоторых людей, испортил шахматы как игру.

Я хмурюсь, вспоминая о людях, которые узнавали Нолана в общественных местах и говорили, что заинтересовались шахматами только благодаря ему.

– Не могу согласиться. – Я что, защищаю Нолана Сойера? Кажется, скоро лягушки с неба посыплются. – Он сделал шахматы популярными.

– Это так. Но он всегда выигрывает. У него годами не было достойного соперника, а люди редко увлекаются спортом, где исход предрешен. Уж я-то знаю. Я организатор Турнира претендентов.

– О.

Звучит знакомо, но не помню, где про него слышала, так что мне все равно. Этот мужчина с ястребиным взглядом говорит о Нолане

такие вещи, которые мне неприятны.

– Прошу прощения, – я делаю неопределенный жест рукой себе за спину. – Мне нужно догнать своих товарищей по команде.

– Я много о вас слышал, мисс Гринлиф. Сначала был уверен, что слухи преувеличены, но… – Он оценивает меня долгим взглядом, от которого хочется поскорее скрыться. – Бегите уже. Ваши друзья, должно быть, вас заждались. Кем бы они ни были.

Буэ.

Я ухожу прочь, делая вид, что занята чем-то в телефоне. Во входящих нахожу одно сообщение от Дефне («Ты просто умничка») и миллион – от Дарси. Судя по всему, они обе последние четыре часа только и делали, что обновляли сайт chessworld.com.

ДАРСИПОПА. БРОНЗА!!!!!!!

ДАРСИПОПА. Вы с Ноланом заработали больше всех очков на Олимпиаде. Вы, ребята, должны пожениться и завести дочь. Она будет офигенно играть в шахматы.

ДАРСИПОПА. Или будет полной бездарностью. С трудом волочащаяся по жизни, вечно во всем разочарованная. Доведет тебя до седых волос. Заберет ключи от машины и отправит в дом престарелых, как только ты ослабишь свою защиту. Так что забудь, что я написала выше.

ДАРСИПОПА. Ты же вернешься домой завтра вечером? Я скучаю. Сабрина если заговаривает со мной, то только чтобы сказать «фу».

МЭЛЛОРИ. тчн. и когда она говорит фу она на самом деле имеет в виду я люблю тебя. или типа того

МЭЛЛОРИ. какой сувенир тебе привезти из канады?

ДАРСИПОПА. Подружку для Голиафа.

Я вздыхаю. А затем крепкое объятие Тану выдавливает из меня последний воздух. Я в облаке аромата лаванды.

– Последний вечер в Торонто! Понимаешь, что это значит?

– Я думала прогуляться по центру…

– О нет. Ни за что. – Тану отстраняется и зажимает мое лицо в ладонях. В ее зрачках от возбуждения мигают огоньки. – Сегодня, Мэллори, мы будем играть в скиттлс!

Скиттлс похож на шахматы.

На самом деле, это и есть шахматы – только без часов и протокола, зато с полупустыми банками пива и музыкой «Солт-эн-Пэпа», которая старше нас. Мы сидим под звездами светильника-проектора, который притащила какая-то девчонка из Бельгии в качестве подарка на «новохостелье».

На этой интернациональной вечеринке вместо крутящихся бутылок – шахматные доски. Встреча проходит, как я понимаю, благодаря организаторским талантам Тану и Эмиля, а также репутации Нолана. Уже не первый час люди приходят и уходят, приносят свои шахматы, чтобы сыграть в блиц[37], рапид[38], шахматы Фишера[39].

Шахматы на раздевание.

– Пить можно с девятнадцати, Мэл, – говорит мне Тану, когда я второй раз отказываюсь от какого-то фруктового напитка. Она потеряла слона и свои носки десять минут назад. – Это законно! Как взятие на проходе[40]. Или превращение пешки![41] Или короткая ро…[42] Черт, прошу прощения! – Содержимое ее стакана выливается на итальянца, которого Нолан вчера обыграл, и она спешно переключается на милого японца, чтобы нарисовать ему усы, забыв и обо мне, и о том, что мне еще восемнадцать.

Я снова концентрируюсь на партии в рапид против шриланкийской девушки, с которой сблизилась, заметив у нее значок с «Дрэгон эйдж». Она невероятно милая, с ней легко общаться, и несколько месяцев назад я бы попыталась с ней затусить.

Я дала аннибалову клятву, что не буду играть ради удовольствия. Да, именно этим я и занимаюсь. Нет, не хочу об этом говорить.

– …Та партия, где Нолан стащил черного коня с доски Капорани на Турнире равных возможностей и все партии отложили на двадцать минут, потому что не могли его найти?

– Это было после Гибралтара, когда Капорани подменил мою воду на дистиллированный уксус.

– За это мы отомстили бомбочкой из глиттера. Он сверкал несколько *месяцев*.

Народ смеется. Эмиль и Нолан в окружении друзей и фанатов сидят на диване, размышляя над развернувшейся перед ними партией. Одна девушка с почти такими же светлыми, как у меня, волосами свернулась в клубок у Нолана под боком. Сложно сказать, что он думает по этому поводу, потому что полностью сосредоточен на игре. Похоже, он провел рукой по волосам, потому что они слегка взъерошенные и безумно привлекательные.

Это я тоже пока обсуждать не готова.

– Должно быть, круто играть против такого соперника, – говорит шри-ланкийка, следуя за моим взглядом.

Я тут же перестаю смотреть.

– Он иногда ведет себя как мудак, – отвечаю я, хотя ко мне это вряд ли относится.

Шри-ланкийка издает тихий, хриплый смешок.

– Все гении такие. Я слышала, что у него ай-кью сто девяносто. Может, и выше, но тесты плохо такое измеряют.

– Мясной рулет он уминает не как человек с ай-кью сто девяносто, – злопамятно бормочу я.

– Прошу прощения?

– Ничего. Эм, шах и мат, кстати. – Я встаю, вытираю ладони о легинсы и решительно отказываюсь от любых попыток продолжить общение. – Было приятно познакомиться. Мне завтра рано вставать, так что…

– Куда ты собралась, Мэл? – Тану возникает из ниоткуда. – Еще даже двенадцати нет!

– Продолжайте веселиться. Мне нужно купить подарки для сестер завтра утром…

– Может, останешься еще на чуть-чуть? Ты же хочешь пиццу?

– Пиццу?

– Да, давайте пойдем за пиццей!

– Я вроде как устала и…

– Тогда мы сходим за ней сами! – Тану оборачивается на нетвердых ногах. – Кто хочет пойти за полночной пиццей?

Или Тану – душа этой вечеринки, или пицца – однозначно лучшая еда в мире, но уже через тридцать секунд музыка замолкает и народ покидает комнату, оставляя меня в одиночестве.

Может, внутри мне восемьдесят, потому что я благодарна за благословенную тишину.

– Ты идешь? – спрашивает из дверного проема блондинка, которая раньше была с Ноланом.

У нее милый акцент. Только до этого мы ни разу не разговаривали, поэтому я не очень понимаю, почему она обеспокоена на мой счет.

– Нет.

Я вздрагиваю и поворачиваюсь. Нолан – она спрашивала Нолана. Который все еще сидит на диване.

– Уверен?

Он едва удостаивает блондинку взглядом:

– На все сто.

Возможно, он ненавидит пиццу и ест только настоящий сицилийский кальцоне с томатами, выращенными у подножия Этны.

Мне плевать. Я иду к себе.

– Нолан, когда Тану вернется, скажешь ей, что я пошла спать? – Я неопределенно машу рукой на стулья, шахматные доски и диван. – Хорошего…

Его рука ловит мою за запястье. Я слишком поражена, чтобы попытаться освободиться.

– Давай немного поиграем, Мэллори.

Я замираю. Коченею. Но и на этот раз вырываюсь из его хватки.

– Я говорила тебе, что не…

– …играешь вне турниров. Да. Но ты играла весь вечер, и турнир давно закончился. С пятью разными людьми.

Я усмехаюсь:

– Ты считал?

– Да, – он смотрит мне прямо в глаза. На его подбородке и скулах то и дело пляшут звезды от светильника. – Я был уверен, что ты закончишь вечер в комнате Бандары.

– Бандары?

– Рухи Бандара. Ты с ней только что играла.

Делаю шаг назад, отказываясь признавать, что думала примерно о том же. Но вслух говорю:

– Я не хочу играть против тебя.

– Тогда у нас проблема, потому что я *очень* хочу сыграть против тебя.

Внутри меня что-то трепещет: кажется, он имеет в виду что-то другое. Будто…

Не знаю.

– Ты уже играл против меня.

– Один раз.

– Одного раза достаточно.

– Один раз – это ничто. Мне нужно еще.

– Уверена, есть куча людей, которые с радостью с тобой сыграют. Некоторые даже готовы заплатить, только чтобы посидеть напротив тебя за доской.

– Но я хочу тебя, Мэллори.

Я тяжело сглатываю и отвожу взгляд. Он прав: я уже нарушила свое правило не играть после работы. Так почему упорно сопротивляюсь?

Возможно, причина в том, что я видела, как он играет. Видела, насколько он гениален. Как одним взглядом считывает планы соперника и делает то, что я пока не могу понять. Если мы сыграем, я проиграю. И да, я ненавижу проигрывать, хотя это едва ли будет равный матч. Конечно, лучший игрок в шахматы в мире будет лучше стипендиатки «Цугцванга». Большое дело. Это все равно что расстраиваться, что не можешь проплыть двести метров баттерфляем быстрее Майкла Фелпса.

Возможно, меня беспокоит что-то еще. Не уверенность, что я проиграю, а уверенность Нолана, что это произойдет.

Да. Его одержимость, похоже, кроется в том, что я уложила его на лопатки. Один-единственный раз. У меня есть врожденный талант к шахматам, но я не могу быть лучше того, у кого есть и талант, и годы профессиональных тренировок. Мы сыграем, он выиграет, и я стану для него такой же, как все остальные: поверженной Ноланом Сойером.

Он мгновенно потеряет ко мне интерес и…

Это же хорошо, правда? Мне же не нравится, что Нолан Сойер появляется у меня на пороге и обсуждает «Ривердейл» с моими сестрами? Мне нужно просто согласиться сыграть с ним и закончить разом все, что между нами происходит.

Но…

– Нет, – слышу я собственный голос.

Нолан сжимает челюсть.

– Ну и ладно, – он расслабляется и тянется через стеклянные бутылки, шахматные фигуры и недоеденные чипсы за карандашом и рекламкой немецкой шахматной федерации. – Садись.

– Я сказала, что…

– Пожалуйста, – просит он, и что-то в его голосе заставляет меня подчиниться. Пытаюсь вспомнить, когда он в последний раз говорил это слово. По сути, такое простое – «пожалуйста». Правда ведь?

– Ладно. – Я сажусь напротив него так далеко, как это только возможно. Это мое наказание за то, что не пошла за пиццей. – Но я не собираюсь играть, так что…

– Шахматы.

– Что?

– Ты сказала, что не будешь играть со мной в шахматы. Про остальное ты молчала, так что… – Нолан протягивает мне рекламку. На ней нарисована решетка, в середине которой стоит крестик.

Я смеюсь:

– Крестики-нолики? Серьезно?

– Только если ты не предпочитаешь «Уно». Или, может, шашки? «Операция»?

– Это еще хуже, чем «Кэнди краш».

Нолан улыбается. Уголком губ.

– Не говори об этом Тану: она снова положит мне под подушку канцелярскую кнопку.

– Снова? – я изумленно трясу головой. – Ты не можешь на полном серьезе хотеть сыграть со мной в крестики-нолики.

Он пожимает плечами и делает большой глоток индийского пейл-эля.

– Мы можем сделать ставки. Чтобы было веселее.

– Я не собираюсь играть на деньги.

– Мне не нужны твои деньги. Как насчет вопросов?

– Вопросов?

– Если я выиграю, то задам тебе вопрос – заметь, любой вопрос! – и ты должна будешь ответить. И наоборот.

– О чем ты вообще можешь меня спросить?..

– По рукам?

Что-то внутри подсказывает, что это плохая затея, но я не могу точно сказать почему, поэтому киваю.

– По рукам. Пять минут. Затем я ухожу. – Я забираю карандаш из пальцев Нолана и рисую свой нолик.

Первые три игры проходят вничью. Четвертая остается за мной, и я широко улыбаюсь. Мне и правда нравится побеждать.

– Так что, я могу задать вопрос?

– Если хочешь.

Понятия не имею, о чем его спрашивать, но не хочу отказываться от своего приза. Какое-то время ломаю голову, а затем решаюсь:

– Что такое Турнир претендентов?

Нолан выгибает бровь:

– Ты спрашиваешь меня о том, что легко гуглится?

Ему удается слегка смутить меня.

– Это турнир, – продолжает он, – где определяется игрок, который будет противостоять текущему чемпиону мира.

– То есть тебе?

– На данный момент – да.

Я мягко фыркаю:

– И последних четырех лет.

– И последних четырех лет, – в его голосе нет ни капли хвастовства. Никакой гордости.

В этот момент до меня доходит, что Нолан впервые стал чемпионом мира в тот самый год, когда я бросила шахматы. Если бы этого не произошло, мы бы встретились гораздо раньше и совершенно при других обстоятельствах.

– В Турнире претендентов участвуют десять игроков, которых отбирают в других супертурнирах или по рейтингу ФИДЕ. Они соревнуются друг с другом. Затем через несколько месяцев разыгрывается титул чемпиона мира.

– Это за него дают приз в два миллиона долларов?

– В этом году три.

Мое сердце пропускает удар. Мне даже страшно представить, как такие деньги могут помочь моей семье. Не то чтобы я считаю, что могу победить Нолана. Или вообще окажусь на Турнире претендентов.

Меня не приглашают на супертурниры, а мой рейтинг где-то рядом с жвачкой, которая прилипла к подошве моего ботинка.

Сжав карандаш, рисую новое поле. Должно быть, я слишком зациклилась на деньгах, потому что в следующей партии побеждает Нолан.

Я закатываю глаза:

– Отвлеклась. Ты не очень-то заслуживаешь…

– Почему ты бросила шахматы в четырнадцать лет?

Мое тело напрягается.

– Прошу прощения?

– В сентябре, после турнира в Филадельфии, ты сказала, что бросила играть не из-за того, что умер твой отец. Тогда из-за чего?

– Мы не договаривались отвечать на подобные вопросы.

– Мы договорились, что это может быть *любой* вопрос, – Нолан выдерживает мой взгляд, в его голосе нотки вызова. – Если хочешь, можешь не отвечать.

Именно так мне и следует поступить. Не отвечать и оставить Нолана одного с его глупым вопросом, ответ на который его не касается. Но я не могу заставить себя промолчать. Несколько секунд кусаю нижнюю губу и, поборов желание вырезать следующий нолик у Нолана на коже, отвечаю:

– У нас с отцом испортились отношения задолго, – *три года, одна неделя и два дня,* – до его смерти. Тогда я и перестала играть.

– Почему вы отдалились?

– Это уже второй вопрос. И если выиграешь снова, никаких вопросов на эту тему больше не принимается.

Нолан хмурится:

– Это почему?

– Потому что я так сказала, – огрызаюсь я.

На мгновение он замолкает, но затем, верно уловив угрозу в моем голосе, кивает.

После этого еще несколько партий заканчиваются ничьей. Точнее, их двадцать три. Никто из нас не хочет, чтобы ему задавали неудобные вопросы. И когда я одерживаю победу в двадцать четвертой игре, Нолан в своем стиле ударяет рукой по столу. Если честно, его реакция даже поднимает мне настроение.

Я уже профукала один вопрос, поэтому на этот раз мне хочется спросить о чем-то личном. Может, о его отношениях с Кохом? Или узнать историю о сестрах Бодлер? О его дедушке? Есть кое-что, что давно меня волнует, но если задам этот вопрос, то переступлю черту. С другой стороны, Нолан спросил меня об отце, и я не против отомстить. Может, даже хочу это сделать.

– У меня дома, когда Сабрина спросила, с кем ты спишь, ты сказал… Я толком не поняла, что ты сказал и… – Я замолкаю.

– В чем вопрос? С кем я сплю?

Коротко киваю. Щеки горят. Я уже успела пожалеть, что решилась об этом заговорить.

– Ни с кем.

Эм?

– В смысле?

– Я ни с кем не сплю. Или, по крайней мере, ни с кем не спал.

Мне нужно какое-то время, чтобы переварить услышанное. Чтобы реально осознать: Нолан Сойер, Убийца королей, беспечно признает, что ему двадцать и он еще девственник. Не то чтобы в этом было что-то неправильное. Но все же.

Нет. Я неправильно поняла. А как же сестры Бодлер?

– Ты никогда ни с кем не спал, – повторяю я.

– Не-а, – уверенным тоном заявляет он. И выглядит абсолютно спокойно, как будто не собирается никому ничего доказывать, кроме себя. По крайней мере, здесь, сейчас, со мной.

– О, – чувствую, что мне надо наступать постепенно. – Так ты… Я хочу сказать, тебя все устраивает или ты хотел бы… – Краска еще сильнее приливает к щекам.

Нолан нависает надо мной:

– Имеешь в виду, хотел бы с кем-нибудь заняться сексом?

Я киваю. Иисус, у меня есть язык. Я могу говорить.

– Раньше нет, – Нолан даже не раздумывает. – Но в последнее время захотел.

– Что… Что изменилось?

Он внимательно смотрит на меня.

– Мне говорили, что дополнительные вопросы не принимаются, – уголок его губ вновь выгибается в улыбке. – К тому же я слышал, что у тебя опыта хватит на нас двоих.

Издаю стон:

– Не скажу, что… Тебе не стоит верить всему, что говорит Дарси.

– Это ведь неплохо. – Нолан рисует новое поле.

Я все еще взволнована, поэтому он легко выигрывает.

– Что ты собираешься делать после того, как закончится твоя стипендия?

– Что ты знаешь о моей стипендии?

– Никаких вопросов на вопросы.

Я закатываю глаза:

– Буду искать место автомеханика. К чему ты клонишь?

– Как насчет шахмат? Просто бросишь играть?

– Ага, – я выхватываю карандаш из его руки. – В шахматах у меня нет будущего.

Нолан фыркает:

– Ты не можешь просто…

– Я ответила на твой вопрос. Следующий раунд.

Он смотрит на меня с упорством и раздражением, а затем почти мгновенно побеждает. Как он это делает? Он пьет, а я нет, но именно я оступилась.

– Валяй, – я в очередной раз закатываю глаза. – Но никаких дополнительных вопросов.

Нолан наклоняется в мою сторону, взгляд его темных глаз серьезен, на коже пляшут звезды.

– Ты в курсе, насколько невероятная?

Перестаю дышать. На время. А потом заставляю себя засмеяться.

– Реально? Ты тратишь свой вопрос на подобные глупости?

– Я совершенно серьезен. Ты вообще понимаешь, насколько ты необыкновенная, Мэллори?

– О чем ты вообще?..

– Я никогда не видел ничего подобного твоей игре. Никогда.

– Я… Ты в десять раз лучше меня. Я победила тебя один раз, когда играла белыми, а ты, скорее всего, ожидал легкой победы.

– Ты не ответила на мой вопрос, – Нолан наклоняется ближе. От него пахнет мылом и пивом и еще чем-то приятным и темным. – Ты знаешь, насколько чертовски *хороша?*

Я выдерживаю его взгляд.

– Да, знаю, – признавать это почти больно. Я поклялась не развивать этот свой безграничный талант и намерена сдержать обещание. – Тебя задевает, что я настолько хороша?

– Нет, – и он не лжет. Он вообще когда-нибудь врет? – Наверное, должно. Но.

Это его «но» неопределенно повисает в воздухе.

– Почему?

Нолан цокает языком:

– Ты не заслужила права спросить.

Новое поле. Новая игра. Очередная победа Нолана. Моя очередь бить по столу. Теперь уже пустая бутылка звенит, ударяясь о дешевый пластик, и у меня в горле копится раздражение. Да пошло оно все.

– Ты жульничаешь? – ехидно интересуюсь я. Внутри меня все горит.

– Нет. Но наблюдать за тем, как ты проигрываешь, когда теряешь самообладание, – сплошное наслаждение. Я бы посоветовал тебе поработать над этим.

– Я не теряю самообладание. И то, как я играю в крестики-нолики, едва ли…

– Вопрос, – перебивает меня Нолан, в голосе сквозит сталь. – Почему ты притворяешься, что не хочешь всего этого?

– Всего этого?

Он жестом охватывает пространство вокруг себя:

– Шахматы. Почему притворяешься, что не хочешь играть в шахматы?

– Ты меня не знаешь, – ощетиниваюсь я. – Шахматы мне не очень-то нравятся.

Нолан качает головой, и слабая улыбка превращается в ухмылку: он снова выигрывает, воспользовавшись моей заминкой. Мои руки дрожат, и мне все надоело.

– Ты тоже это чувствуешь, правда, Мэллори? – он давит на меня своим низким голосом. – Когда играешь, чувствуешь то же, что и я.

Я сжимаю зубы:

– Без понятия, о чем ты. Шахматы – глупая игра с доской и…

– Это глупая игра, но *твоя* глупая игра. Я вижу, как ты смотришь на фигуры. Они весь твой мир, не так ли? Та вселенная, которую ты выбираешь сама для себя, где тебя никому не остановить. Здесь ты

королева. Король. Конь. Кто угодно. Если хорошо изучишь правила, то все будет под твоим контролем. Сможешь спасти фигуры, которые тебе важны. В реальной жизни ведь совсем не так, да?

Как он смеет делать вид, что знает меня? Что он…

Ненавижу его.

Не помню, когда в последний раз была в такой ярости. Чувствую, как в желудке закипает кислота. Я вырываю рекламку у Нолана из рук и рисую новое поле, едва не порвав листок. Спустя семь попыток наконец-то одерживаю победу.

– Какого черта тебе от меня надо? – огрызаюсь я и подаюсь вперед, стреляя молниями из глаз.

Нолан выгибает бровь.

– Я не понимаю, – практически кричу, – почему ты здесь, когда на следующей неделе турнир? Почему думаешь, что все про меня знаешь? Почему тебя вообще волнует, что я думаю о шахматах?.. – заканчиваю злым, животным звуком.

Если Нолана мои слова и задевают, то он этого не показывает:

– Я думал, ты догадываешься.

– Ошибаешься. Просто *скажи,* чего ты хочешь и…

Нас прерывает громкий звук.

Я поворачиваюсь к двери. Тану вместе с ребятами возвращаются со стопкой коробок с пиццей и что-то кричат про пеперони и анчоусы со скидкой. До меня доходит, насколько я близко к Нолану, и я успеваю отпрянуть. Но он продолжает упрямо смотреть на меня с едва различимой улыбкой на губах.

– Я так понимаю, игра окончена, – говорит он и встает, чтобы помочь Тану. – Доброй ночи, Мэллори. И удачи.

Глава 15

Дарси в восторге от худи с морской свинкой («Ты пока просто отмазалась – Голиаф не захочет спариваться с нарисованной свинюшкой»), и даже Сабрину удалось впечатлить роликами с кленовыми листьями, из-за которых я едва не опоздала на самолет и которые едва уместились в сумку.

Но ее любовь ко мне непостоянна. «Ты лучшая!» – говорит она мне в среду после того, как я отвожу ее к Маккензи. Но в четверг, обнаружив ее в слезах посреди гостиной из-за какого-то поста Маккензи в соцсетях, я слышу: «Почему ты всегда лезешь в мою жизнь? Почему никогда не можешь заняться своими делами?»

– Если мое тело найдут в канаве, – говорю я маме, – скажи полиции, что она ни при чем. Скорее всего, вина будет на ней, но я не хочу, чтобы она всю жизнь провела в тюрьме.

– Она злится не только на тебя, но и на весь мир.

– Скажи, я была такой же в четырнадцать? – Это глупый вопрос. Мне все еще восемнадцать, но я чувствую себя такой же древней, как леди из «Титаника». Кроме случаев, когда сравниваю себя с Истон: в отличие от нее я как будто застряла в вечном пубертате.

– Однажды я попросила тебя перестать оставлять банку с арахисовым маслом открытой, и ты назвала меня диктаторшей.

Я издаю стон:

– Неужели и Дарси будет такой же?

– Ага, – мама хлопает меня по плечу. – Просто вместо арахисового масла у нее будет «Нутелла».

В целом, несмотря на все опасения, я вернулась из поездки и с удивлением обнаружила, что жизни членов моей семьи ничто не угрожало и без меня они… в порядке. Из-за чего я испытываю странную смесь шока и облегчения.

Оз и Дефне отправились на Турнир Пастернака, а значит, я осталась практически без присмотра. Мне бы использовать высвободившееся время, чтобы нагнать остальных участников марафона по Гарсии Маркесу, на который я подписалась на «Гудридс», выучить все столицы мира или покрасить волосы в блевотно-зеленый. Да что угодно. Вместо этого я разбираю партии Нолана.

Ярость, которую я испытывала в нашу последнюю ночь в Торонто, превратилась в холодное негодование. Нолан много чего сказал обо мне, и некоторые вещи совершенно случайно оказались правдой. В конце концов, даже сломанные часы показывают правильное время дважды в день. Но все же у него не было права. Игра в вопросы была тупой. Надеюсь, никогда не увижу его снова. Скорее всего, это не так.

Но я хочу по косточкам разобрать те шедевры, которые, к моей досаде, представляют собой его партии. У меня так и чешутся руки внести данные в шахматную программу. Я упиваюсь его невероятным талантом к уничтожению оппонентов: он лишает их возможности активной игры и затем нападает, будто голодный тигр. Со временем я все больше одержима мыслями о Нолане, так что, возможно, именно поэтому все еще думаю о нем, когда в воскресенье вечером начинаю переписываться в «Тиндере» с парнем по имени Алекс.

АЛЕКС. Привет!

МЭЛ. крутая собака на фотке в профиле – это питбуль?

Уже через мгновение приходит ответ, но я настолько в своих мыслях, что несколько минут лежу на диване и анализирую вариацию берлинской защиты Сойера, чтобы убедиться, что это точно она.

АЛЕКС. Как у тебя дела в последнее время?

Как у меня дела в последнее время? Немного странный вопрос. Я возвращаюсь к его профилю и изучаю парня на фото, который теперь

кажется немного знакомым. Он милый. Темные волосы. Темные глаза. Хотя не такие темные. Не такие, как у…

МЭЛ. мы знакомы?

АЛЕКС. Шутишь?

Не-а. Не шучу. К счастью, он пишет до того, как я в этом признаюсь.

АЛЕКС. Мы вместе ходили в школу. Я учился на класс старше. И приглашал тебя на выпускной.

О. *Тот самый* Алекс – правда, теперь у него растительность на лице. Помню, помню. Он был такой… обычный. Возможно, именно поэтому я о нем с тех пор и не вспоминала.

МЭЛ. прости, не узнала тебя на фото. как у тебя дела?

АЛЕКС. Хорошо! Учусь в Ратгерсе. А ты?

МЭЛ. я не учусь

АЛЕКС. Решила год отдохнуть? Тебе идет, если судить по твоей фотке в профиле. Ты всегда была горячей, но теперь…

Следующее сообщение представляет собой три эмоджи-огонька. В принципе, для этого я и зашла на «Тиндер», но мне становится скучно.

Я размышляю о том, что бы на месте Алекса сказал Нолан. Как бы вел себя в Сети. Как бы пытался подкатить к кому-нибудь. Вряд ли у него бы что-то получилось. Разве он не девственник? В постели от него мало толку.

Но вместе с тем сложно представить его неудачником. Не с этими темными внимательными глазами, не с тем, как он аккуратно обхватывает шахматную фигуру своей большой ладонью, не с его прекрасными, гениальными игровыми стратегиями. На Олимпиаде, когда совершал ошибку или жалел о каком-то ходе, он бормотал что-то себе под нос. У меня мурашки бегали по телу. По идее, в этом не должно быть ничего сексуального, но я…

Телефон вновь тренькает. Испуганно смотрю на экран. Забыла, что он вообще у меня в руках.

АЛЕКС. Хочешь встретиться?

Решил «замутить». Хотя напрямую, конечно, не скажет. Готова поспорить, Нолан не стал бы ходить вокруг да около. Готова поспорить, он написал бы что-то вроде «заняться половым актом» и…

О боже.

О боже.

МЭЛ. на самом деле, не уверена, что это хорошая идея. у меня сейчас полно работы – даже не знаю, что делаю в сети. прости, что потратила твое время

Ставлю телефон на беззвучный и, когда он вибрирует, сообщая, что Алекс ответил, не проверяю ответ. Какого черта я думаю о Нолане, когда пытаюсь назначить встречу с другим человеком? Что он вообще забыл у меня в голове?

С меня хватит. Все. Это расстраивает. Смущает. Это ненормально. Больше никаких партий Нолана. Больше никакого Нолана. Мне нужно… Я не могу продолжать думать о нем.

«Начну завтра, – говорю я себе, ожидая, пока нагреется вода в душе. – Больше не буду смотреть его партии. Я выкину его из своей жизни. Завтра».

И я действительно в это верю. Пока завтра не наступает.

В «Вэнити фэйр» напечатали статью.

Это уже само по себе проблема, потому что за ее прочтение надо заплатить. Когда Истон присылает мне ссылку («Ты с ним мутишь? Круто, что о личной жизни лучшей подруги я узнаю из “Вэнити фэйр”!!»), я могу видеть только заголовок: «Сойер занимает второе место на Турнире Пастернака, закончив опасную финальную партию ничьей».

Всю ночь кручусь и верчусь в кровати. Сейчас за окном еще темно, яркий свет от экрана телефона режет глаза, и Голиаф с гордостью вылизывает свою задницу где-то около моего левого уха.

Ненавижу свою жизнь.

МЭЛЛОРИ. у меня нет доступа. что там?

МЭЛЛОРИ. кстати, как у тебя дела? тебя похитила снежная женщина и теперь вы помолвлены?

БОУЛДЕР ИСТОН ЭЛЛИС. Ты ТОЧНО захочешь это прочитать.

МЭЛЛОРИ. я бедна и ненавижу джеффа безоса.

БОУЛДЕР ИСТОН ЭЛЛИС. Посмотри в «Вашингтон пост» и ИСПОЛЬЗУЙ РЕЖИМ ИНКОГНИТО, божечки, что с тобой не так. Бумер.

Режим инкогнито срабатывает. Почему я раньше о нем не задумывалась? Размышляю, как применить новоприобретенное знание, когда взгляд цепляется за первый абзац статьи:

…Сойер, казалось, был не в форме, что совсем на него непохоже. Конечно, «не в форме» для лучшего игрока в мире – это все еще лучше, чем для большинства супергроссмейстеров, но многие были поражены, когда он занял второе место на самом важном турнире года и даже не пришел на церемонию награждения.

«Он выглядел уставшим, – сказал в интервью Андреас Антонов, гроссмейстер из Джорджии. – Неудивительно, учитывая его поздний вылет из Торонто и первую партию через час после приземления».

Решение Сойера участвовать в Олимпиаде долгое время обсуждали в шахматном мире. Он был единственным из топ-двадцати игроков, который там присутствовал.

«Вот что происходит, когда ставишь свою девушку выше шахмат, – заявил Кох, победитель Турнира Пастернака, сайту chessworld.com. – Эпоха Сойера подошла к концу. В следующем месяце я стану лучшим на Турнире претендентов, а после заполучу мировое первенство».

Хотя Сойер публично не обсуждал подробности своей личной жизни, похоже, Кох намекал на Мэллори Гринлиф, талантливую шахматистку, которая сумела привлечь к себе внимание на Открытом чемпионате Филадельфии. В настоящий момент

рейтинг Гринлиф – 1892, но она быстро набирает очки. На Олимпиаде Гринлиф и Сойер представляли Америку вместе с Тану Гоэль (295-е место в рейтинге) и Эмилем Каримом (84-е место). В общем зачете команда заняла третье место. Их также заметили вместе вне турнира (см. фото)…

Я нажимаю на ссылку, и она переносит меня на чертову «Шестую страницу»[43]. На фото мы с Ноланом в полутьме играем в крестики-нолики в нашу последнюю ночь в Торонто. Я склоняю голову, крепко сжимая карандаш. Нолан смотрит на меня с неожиданно мягким выражением лица, что на него совсем непохоже.

Кто нас сфотографировал? Когда? Зачем?

…Сойер, настоящая рок-звезда шахмат, по слухам, встречается с шахматисткой Мэллори Гринлиф. Их засняли в довольно интимный момент после…

О черт. Нет-нет-нет. Чертов чертяцкий черт.

Я выпрыгиваю из кровати. Все плохо. Хуже, чем просто плохо. *Наиплохейше плохо*.

Что же делать? Как попросить «Вэнити фэйр» удалить статью с сайта? Может, у них есть менеджер, на которого можно наехать?

Нолан. Нолан точно знает. Ему наверняка тоже не понравится, что про него такое пишут. Мне нужно связаться с ним. Но как? У меня нет его номера. Получится ли у меня вызвать его пентаграммой, выложенной ладьями или… Точно, Эмиль!

Пишу ему и только потом вспоминаю, что, судя по его распорядку дня в Торонто, он совсем не жаворонок. Кто знает, когда он проснется, а я не могу ждать, когда в интернете про меня пишут подобную чепуху. Так что провожу рукой по волосам и делаю то, что любой сделал бы на моем месте: гуглю Нолана. Приходится продираться через огромное количество сайтов – вряд ли кто-то в двадцать лет может похвастаться чем-то подобным, – включая «Тамблер», где страничка ведется не от Нолана-человека, а от Нолана-кота, и фанфик с подробными эротическими сценами, где он и Перси Джексон занимаются сексом в позе шестьдесят девять на бегемоте. Наконец, нахожу что-то полезное: статью о том, как Нолан переехал от семьи в пентхаус в модном районе Трайбек.

Интернет, конечно, страшная вещь, которой плевать на личные границы, потому что тут указан адрес.

Судя по всему, мне тоже плевать на личные границы, потому что я начинаю собираться. Дорога займет больше часа. Когда я приеду на место, Эмиль мне ответит, и я напишу Нолану что-то типа: «Давай встретимся в “Старбаксе” и поболтаем о шахматах и возможном судебном иске против крупнейшего новостного сайта! Угощаю!» Идеальный план.

Но он перестает быть таковым, когда я захожу в фойе здания, где живет Нолан. Эмиль до сих пор не ответил – ни на сообщения, ни на звонки. Он наверняка все еще спит. Портье окидывает взглядом мой свитер оверсайз, накинутый поверх платья в стиле бохо. Похоже, он готов вышвырнуть меня на улицу.

Я неловко улыбаюсь:

– К мистеру Сойеру.

На лице портье написано: «Знаю я вас, шахматных фанаток. Только дай мне повод – и я вызову полицию». Мне хочется провалиться сквозь землю.

– Пожалуйста?

– Согласно инструкции, я не могу впускать посетителей, о которых мне не сообщили заранее.

– Но я… – Внезапно в голову приходит неожиданная идея. Теперь мне хочется провалиться под землю еще сильнее, но поздно отступать. – Он только вернулся из России, и я хотела сделать ему сюрприз, потому что я… – Не вздумай заржать. Покажи этому хорошему портье «Шестую страницу». – Его девушка. Видите?

Все, что выкладывают в интернет, чистая правда, иначе и быть не может.

Две минуты спустя я на четвертом этаже. Похоже, Нолану нужно что-то делать с его несовершенной системой безопасности, потому что неожиданно открывается дверь.

Я планировала предъявить ему все с порога и потребовать, чтобы его – менеджер? пиарщик? массажист? – да *кто угодно* разобрался с этим цирком. Но когда я вижу перед собой Нолана с его растрепанными волосами, нездорово-бледной кожей, в белой футболке и клетчатых изрядно помятых пижамных штанах, то произношу только:

– Выглядишь ужасно.

– Мэллори? – Тыльной стороной ладони Нолан принимается тереть глаз. Голос хриплый после сна и чего-то еще. – Ты мне опять снишься?

– Нолан… ты в порядке?

– Лучше иди в кровать. Это какой-то тупой сюжет. Мне больше нравится, когда мы…

– Нолан, ты заболел?

Он моргает. Взгляд проясняется.

– Ты что, правда здесь?

– Ага. Тебе плохо?

Нолан чешет затылок и прислоняется к косяку, как будто ему трудно долго находиться в вертикальном положении.

– Толком не пойму, – бормочет он. – Вроде бы да, а вроде и нет.

Квартира представляет с собой дуплекс в три раза больше моего дома: гигантское незахламленное пространство, окна во всю стену, деревянные полы и полки с книгами. Посередине коридора брошен раскрытый чемодан. Тут же на столе стопка книг, среди которых замечаю Эмили Дикинсон, Донну Тартт и монографию о македонской фаланге. Меня окутывает глубокий, сложный аромат, который ассоциируется с Ноланом, только здесь он интенсивнее. Будто разложен по нотам.

Я следую за ним, но не знаю куда, пытаясь особенно не глазеть по сторонам и особенно не пялиться на то, как хлопковая ткань прилегает к его широким плечам. Так странно, что я вообще оказалась здесь. Любая комната, в которую входит Нолан, имеет особенную, неповторимую атмосферу, которую впитали на молекулярном уровне полы и стены.

Возможно, импровизированная поездка сюда не лучшее мое решение.

– У тебя температура? – спрашиваю я в кухне.

– Сложно сказать.

Я выгибаю бровь:

– Ты когда-нибудь слышал про такую штуку, как градусник?

– О, точно. Я забыл.

К сожалению, ответ непохож на сарказм. Я наблюдаю, как Нолан берет две кружки обычного размера, которые в его руках выглядят игрушечными (на одной написано «Маленькая сучка Эмиля»), коробку

сухого завтрака в виде колечек и наполовину пустую бутылку свернувшегося молока. Мне он предлагает другую кружку. Не ту, которая с Эмилем. И протягивает так, будто это стакан виски.

– Нолан, ты… – Я поднимаюсь на цыпочки, чтобы дотронуться до его лба. Да он весь горит! Теперь мы так близко, что я могу почувствовать, как от него пахнет сном и свежим потом. Не скажу, что мне не нравится.

– У тебя рука холодная, – говорит Нолан, блаженно прикрывая глаза.

Я пытаюсь отнять ладонь, но он ловит ее своей.

– Останься, – он прижимается сильнее, и я чувствую у себя на виске теплое дыхание, вырывающееся из его обветренных губ. – Ты никогда не остаешься.

– Нолан, ты заболел. Нам нужно что-то с этим делать.

– Точно. Да. – Нолан резко отстраняется и выпрямляется. – Завтрак. Поем и буду как новенький.

– Уверен? Тебе нужна здоровая еда, а не кружочки в виде маленьких пончиков с химическим красителем.

– Это все, что есть.

– Серьезно?

Он пожимает плечами:

– Я куда-то уезжал. В Канаду?

– Ты был в России. И у тебя в шкафу есть нормальные миски? Кто вообще ест хлопья из кружки?

– О, – Нолан кивает. Затем начинает медленно оседать, пока его лоб не касается столешницы кухонного островка. – Какие миски?

Я щипаю себя за переносицу. Я хороший человек. Например, поднимаю мусорный контейнер миссис Абебе, когда его опрокидывает ветер, улыбаюсь собачкам в парке и не смеюсь над людьми, которые говорят «ложить». Я не заслуживаю такого. И все же…

– Так, оставайся на месте. Не ешь эту дрянь. Я скоро вернусь.

Я практически тащу Нолана до дивана, ощущая жар его твердых мышц. Меньше чем через десять минут бегу вниз по лестнице, трачу ВВП маленькой европейской страны в магазинчике на углу и возвращаюсь обратно, обнаружив, что Нолан уже спит.

Я реинкарнация матери Терезы. За мои труды мне положен чертов нимб.

– Тебе нужно выпить это.

Диван у Нолана огромный и состоит из секций, но все равно слишком короткий для него. Это просто смешно.

– Это яд?

– Быстродействующее жаропонижающее.

– А чем тогда пахнет?

– Твоими подмышками.

– Нет, вкусно пахнет.

– Я готовлю.

Его глаза резко открываются.

– Ты варишь куриный бульон.

– Который ты не заслужил.

– Сама?

– Это несложно. Тот, что продается в банках, на вкус похож на свинцовую отраву и приправлен отчаянием. Кстати, с тебя сорок три доллара. Да, в счет входит сникерс, который я купила себе в качестве эмоциональной поддержки. Когда будешь переводить деньги, пожалуйста, не пиши в комментарии «На наркотики». Просто… пока поспи. Я вернусь.

Но он меня не слушает и теперь сидит за островком, с удовольствием наблюдая, как я тихо перемещаюсь по его кухне. Пространство уютное, просторное, с современным ремонтом, и я хотела бы готовить здесь каждый день. Я бы вышла за эту квартиру замуж и приютила бы стаю шарпеев, страдающих от недержания.

– Зачем ты пришла? – спрашивает Нолан минут двадцать спустя. Похоже, лекарства начали действовать.

– На сайте «Вэнити фэйр» опубликовали статью, – объясняю я рассеянно, пока нарезаю морковь. В компании Нолана, в этой теплой квартире, где повсюду его запах, за приготовлением вкусной еды сложно возмущаться. – О том, что ты проиграл Коху.

– Это была ничья. Но я проиграл Лью, который потом обыграл Облонского, и еще у меня была ничья с Антоновым, так что в итоге я занял второе место.

– Да, да, я уверена, что твой член длиннее, чем у Коха, но давай сосредоточимся на проблеме. Кох сказал в интервью «Вэнити фэйр», что мы с тобой встречаемся, а «Шестая страница» опубликовала наше

совместное фото. И теперь крошечный процент популяции Земли, который увлекается шахматами, думает, что мы в отношениях.

– А мы не в отношениях?

Я поворачиваюсь к нему, чтобы он увидел всю ярость в моих глазах.

– Ты ни с кем не встречаешься. Сам же сказал.

– Еще я сказал «до последнего времени».

Мое сердце пропускает удар.

– Почему тебя это не беспокоит? Я прощаю тебя, так как ты на пороге смерти, но мы должны внести ясность.

– Конечно. Валяй.

– В смысле? Вместе. Мы должны исправить это вместе. Давай выпустим заявление для прессы. Или купим рекламный баннер на самолете, чтобы все узнали правду. Хоть *что-нибудь*.

– Я не буду всем этим заниматься. Но ты можешь, если хочешь.

Я мрачнею еще сильнее:

– В смысле не будешь? Мои друзья и сестра прочитают статью и поверят во всю эту белиберду.

– Я с радостью объясню все твоим друзьям, или позвоню им по фейстайму, или куплю для них воздушную рекламу, чтобы все объяснить. Но рассказывать журналистам о своей личной жизни не собираюсь.

– Почему?

– Мэл, я понимаю, ты расстроена. Но со мной такое не впервые. С прессой бесполезно спорить, даже когда они неправы. Все, что ты можешь сделать, – это игнорировать их. Первое правило шахматного клуба: никогда не гугли себя.

Я накрываю кастрюлю крышкой и, скрестив руки, облокачиваюсь о стол.

– А я думала, что первое правило шахматного клуба гласит, что белые ходят первыми. Понимаю, слух о сестрах Бодлер больно по тебе ударил, но…

– Я имел в виду то дерьмо, которое они печатали о моем дедушке, – Нолан смотрит на меня ничего не выражающим взглядом. – А что за слух о сестрах Бодлер?

Смущенная, отвожу взгляд, ведь я знаю про эти сплетни, а он нет. Может сложиться впечатление, что меня волнует его жизнь.

– Просто… говорят, ты встречался с кем-то из Бодлер.

– Оу, точно. Там две сестры, да? Эмиль мне рассказал.

– Так это правда?

Нолан вздергивает брови:

– Ты знаешь, что нет.

Точно. Знаю.

– Тогда откуда взялись эти слухи?

– Одна из сестер была на какой-то вечеринке, куда меня заставил пойти менеджер. Это было в то время, когда я еще к ней прислушивался. Наверное, тогда я и понял, что с меня хватит.

Подаюсь вперед, опираясь на локти, ненавидя себя за то, что хочу услышать продолжение.

– Которая из сестер?

– У нее имя вроде начиналось с Дж.

Я вздыхаю. У обеих имена начинаются с Дж.

– И что случилось? Вы разговаривали, и ты не собирался… ну, понимаешь.

– А ты бы с ней замутила?

– Если бы была на той вечеринке? О да.

Нолан склоняет голову набок:

– И зачем?

– Что ты имеешь в виду?

– Что ты бы от этого получила?

Я пожимаю плечами:

– Мне нравится секс. Он заставляет испытывать приятные – порой даже очень приятные – ощущения. Особенно если ты в настроении, а твой партнер – интересный или привлекательный человек. Мне нечего стыдиться.

– Ты и не должна, – говорит Нолан, хотя по его тону я понимаю, что он сам до конца не осознаёт, что*о* я имею в виду. Секс и влечение – это то, что он пока не распробовал. – Как насчет эмоциональной близости? Или духовной связи?

– Я это не отрицаю. Уверена, для разных людей секс подразумевает разные вещи, и уважаю выбор каждого. – Я отмахиваюсь от воспоминаний о прошлой ночи, когда общалась с Алексом. – Но привязанность – это не про меня. Сближаться с кем-то всегда риск.

– Риск? Почему?

Я пожимаю плечами, понимая, что пока не готова объяснить.

– Мне все это не нужно. Я и так слишком занята.

Нолан кивает с понимающим видом:

– Ты заботишься о своей семье.

Я выгибаю бровь:

– Разве мы не обсуждали твою интрижку с одной из сестер Бодлер?

– Я толком не помню, что тогда случилось. Мы… Подожди.

– Что? – Я наклоняюсь ближе, чувствуя, что глаза вот-вот вылезут из орбит.

– Там был Каспаров◊.

– Бывший чемпион мира?

– Да. Предлагал сыграть со мной.

– И?

– Что «и»? Мы сыграли.

– Давай кое-что проясним. Ты выбрал шахматы со стариком вместо секса?

Нолан смотрит на меня, как монашка из отдаленного монастыря, которой я пытаюсь объяснить, что такое биткоин.

– Ты меня вообще слушала? Это был Каспаров◊.

У меня вырывается смешок. Затем еще один. Я прижимаю ладони ко лбу и не могу перестать смеяться, думая о том, что, когда Нолан не ведет себя как полный мудак, он довольно милый. Когда я вновь смотрю на него, он пальцами перебирает прядь моих волос, будто это дорогой шелк. Его взгляд все еще немного стеклянный, так что я не возражаю.

– Надеюсь, это хотя бы была игра всей твоей жизни? – спрашиваю я.

Нолан смотрит мне в глаза:

– Нет. Не была.

– Тогда на что это было похоже?

Мы никак не можем разорвать зрительный контакт. Я чувствую, что мой позвоночник вибрирует, и черт знает почему. Раздается сигнал кухонного таймера, и мы оба отводим взгляд.

Я наливаю суп в чашку с надписью про Эмиля, потому что считаю, что заслужила лицезреть эту дивную картину.

– Вкусно, – с удивлением сообщает Нолан после первой ложки, что меня даже немного оскорбляет. – Не сравнится с мясным рулетом

твоей мамы, но…

Я щипаю его за предплечье, но с тем же успехом могла бы ущипнуть статую. Он криво ухмыляется. И с легкостью съедает четыре порции, пока я грызу свой сникерс, притворяясь, что ни капельки не польщена. Мой уровень адреналина снижается, и я вспоминаю, что дала своему бренному телу меньше пяти часов сна и никакого кофеина.

– Ты готовишь? – рассеянно спрашиваю я.

– Редко. И не то чтобы хорошо.

– Но у тебя офигенная кухня, – я качаю головой. – Призовые деньги в шахматных турнирах – это что-то с чем-то.

– Так и есть. Правда, у меня был приличный трастовый фонд. Сама решай, какой из вариантов более приемлемый.

– Хорошо иметь таких родителей.

– Дедушку, – поправляет меня Нолан. – Раньше это была его квартира.

– Оу, – я прикусываю нижнюю губу, раздумывая над следующим вопросом. – Разве твой дедушка не…

– Ага. Играл в шахматы, сошел с ума и едва не убил меня, когда мне было тринадцать, – он не улыбается, однако в тоне меньше горечи, чем я ожидала.

Я все равно морщусь:

– Не лучший способ говорить о чужом психическом здоровье.

– Согласен. Дедушка страдал от поведенческого варианта лобно-височной деменции. Так понятнее?

Не отвечаю, и Нолан добавляет:

– Ты знала, что есть тип лобно-височной деменции, который передается по наследству?

Открываю рот и тут же закрываю. У меня такое чувство, что всему виной не только высокая температура, так что мне надо быть осторожной.

Нолану Сойеру нужна поддержка. Звучит странно, но все же.

– Боишься, что это случится с тобой?

Из Нолана вырывается невеселый смешок.

– Знаешь, что забавно? Раньше я боялся до усрачки, но теперь уверен, что меня это не коснется. Потому что как только я эмансипировался, то сразу сделал генетический тест. Вот только,

насколько мне известно, мой отец тестирование не проходил. В какой-то момент я перестал отвечать на его звонки, но раньше он каждый день – каждый божий день – твердил мне, что если продолжу играть в шахматы, то закончу как дед. Будто все беды у него действительно были из-за шахмат.

– Звучит… глупо.

– Ну да. Глупые люди обычно говорят глупые вещи.

Нолан больше не смотрит мне в глаза, а прожигает взглядом пустую кружку. Его локти лежат на мраморной столешнице, и мне хочется наклониться ближе. Кажется, ему больно, поэтому я не рискну прикоснуться к нему, но рада, что сейчас здесь. С ним.

Я так делаю, когда расстроена Истон. И Дарси. И Сабрина, если она мне позволяет. Придвигаюсь ближе, чем обычно. Дышу одним воздухом. Позволяю нашим запахам смешаться в один. Я делаю это для своих сестер и подруги, а теперь для этого глупого чемпиона-переростка, которого пытаюсь поставить на ноги.

Мы оба очень странные.

– Эта квартира, которую он тебе оставил… слишком большая для одного человека, – бормочу я.

– Хочешь ко мне переехать? – его тон становится таким же искренним, как и мой.

– Конечно. Я продам свою поджелудочную железу. Думаю, на первые три месяца аренды хватит.

– Тебе не нужно ничего платить. Просто выбери комнату.

– И ты будешь принимать плату в виде компании? Я буду спасать тебя от ужина в одиночестве за этим пятнадцатиметровым столом, освещенным канделябрами, в стиле Брюса Уэйна?

– Обычно я ужинаю вон за той шахматной доской.

– Удивлена, что ты вообще ужинаешь. Думала, питаешься исключительно слезами своих врагов.

Нолан улыбается и… боже.

Он оскорбительно, уникально, убийственно красив.

Я делаю шаг назад, беру свою сумочку, выбрасываю упаковку из-под сникерса.

– Остатки супа – в холодильнике. Через пять часов снова прими жаропонижающее. И попроси кого-нибудь прийти. Потому что если ты

скончаешься, об этом должны узнать прежде, чем крысы начнут пожирать твои внутренности.

– Но ты здесь.

– Я *была* здесь. А теперь ухожу.

Нолан заметно сдувается, и во мне просыпается что-то типа сострадания.

– Где Эмиль? – спрашиваю я.

– Я не собираюсь звонить Эмилю, потому что у меня насморк. Он готовится к экзаменам и по три часа в день тоскует по Тану.

– Тогда позови кого-нибудь другого.

Нолан качает головой:

– Со мной все будет в порядке.

– Не будет. Когда я пришла сюда, ты был наполовину мертв.

– Тогда останься.

– Я уже опаздываю в «Цугцванг». Я…

Он смотрит на меня своими темными, ясными глазами, и я не могу просто так уйти. Не могу оставить его. Что, если он умрет от обезвоживания? Получается, это будет моя вина. Мне бы не хотелось, чтобы призрак Нолана преследовал несколько поколений женщин семейства Гринлиф. Я прослежу, чтобы придурок остался жив.

– Наша работа состоит в том, чтобы играть в шахматы, так что мы можем сыграть партию, – говорит он, пока я пишу Дефне сообщение, что у меня ЧП. – Мы должны быть продуктивными членами капиталистического общества.

– Хорошая попытка.

– Она сработала?

– Нет. Нолан, ты все еще выглядишь как зомби. Иди поспи, а я потрачу свой день на просмотр ключей к «Дрэгон эйдж» через твой вайфай.

– Дрэгон *что?*

Так я оказываюсь у Нолана на кожаном диване и рассказываю ему про эльфов, яйцеголовых и конец света. Поставленное фоном видео и присутствие Нолана успокаивают.

– Это мне нравится больше, чем сериал про Джагхеда, – говорит Нолан через десять минут.

Я зеваю, довольная услышанным.

А затем, десять минут спустя, проваливаюсь в сон.

Послеполуденное солнце слепит глаза, но мне все равно. Удается игнорировать яркий свет, потому что я завернута в самое кайфовое одеяло на свете. Идеально, пять с плюсом, двенадцать из десяти, пять звездочек на «Амазоне». Под ним тепло, и моя спина прижимается к спинке дивана, такой твердой и тяжелой – идеальное сочетание жесткого и мягкого. В основном жесткого, но в хорошем смысле. Чья-то нога приятно зажата между моих, а рука обнимает меня в области ребер. Я практически не могу двигаться, но не возражаю, потому что чувствую себя в безопасности. Совсем как король в хорошей игре.

Я никогда отсюда не уйду. Теперь я живу здесь, в этом раю. Открываю глаза, чтобы изучить свои новые владения и…

Нолан прямо передо мной. Смотрит на меня. И что-то говорит мне, из-за чего я, по идее, должна паниковать. Но я способна сказать только:

– Эй.

– Эй, – отвечает он где-то около моих губ.

Нолан пахнет чем-то невыразимо мужским – запах насыщенный и приятный.

– Эй, – говорю я снова, и мы оба улыбаемся. Воздух между нами сладкий на вкус. Внезапно глаза Нолана, его нос, губы становятся еще ближе и…

Что-то начинает вибрировать. Меня резко выбрасывает обратно в реальность. Я высвобождаюсь из хватки, чтобы сесть.

– Игнорируй, – приказывает Нолан, но я игнорирую его самого.

Что это было? О боже. Я никогда ни с кем вот так не спала. *Никогда.* Не так. Не… что вообще происходит?

А вибрация все не прекращается.

– Думаю, это мой телефон…

Ага, вот он. Куда нажимать? Красненькая кнопочка? Нет, точно, зеленая.

– Слушаю.

– Мэл? Все в порядке? – Дефне.

– Да. Прости, что не смогла прийти. Я…

– Ты уже видела?

Черт. Статья.

– Я… Не волнуйся насчет этого. Это неправда – я не сплю с Ноланом.

Нолан вскидывает брови. Он все еще держит меня за талию, и мне просто хочется умереть.

– Я хочу сказать, не в том смысле…

– Я не про Нолана.

– Оу. – Фух. – А про что тогда?

– Турнир претендентов, Мэл. Ты получила приглашение.

Глава 16

– ...Шахматные скандалы обычно не вызывают ничего, кроме зевоты, но сегодня мы поговорим о чем-то по-настоящему интересном. Не мог бы ты рассказать нашим зрителям главные новости о борьбе за мировое первенство?

– Вот какое дело, Марк, девять из десяти шахматистов отбираются на Турнир претендентов согласно рейтингу или через квалификационные турниры. Но десятого – темную лошадку – выбирает ФИДЕ. Обычно место достается шахматисту из топ-десять, который не попал на Турнир претендентов по какой-то причине. В этом году все думали, что это будет Антонов. Или Земэйтис. Или Панья, хотя в феврале, в самый разгар чемпионата, у него должен родиться ребенок, поэтому он бы сам, скорее всего, отказался. Вместо этого на прошлой неделе комитет выбрал неопытного игрока с низким рейтингом. Надо отметить, Гринлиф – талантливая шахматистка с большим будущим. Но она играет профессионально только несколько месяцев и пока не выиграла никаких значимых соревнований. Она однозначно проявила себя на Олимпиаде, но выбрать ее для Турнира претендентов – все равно что пригласить третьеклашку в футбольную лигу. Турнир состоится после Дня благодарения в Лас-Вегасе; и многие сомневаются, что она сможет на равных соревноваться с игроками другого уровня.

– Поговаривают, ее выбрали, потому что она женщина.

– Действительно, ходят разговоры, что профессиональные шахматы мало представлены женским полом, и приглашение Гринлиф может быть связано с этой проблемой. Но в мире множество женщин с более высокими рейтингами и серьезным опытом. Так что разговоры, скорее, идут не о том, что Гринлиф женщина, а том, чья именно она женщина.

– Вот это уже интересно!

– Ага. Нолан Сойер… Вы же знаете Сойера, верно?

– Конечно.

– Он принадлежит к шахматной элите, настоящая рок-звезда этого спорта. Его влияние простирается настолько далеко, что я бы не удивился, если бы оказалось, что именно он надавил на ФИДЕ, чтобы его девушку пригласили на Турнир претендентов. Все мы видели фотографию, на которой они с Гринлиф запечатлены в довольно интимной позе.

– Понимаю, о чем вы.

– Еще бы! Так что людям любопытно…

– Прекрати пытать себя, Мэл.

Я отрываюсь от экрана своего макбука и обнаруживаю Дефне, стоящую в дверях. Серебряное колечко в носу поблескивает, в глазах – беспокойство.

– Но если решишь продолжить пытку, не могла бы ты использовать наушники? – Оз сердито зыркает на меня со своего рабочего места. – Не все из нас гении, которых ошибочно приняли за любовницу Сойера. Нам приходится реально тренироваться.

– Просто… – я массирую виски. – Почему в «Сегодня» вообще обсуждают шахматы? Разве они не должны рассказывать о более серьезных вещах? Про гидроразрыв, устойчивое терраформирование Марса или книжный клуб Малалы?

Оз моргает:

– Ты вообще когда-нибудь смотрела кабельное телевидение?

Я издаю стон и врезаюсь лбом в стол.

Знаю, мое нытье больше в стиле Сабрины, но я заслужила право немного пострадать, потому что ноябрь выдался отстойный: каждый в шахматном мире думает, что я фанатка Нолана и меня пропихнули, потому что я с ним сплю. Истон слишком сильно нравится в Колорадо, так что домой на День благодарения она не собирается – страшное

многоточие в конце незавершенного предложения, которым сейчас является наша дружба. Еще мне написал бывший одноклассник из средней школы: «Правда ли, что ты теперь профессионально играешь в софтбол и беременна тройняшками от модели нижнего белья?» Понятное дело, слухи извратили все донельзя, но факт остается фактом: мое имя полощут все кому не лень; и, возможно, недалек тот день, когда мама или Сабрина узнают о моей тайной работе.

Так что да. Я теперь профессиональный нытик в вечно плохом настроении и в любой момент готова отчебучить что-нибудь эдакое.

– Мне надо было отказаться, – бормочу я в деревянный стол.

– Приз – сто тысяч долларов, – напоминает мне Оз недовольным тоном. – Даже с учетом налога чистая выручка позволит тебе наконец закрыть ипотеку, из-за которой ты страдала всю прошлую неделю. Я не просто так подсчитывал все для тебя на калькуляторе, чтобы ты сейчас дала заднюю.

– Просто это все… унизительно. Люди на национальном телевидении обсуждают, что я слишком слаба, чтобы пережить эту зиму.

– А еще люди на национальном телевидении утверждали, что лесные пожары в Калифорнии начались из-за космических лазеров, – Оз закатывает глаза. – Послушай, я не то чтобы не хочу тебя поддержать, но, как уже говорил, скорее позволю проткнуть себя вилами во время уборки свеклы, чем стану разгребать пену человеческих эмоций.

– Оз, – прерывает его Дефне, – не мог бы ты оставить нас на пару минут?

– Что?

– Нам с Мэллори нужно поговорить. О пене и тому подобном.

– Но здесь все мои вещи. Что я буду без них делать?

– Не знаю, иди собирай свеклу. Или найди вилы. Возвращайся через полчаса. Давай, топ-топ.

Дефне – мой босс, но раньше она не вела себя так, как сейчас. Она обходит меня с серьезным видом и резко опускается на стол, словно облако из счастливо звенящих сережек, запахов цитруса и табака. Она смотрит на меня, будто нам предстоит важный разговор, а я думаю о том, что вишенкой на торте моих дерьмовых дней станет увольнение.

Настоящий отстой.

– Я знаю, что постоянно ною, но обещаю…

– Они правы, Мэл.

– Кто?

– Шахматная федерация выбрала тебя, потому что ты девушка. – Дефне делает паузу, позволяя мне переварить услышанное. – И конечно, слухи о том, что Нолан замолвил за тебя словечко, – это полная брехня. У него не так много влияния на ФИДЕ, как может показаться со стороны, и уж точно решение было принято до того, как слили ваше фото. Не знаю, что между вами происходит…

– Ничего!

Это отчасти правда. Мы с Сойером не виделись уже три недели с тех пор, как я как ошпаренная выбежала из его квартиры. Но он где-то достал мой номер (предполагаю, ему дал Эмиль) и написал мне. Изначально это было что-то вроде «Снова убегаешь?», и «Мэллори. Ты в порядке?», и «Я просто хочу поговорить». Спустя несколько дней за поливом принадлежащих Дарси ростков чиа в фигурном горшке я получила совсем другое сообщение. «Кормензана всегда дебютирует испанской партией». За ним последовали похожие – иногда с незначительными советами («Котов против Пахмана, 1950-й»), а иногда с внушительными по своему содержанию («Пей достаточно воды»).

Я не отвечала. Ни разу. Потому что…

Потому что не хочу. Потому что мы не друзья.

Потому что я проснулась на его диване и моей первой мыслью было прижаться к нему. Страшная история из пятнадцати слов.

Я не отвечаю, но читаю. И между приступами нытья делаю то, что он советует, потому что его рекомендации всегда раздражающе хороши. Я внушаю себе, что Нолан помогает мне, потому что ненавидит Коха, но даже не пытаюсь в это верить.

Не то чтобы у меня есть шанс на победу в Турнире претендентов. В конце концов, меня выбрали только потому…

– Давай еще раз. Федерация выбрала меня, потому что я девушка?

Дефне кивает. Затем добавляет:

– Не только. Но в основном поэтому.

– Почему? В шахматах полно женщин.

– Что ты знаешь о женщинах в шахматах?

– Не то чтобы много. – Я вспоминаю насмешку Коха в Филадельфии: «Мне больше нравится, когда женщины знают свое место и участвуют только в женских турнирах». – Что есть отдельные турниры, где соревнуются одни женщины.

– Более того, есть отдельные лиги, отдельные рейтинги. Это неоднозначная тема: кто-то утверждает, что такие лиги не должны существовать в принципе, потому что только подчеркивают, что женщины не могут быть с мужчинами на одном уровне. Другие возражают, что хотят хоть где-то не испытывать давления.

– А что ты думаешь?

Дефне вздыхает:

– Думаю, обе позиции заведомо проигрышные. Это одна из причин, почему я перестала играть в соревновательные шахматы и предпочла сконцентрироваться на… другой стороне игры, которая не вызывала у меня желания изрешетить пуховую подушку столовым ножом. Знала бы ты, *сколько* стоит новая.

Мне знаком как явный, так и скрытый сексизм – в конце концов, я работала на Боба. К тому же придурки – константа моей жизни.

Хотя нет. Сейчас не совсем так.

– Мне казалось, в моем детстве все было по-другому, – говорю я Дефне. – Может, потому, что у меня не было рейтинга или отец огораживал меня от всего этого. Не помню, чтобы мужчины считали шахматы исключительно своей игрой.

Она кивает:

– Когда ты была маленькой, шахматы волновали всех больше, чем пол игроков, верно?

– Да.

– Думаю, ты пропустила все самое интересное. Когда дети вырастают, они начинают искать кумиров, и оказывается, что их любимый Каспаров◊ однажды сказал, что ни одна женщина не выдержит длительной битвы[44].

Я напрягаюсь.

– Серьезно?

– Однажды после турнира мы с другими игроками пошли ужинать. Кто-то включил старое интервью Фишера, где он говорит, что женщины по своей природе глупые и плохо играют в шахматы. Все думали, это уморительно, – Дефне с непривычно подавленным видом

смотрит на свои туфли. – Мне было семнадцать, у меня уже был статус гроссмейстера. И я была единственной женщиной за тем столом.

– Я… Да пошло оно все, Дефне, – яростно вскакиваю с места. Тогда она была моложе меня. Один на один с мудаками. – Фишер, кстати, был антисемитом. Это не значит, что…

– Меня задел не Фишер, а парни моего возраста, которые думали, что футболка с надписью «Шахматист женского рода – это оксюморон» – отличная шутка. Меня задело, что ФИДЕ ничего с этим не сделала. И вот она я, все чаще проигрываю на турнирах уродам, которые шутят, что женский мозг слишком маленький, чтобы понять, как обезопасить короля. И я начинаю думать: вдруг они правы? Женщины-гроссмейстеры составляют сколько? Один процент? Это ничто. Может, мы действительно хуже. Может, нам и правда нужна отдельная лига.

– Ты… – я моргаю, ощущая себя преданной. – Ты правда так думаешь?

– Думала. Какое-то время. И чем больше так думала, тем больше проигрывала. Потом взяла перерыв. Пошла учиться, получила MBA – кстати, ты знала, что у меня есть степень? Теперь, когда ты знаешь, никому не говори: это мой самый ужасный секрет. В любом случае я думала, что шахматы для меня закрыты. Затем наткнулась на одно исследование.

Европейские ученые отобрали женщин и посадили их играть в онлайн-шахматы против мужчин схожего рейтинга. Когда женщины не знали пол соперника, то выигрывали половину партий. Когда им намекали, что по ту сторону экрана тоже женщины, они выигрывали половину партий. Но когда им сказали, что они играют против мужчин, цифры существенно изменились. Хотя на самом деле их оппонентами всегда были мужчины, – Дефне пожимает плечами. Ее сережки уныло позвякивают. – Если ты женщина, система тянет тебя на дно. Заставляет сомневаться в себе и бросать шахматы, ведь всегда есть те, кто талантливее. Оз, Эмиль, Нолан… даже хорошие парни не понимают нас. Не знают, каково это, когда тебе говорят, что ты с генетической точки зрения – второй сорт, – внезапно на лице Дефне появляется озорная улыбка. – Но это неправда. И как только ты это понимаешь, у тебя никто не может это забрать. На следующий день после того, как прочитала об этом исследовании, я пошла и сделала

вот это. – Она снимает кардиган, чтобы продемонстрировать татуировку с шахматной доской на своем предплечье.

– Что это?

– Москва, 2002 год. Финальная расстановка в партии, где Юдит Полгар обыграла Гарри Каспарова◊. Она сделала это, несмотря на то что однажды он высказался о ней как об обладательнице «несовершенной женской психики».

Я смеюсь. И не прекращаю смеяться еще целую минуту.

– Это… Это *потрясающе*.

– Знаю, – Дефне тоже смеется. Затем выражение ее лица меняется на серьезное, и она берет меня за руку. – Мэллори, я выросла в этом мире, и я знаю, о чем думают эти придурки. Но все меняется. Старые пердуны из ФИДЕ начали понимать, что не могут заставить женщин перестать играть в шахматы. Они увидели тебя и подумали, что это их шанс. Ты была аутсайдером, который проявил себя на больших соревнованиях. Другие женщины годами были у них перед глазами, а твое приглашение они могут аргументировать тем, что ты новичок с низким рейтингом, но серьезным потенциалом. Они хотят использовать тебя для жеста доброй воли, но я-то их знаю. Знаю, что в реальности они в тебя не верят. Думают, любая твоя победа будет случайностью, а первое место тебе и вовсе не светит.

Что-то сжимается внутри меня. Разве это не то самое, в чем я неделями пыталась убедить себя? Что это не мой уровень. Что я не готова. Что я недостаточно хороша. «Я проиграю» – было моей установкой по умолчанию. Потому что… Мне не хватает опыта. Потому что я не хочу этого и не заслуживаю. Потому что я женщина?

«Ты в курсе, насколько невероятная?» – спросил меня Нолан в Торонто. Я тогда ответила утвердительно, но глубоко внутри знала, что во мне нет ничего особенного. А как на самом деле?

Я смотрю Дефне в глаза. Она всегда поддерживала меня. Всегда была со мной откровенной. Никакого фальшивого позитива.

– Ты думаешь, я могу выиграть Турнир претендентов? – спрашиваю я и замираю в ожидании ответа.

Она берет меня за вторую руку, и я чувствую, что она по-настоящему в меня верит. Что она рядом. Что теперь я сильнее.

– Мэллори. Я думаю, что ты можешь выиграть матч на первенство мира.

Глава 17

Из аэропорта Лас-Вегаса нас забирает седан и отвозит в Вестгейт. В лифте по-деловому одетый представитель ФИДЕ рассказывает мне о зале для пресс-конференций, ВИП-ложе и ежедневной компенсации за еду, сумма которой может конкурировать с ежемесячным бюджетом семейства Гринлиф. На подушке меня ждет черное письмо с выпуклым логотипом – приглашение на церемонию открытия, которую посетит мэр Невады. Еще там будет посол Азербайджана – ему предоставлена честь разрезать ленточку.

Вот такие серьезные соревнования. Настолько серьезные, что я задаюсь вопросом, не встречу ли здесь текущего чемпиона. Затем сразу даю себе мысленную пощечину за то, что опять думаю о нем.

Ведь ничего, кроме проблем, мне это никогда не приносило.

– Ты уверена, что там нет дресс-кода? – спрашиваю Дефне через балконную перегородку соседнего номера.

Как бы мне хотелось, чтобы Дарси и Сабрина были здесь, со мной. Мама бы тоже с удовольствием посмеялась над нелепой экстравагантностью этого турнира. Но они дома, и мне снова пришлось солгать («Еду навестить Истон в Бодлер»). Мама рада, что я увижусь с подругой. Сабрина ненавидит меня за то, что я «сконцентрирована на себе больше, чем мишень для дартса». Дарси же гуглит каждый мой шаг с таким рвением, что акции Кремниевой долины, наверное, выросли пунктов на двести.

А я здесь одна. Ну, почти одна.

– Никакого дресс-кода, – убеждает меня Дефне. – Хотя там, скорее всего, будет парад из рубашек и кардиганов. И все серые.

– Может, мне купить черную юбку-карандаш?

– Если хочешь. Но я расстроюсь, если не увижу тебя на сцене в ярком кроп-топе.

Я ухмыляюсь, ощутив внезапный прилив благодарности.

– Тебе повезло: они у меня с собой.

Для церемонии я надеваю платье-футляр, которое Истон купила мне в секонд-хенде за семь долларов. Моя жизнь – дерьмовый макмаффин, и я оставила всякие попытки его съесть. Именно поэтому даже не удивляюсь, что первый, кого я встречаю, – это Кох.

– Ну, ну, ну, – говорит он, напоминая плохо прописанного злодея из вселенной Остина Пауэрса. – Только взгляните, какую бедняжку привели сюда член Сойера и жалость ФИДЕ.

– Наверное, дорог*о*й, Мальте? – спрашиваю я, беря с подноса клубнику в шоколаде.

– «Дорогой» что?

– Поношенный костюм из сексизма, который ты все никак не снимешь.

Кох прищуривается и подходит ближе.

– Тебе здесь не место, Гринлиф. Ты единственный игрок, который не заслужил свое место в Турнире претендентов. Ты *никто*.

Я хочу толкнуть его. Ударить. Хочу запихнуть клубничину ему в нос. Но в зале полно журналистов. Я замечаю представителей Пи-би-эс и кучу микрофонов с логотипами кабельных каналов. Из этого турнира chessworld.com выжмет все до последней капли, включая прямой эфир, транслирующий, как участники выщипывают брови. Здесь ни у кого нет права на ошибку.

Так что я мило улыбаюсь в ответ:

– И все же, когда ты в последний раз играл с этой никем, эта никто выиграла. Пища для размышлений, а?

Я отворачиваюсь, чтобы найти что-нибудь безалкогольное, и представляю, как у Коха глаза на лоб полезли от моих слов. Не могу найти ни Дефне, ни кого-то еще, кого бы я знала, но совсем скоро мы перезнакомимся с остальными игроками, ведь каждый день проходит по партии. Играет быстрая фортепианная мелодия, и я перемещаюсь

к столу, предвкушая, как набью живот. Вдруг кто-то обнимает меня со спины:

– Приве-е-ет!

– Тану!

– Вот это платье! – заявляет она, рассматривая вышивку на ткани. Ярко-зеленую. – Папочка одобряет.

– Тану, мы это уже обсуждали, – следом появляется Эмиль и наклоняется, чтобы обнять меня. – И как после такого брать ее с собой, Гринлиф? Даже не знаю, откуда у меня столько терпения.

– Ребята, что вы здесь делаете? Разве вы не должны быть на учебе?

– Да пошла она, – Тану машет рукой. – Мы отказываемся жить по правилам и не связаны обязательствами современного общества.

– Зимние каникулы, – объясняет Эмиль.

– Ясно.

– Мы будем заниматься, пока Нолан готовится к матчу на первенство мира.

– Оу. Нолан здесь?

– Мэл, мы тоже с радостью тебе поможем, – говорит Тану. На мой вопрос она не отвечает.

– Поможете в чем?

– Большинство игроков берет на Турнир претендентов секундантов. С тобой только Дефне, верно?

Секунданты – это ассистирующие игроки, которые помогают тренироваться, воспроизводить и анализировать старые партии, придумывать новые атакующие и защитные стратегии.

– Дефне, да. И…

И Нолан. Его сообщения. Он как будто отвечает на мои вопросы раньше, чем я успеваю их задать. Вряд ли я когда-нибудь это признаю.

– И еще Оз Нотомб предложил обсудить с ним стратегию, – заканчиваю я.

– Тогда позволь нам тоже помочь. Можем встречаться по утрам. Разбирать слабые и сильные стороны твоего оппонента. Обсуждать дебюты. Мэл, ты талантливая, но помощь еще никому не помешала.

– Это Нолан вас попросил?

Тану и Эмиль обмениваются короткими взглядами.

– Послушай, – произносит Эмиль, – не только Нолан, но и мы желаем тебе победы. – Внезапно тон его голоса меняется

на капризный, как у ребенка: – Неужели путин, который мы разделили в Торонто, ничего для тебя не значит?

Вот так в семь часов утра я вместе с Дефне оказываюсь в кафе. Тану и Эмиль уже там и едят один французский тост с заварным кремом на двоих. Если Дефне вдруг потребуется инструкция… но нет, все в порядке. Она крепко их обнимает и интересуется, как Тану в Стэнфорде, когда она успела остричь челку и как там ее котик. Я начинаю думать о том, чтобы нарисовать себе схему, откуда все здесь друг друга знают, как вдруг Эмиль достает шахматную доску и заявляет с жесткостью тренера из Национальной футбольной лиги:

– Фэгард-Ворк. Датчанин. Тридцать шесть. Прекрасный позиционный игрок, хотя его золотые годы уже позади. Любит начинать с d4 и c4.

– Но иногда делает странные штуки с королевой типа e4, c5, королева на h5. Ты должна это видеть, Мэл. Это бомба.

Это и правда бомба. Три часа спустя, когда он выделывает странные штуки с королевой в реальной жизни, я знаю, что именно нужно предпринять: кинуть бомбу еще сильнее.

Мое имя вместе с американским флагом не только рядом с шахматной доской, но и вообще повсюду. Это не просто распечатки на скотче – надпись выгравирована на самом столе, на специальных панелях, на стуле, будто у кого-то из организаторов скидочная карта в «Кинко»[45]. На панели пять столов, а в аудитории сидит пять сотен безмолвных зрителей. Кругом развешаны экраны с прямой трансляцией, и в моменты бездействия игроков по ним пробегает зловещего вида текст:

Десять игроков
Девять дней
Сорок пять партий
Один победитель
Зум зум зу-у-ум

Повсюду журналисты, но каждый держит уважительную дистанцию, ведь шахматистов нельзя отвлекать от игры. Я бросаю взгляд на монитор как раз в тот момент, когда Фэгард-Ворк изучает моего коня. Все игроки выглядят одинаково: маленькие солдатики в одежде нейтральных цветов сверлят взглядом не менее нейтрального

цвета шахматные доски. Кроме игрока за четвертым столом: я как будто больной палец на здоровой руке со своими пепельно-белыми волосами и бирюзовым свитером.

Улыбаюсь, закрываю глаза и побеждаю, даже ни разу не подвергнувшись серьезной опасности. Потребовалось всего восемнадцать ходов.

– Она была на тысячу миль впереди меня, – комментирует Фэгард-Ворк на пресс-конференции после игры.

Мое первое интервью. Я пыталась смыться, но один из организаторов показал свой шикарный бейдж и сказал: «Это обязательно».

– Когда она пожертвовала конем… – Фэгард-Ворк трясет головой, глядя на экран, где заново крутят партию. Я замечаю, что у меня странно торчит прядь. – Она была на тысячу миль впереди меня, – повторяет он.

– Это была непростая игра, – вру я ведущему.

Не могу полностью расслабиться, пока не оказываюсь одна в лифте, вдали от камер. Современные шахматные компьютеры настолько мощные – могут определить верный ход за долю секунды, – что гаджеты и даже часы – черт возьми, и бальзам для губ! – запрещены во время соревнований, чтобы исключить жульничество. А это значит, что мой телефон сейчас заряжается на тумбочке у кровати и разрывается от сообщений. Когда оказываюсь в номере, первым делом читаю сообщение Дарси.

ДАРСИПОПА. Как ты умудрилась сделать так, что твои волосы прямые, как макаронины, кроме одного-единственного завитка?

Я смеюсь.

Осталось восемь партий.

Я выигрываю следующую партию (Кавамура, США, номер 8) благодаря незащищенной последней горизонтали, а затем еще одну (Дэвис, Великобритания, номер 13), хотя на нее уходит целых пять часов.

К концу третьего дня в общем зачете я занимаю первое место вместе с Кохом и Сабиром. Все остальные либо по разу проиграли, либо согласились на ничью. Журналисты, похоже, решили, что пора перестать уважать мои границы, и начали кружить по зоне отдыха, где я сижу с Дефне и ем фисташковые «Орео».

Даже отсюда видно, что у них чешутся руки заполучить эксклюзив.

– Может, тебе стоит дать им интервью, прежде чем они прижмут тебя в кафе с Тамилем, – размышляет Дефне.

– Тамилем?

– Тану и Эмилем. Я их так шипперю. В любом случае другие игроки вовсю раздают интервью. Тебе нужно последовать их примеру.

– Я участвую в пресс-конференции в конце дня.

– Ты не понимаешь. Им плевать на то, как ты играешь, – они хотят узнать о *тебе*.

Так я оказываюсь с микрофоном Си-эн-эн в дюйме от своего рта. От него пахнет жженым пластиком и одеколоном. Хотя, возможно, это от журналиста.

– Ну и каково это, быть темной лошадкой Турнира претендентов?

Напомните-ка, что такое «темная лошадка»?

– Ощущения… потрясающие.

– Вас не смущает, что вы здесь единственная девушка?

– Смущает, что в шахматах вообще мало женщин. В остальном нет.

– Вы дочь гроссмейстера. Что бы сказал ваш отец, если был бы здесь?

Срочные новости прямо в номер: я официально ненавижу давать интервью.

– Не знаю, его здесь нет.

Лучше бы Дарси этого не видеть.

– Что насчет Нолана Сойера? Как бы он отнесся к вашей победе в Турнире претендентов с учетом статуса ваших отношений?

Нет никаких отношений.

– Хороший вопрос. Спросите его самого.

– Многие люди думают, что в финал выйдете вы с Кохом. Ваше мнение на этот счет?

Не уверена, почему именно в этот момент смотрю в камеру. Не знаю, зачем пододвигаюсь ближе к микрофону, от которого и правда отвратительно пахнет.

– Я не боюсь Коха. В конце концов, однажды я его уже победила.

– Думаю, нам стоит потренировать тебя в плане интервью, – говорит мне Дефне на следующее утро в кафе с Тамилем (кажется, мне начинает нравиться это прозвище).

Ребята принесли список дебютов и расстановок, которые хотят мне показать. На листке различимы три разных почерка, но я предпочитаю делать вид, что ничего не замечаю. Их аналитика – на высоте, можно сказать, гениальна, чего я, признаться, не ожидала от двух талантливых игроков, которые все же никогда не попадали в десятку. Но я снова делаю вид, что ничего не замечаю.

Моя первая ничья происходит на четвертый день, в партии против Петека (Венгрия, номер 4). Его игра представляет собой мешанину варианта Найдорфа, что ожидаемо, потому что я изучила все его наискучнейшие предыдущие партии, от которых прокисает мозг. Так что пытаюсь как-то удивить его отступлением, которое мне однажды показала Дефне, когда мы изучали партии Пако Вальехо. В какой-то момент кажется, что я в шаге от победы, но, когда спустя шесть часов Петек протягивает мне руку и предлагает ничью, я принимаю ее.

– Все к лучшему, – говорит мне Дефне на следующий день. – Иначе у тебя не осталось бы сил на завтра.

Но и пятая партия заканчивается ничьей, как и шестая с седьмой, и у меня все равно нет сил. Нет сил из-за постоянных вопросов, которые я задаю себе, из-за стресса, из-за того, как меня расстраивает каждая упущенная возможность. В конце концов, я оказалась не так уж хороша. Просто шахматистка со средними способностями. Дефне ошибалась. Нолан ошибался. Папа ошибался. Канал «Си-эн-эн» внезапно уже не так заинтересован в моих интервью. Я покидаю пресс-конференцию с опущенной головой и с трудом заставляю себя поблагодарить Элени из Би-би-си, когда она улыбается мне и говорит, что болеет за меня. Может, мне полегчает, если я в стиле Линдси Лохан разгромлю свой номер в отеле?

ДАРСИПОПА. У Коха возможности победить больше, но он проиграл Сабиру. У тебя есть все шансы, поверь мне.

ДАРСИПОПА. Но если завтра ты обыграешь Сабира, будет еще лучше.

МЭЛЛОРИ. детка ты вообще знаешь как играть в шахматы?

ДАРСИПОПА. Мне не нужно знать, как ходит слоненок, чтобы понять систему.

Я целый час лежу в кровати, раскинув руки и ноги в стороны, и страдаю, когда выясняется, что кто-то заказал мне суп с лапшой и три сникерса прямо в номер. Я отказываюсь думать, кто бы это мог быть, и поглощаю все до последней крошки – и капли, – а затем с полным желудком, в тепле, со сладким послевкусием шоколада во рту засыпаю глубоким сном без сновидений.

На следующий день просыпаюсь полная сил и побеждаю Сабира с помощью атаки Тромповского.

В финал выходим мы с Кохом.

Сабир отстает на одно очко, но с таким же успехом он мог бы бурить скважину где-то на Юпитере, потому что осталась последняя партия. Какой-то уставший стажер из ИТ-отдела выводит на мониторы мои с Кохом фотографии из предыдущих партий. Я кусаю нижнюю губу. Кох смотрит в потолок. Он зажмурился. Я грызу ноготь большого пальца.

Понятия не имела, что вообще так делаю. Но за последнюю неделю меня снимали больше, чем за последние десять лет. И каждый раз, когда я вижу на экране, как Мэллори теребит кончики волос, мне хочется встряхнуть ее и перевернуть стол, на котором стоит экран. Однако вместо этого я вежливо улыбаюсь и говорю ведущему пресс-конференции:

– В этот момент я думала, как передвинуть коня на e5. Но затем решила пойти на d4. Поскольку это усилило бы мою атаку.

Шоу «Доброе утро, Америка» показало про меня небольшой репортаж, сообщила Дефне. Терри Гросс с Эн-пи-ар запрашивает интервью. У меня попросили автограф не меньше двадцати раз, и только на седьмом автографе до меня дошло, что я использую ту же подпись, что в документах, а это серьезно увеличивает риск потенциального мошенничества. Магазинчик на сайте «Этси» продает

футболки, свитеры и комбинезоны с моим лицом. Элени с Би-би-си как раз в таком комбинезоне.

Народ, должно быть, свихнулся. Я просто их не понимаю. Возможно, у меня уже поехала бы крыша, если бы я не отвлекалась на старые партии Коха. Вечером звонит мама и спрашивает, как проходит поездка с пенсионным центром на западное побережье, и я так сильно хочу во всем признаться, что мои внутренности скручиваются от напряжения, а на глаза наворачиваются слезы. Хочется крушить все вокруг, а людям запретить пялиться на меня и спрашивать, как я себя чувствую. Мне хочется сказать ей, что она должна быть рядом, что папа должен быть рядом, потому что сейчас мне очень одиноко.

Вместо этого мы говорим о дне рождения Сабрины, который уже на следующей неделе. Рюкзак, что я ей заказала, принесут со дня на день, и маме нужно перехватить посылку до того, как Сабрина ее увидит.

– Все время забываю сказать тебе, – произносит мама в конце разговора, – что люблю тебя. И очень тобой горжусь.

Я тоже хочу сказать, как сильно люблю ее и скучаю по ней – не только физически, но и… Я так хочу быть чьей-то дочерью. Чтобы обо мне заботились и оберегали. Чтобы между мной и миром был кто-то сильный. Но мне кажется неправильным говорить правду поверх такого количества лжи, поэтому я просто кладу трубку и сижу на краешке кровати, уткнувшись лицом в ладони, будто израненный герой боевика из девяностых, и думаю, что нужно перестать врать маме. О шахматах. Я призн*а*юсь в ту же секунду, как окажусь дома. Если она, конечно, случайно не увидит меня в «Доброе утро…» чертова «…Америка».

Когда мои глаза высыхают, я плетусь вниз, чтобы стащить сэндвич из зоны отдыха. Там я встречаю еще нескольких участников соревнований – они едят, пьют и смеются. Все они будут играть завтра, но ставки для них невысоки. Можно сказать, их турнир уже окончен.

Дэвис, британец, которого я победила на второй день, замечает меня и подзывает к себе. Мой небольшой опыт неформального общения с конкурентами научил, что с ними лучше вообще не пересекаться, но у меня не получается притвориться, что я их не заметила. Подхожу, сжимая в руке панини с помидорами

и моцареллой и ожидая что-то вроде: «А мы думали, ты нас не почтишь своим присутствием». Но парни молчат.

– Гринлиф, мы хотим попросить тебя кое о чем.

Я готовлюсь к худшему:

– Слушаю.

– Это наша личная просьба.

Я напрягаюсь сильнее:

– Что за просьба такая?

– Не могла бы ты, пожалуйста, завтра раздавить Коха в лепешку?

Все смеются. *Надо* мной? Или *со* мной?

– Прошу прощения?

– Мы были бы очень признательны, если бы ты унизила его по полной программе, – поясняет один из парней.

– Каждый раз, когда он проигрывает, дракон срет золотыми кирпичами.

– Секс – это круто, но вы когда-нибудь слышали, как ноет Кох, когда ему ставят шах и мат?

– Если коротко, – вклинивается Дэвис, – мы презираем его и будем упиваться любыми неудобствами, которые ты сможешь ему доставить.

– Прошу тебя, Гринлиф, не рисуй в этот раз на протоколе.

Я выдыхаю и, когда все смеются, смеюсь вместе с ними.

– Ого. А я думала, он мне одной не нравится.

– Размечталась. Он с каждым из нас ведет себя как законченный мудак.

– И его тупые «приемчики». Он унижает во время игры, пока ты пытаешься сконцентрироваться.

– Или когда кругами ходит вокруг доски. Я размышляю над следующим ходом, и меня из-за него укачивает.

– Ты знаешь его всего несколько месяцев, а нам пришлось пройти через его одеколонную фазу.

– «Саваж» Кристиана Диора. Господи Исусе.

– Клянусь, он наливал ванну до краев и купался в них.

– Не, уверен, что он их просто пил.

Смеюсь и качаю головой.

– Я бы с удовольствием обыграла его. Просто не знаю, смогу ли.

– Ты алхимик, – мягко говорит Фэгард-Ворк. – Ты можешь добиться всего, чего захочешь, Гринлиф.

Я чувствую, как краснею.

– Эй, Гринлиф, – Кавамура. – Ты есть в «Дискорде»?

– «Дискорде»?

– Мессенджер такой. У нас есть чат, где почти все игроки первой двадцатки. Мы там говорим о шахматах, сплетничаем про ФИДЕ – ничего сверхъестественного. Я бы с радостью прислал тебе приглашение.

– Оу, – я чешу затылок, оглядываясь вокруг. Этим парням примерно от восемнадцати до чуть меньше сорока. Будет ли им со мной интересно? – Я не вхожу в двадцатку.

Они смеются. Один из них говорит:

– Пока что. – И они смеются еще сильнее.

– Коха там, кстати, нет. И это круто, потому что мы сделали отдельный канал, где обсуждаем его.

– И мы скорее будем дважды в день испражняться стеклом, чем общаться с ним по собственной воле.

– Наш язык любви – это антикохные мемчики. – Все снова смеются.

– Еще там нет Нолана.

– Но мы его приглашали. Он просто не захотел.

– Да, мы не ненавидим Сойера. Хотя раньше он был тем еще мелким дерьмом, – добавляет Петек.

– Типичный подросток, – замечает Кавамура.

Снова смех. Переплетение акцентов и интонаций почти музыкальное, и я чувствую себя невеждой. Я едва говорю на одном языке. Не знаю разницу между «роспись» и «подпись» и вечно забываю, как пишется «в течение пяти часов».

– Но до Сойера нам нет дела, – объясняет Дэвис. – Мы не можем обыграть его – никто не может, кроме тебя. Так что предпочитаем делать вид, что его не существует.

Петек прокашливается, поворачивается ко мне с заговорщическим видом и шепчет:

– Пожалуйста, не говори Сойеру, что я назвал его мелким дерьмом. Он выглядит так, будто может мне врезать, а у меня дома жена и две прекрасные дочери, и они бы очень по мне скучали. Я учу их играть в шахматы, но во время нашей партии они болели за тебя. На самом деле, я думаю, они были бы не против получить твой автограф.

– Почему ты думаешь, что я расскажу?.. О. *Оу*. Нет, мы с Ноланом… мы не встречаемся. Нас едва ли можно назвать друзьями. Не верьте тому, что пишут в интернете.

– Мы обычно и не верим. Но я подумал, что это похоже на правду, потому что он приехал на Турнир претендентов, хотя обычно не приезжает. Прошу прощения. Хочешь, покажу фото моей семьи?

Я наклоняюсь, чтобы рассмотреть кадры в телефоне Петека, и уже по привычке притворяюсь, что больше ничего не слышала.

Глава 18

Наша с Кохом партия отложена, потому что слишком много людей пытается одновременно посмотреть трансляцию, поэтому техническим специалистам нужно время, чтобы удостовериться, что сайт ФИДЕ не «ляжет», когда игра наконец начнется. На это уходит около двадцати минут, и я провожу их в зоне отдыха, сидя с закрытыми глазами. Пытаюсь ни о чем не думать, но перед глазами то и дело вспыхивают ключевые расстановки фигур, фрагменты изображений, от которых невозможно избавиться.

Мы с Кохом одни на помосте. На мне – белое платье в пол с длинными рукавами, и Дарси с Сабриной называют его «нарядом из “Трупа невесты”», потому что оно очень нравится маме.

Думаю, мне бы сейчас не помешали обнимашки.

А еще я думаю, что у меня есть шанс на победу, если не буду изображать из себя Боба Росса[46] на листочке с протоколом.

Следую совету Тамиля (боже, прицепилось!) и дебютирую испанской партией. По статистике, именно этот дебют является ахиллесовой пятой Коха, и я рада, что играю белыми. Он отвечает берлинской защитой, на что я реагирую контратакой. Еще несколько ходов – и Кох делает короткую рокировку.

Начинаются проблемы.

– Ты дотронулась до слона – ходи, – говорит он, когда я уже собираюсь сделать ход конем.

Я поднимаю глаза – впервые с начала игры. Мое презрение к нему почти физическое.

– Прошу прощения?

– Дотронулась – ходи. Если ты дотрагиваешься до фигуры, то обязана передвинуть ее. Знаю, ты не очень хорошо разбираешься в правилах, но…

– Я едва задела слона кончиком пальца.

– Это все равно касание, не правда ли?

Зрители не могут нас слышать, но видят, что мы разговариваем, – до сцены долетают отголоски любопытных шепотков. Кох прекрасно понимает, что это наитупейшая причина напомнить мне о ходе после касания, но я тоже понимаю, зачем ему это: он хочет позвать организатора и устроить скандал. Мне придется оправдываться, и, по задумке Коха, я расстроюсь и начну лажать.

Вряд ли он самый ужасный человек в мире. Уверена, что те, кто сидят на 8chan[47], гораздо хуже. Ну, или совет директоров «Бритиш петролеум». И все-таки Мальте Кох – самый отвратительный человек, которого я когда-либо встречала.

Вздыхаю и смотрю на несчастного слона. У меня не было на него особенных планов, но…

Но.

Дефне обожает нападать на короля слонами. Это ее любимая комбинация, так что я изучила кучу партий, где она используется. А значит…

Я сжимаю губы и передвигаю слона.

– Вот, – мило улыбаюсь и запускаю часы Коха. Его глаза удивленно расширяются, и мне нравится упиваться его беспомощностью.

Проходит немного времени, и я зарабатываю преимущество. Не такое серьезное, чтобы закончить игру, но проходят минуты, затем

часы, а я все еще проявляю инициативу, владею центром и продолжаю атаковать на флангах. Кох – и мне больно это признавать – прекрасный позиционный игрок, способный закрыть все пути для наступления, отразить все атаки и предугадать выстроенные мной комбинации. Но все же он неспособен просчитывать наперед так, как это делаю я, поэтому его поражение лишь вопрос времени.

Возможно, он тоже это понимает, поэтому часто поднимается, чтобы пройтись туда-сюда. Заметно, что он начинает нервничать. Кох, конечно, суетливый игрок, но даже он обычно так не волнуется.

Я чувствую, как во мне растет надежда. Я справлюсь. Я *сделаю* это. Я поеду на чемпионат мира и буду играть против…

Нолана.

Меня охватывает смесь радости и предвкушения. Какое-то новое безрассудное чувство, которое я наконец впускаю за свои барьеры. Как бы странно это ни звучало, прежде я не позволяла себе думать или фантазировать о том, что может случиться. До этого самого момента я не признавала, насколько сильно хочу сидеть напротив Нолана и чтобы между нами лежала доска. Насколько сильно хочу смотреть ему в глаза, когда он творит поразительные, волшебные вещи, на которые способен только он. Я хочу быть его соперником. Хочу в пух и прах разбить его стратегические наступления, отразить все атаки и атаковать сама. Я хочу отбиваться от каждого принятого им тактического решения, пока он не посмотрит на меня и не повторит: «Ты в курсе, насколько невероятная?» Я буду чувствовать его знакомый запах – смесь мыла, кожи и еще чего-то неуловимого, присущего только ему. Он улыбнется мне своей мягкой, кривоватой улыбкой, и я улыбнусь в ответ. И никто из нас не будет сдерживаться, это будет идеальная игра…

Кох садится обратно на стул, ходит ферзем, запускает мои часы. Я прихожу в себя после краткого помешательства, чем бы оно ни было.

И хмурюсь. Мне казалось, Кох или съест мою ладью, или откроет вертикаль. Но вместо этого он передвинул королеву туда, куда я совсем не ожидала, так что мне нужно время, чтобы изучить новую расстановку. Я могла бы… нет. Он поставит мне шах через два хода. Но мне все равно нужно как-то вернуть коня. Если я этого не сделаю, дело труба. Я бы даже сказала, что случится катастрофа. Нет. Я могла бы пойти в контратаку другим слоном, но его будет легко

заблокировать по диагонали. Еще через три хода он съест коня пешкой. Раньше это не было проблемой, но теперь, когда его конь здесь, все иначе. Похоже, тут мне не отбиться.

Но уверена, что смогу что-то предпринять в другой части доски.

Вновь сканирую взглядом доску, разбирая каждую позицию, каждый ход, каждую комбинацию, составляя список возможных угроз, анализируя возможности, выискивая тот единственный шаг, который спасет моего бесполезного короля. Уверена, что обнаружу его в любой момент.

В любую секунду.

Когда я выхожу на воздух, проходит еще пятьдесят семь минут, но мне не удается придумать, как выбраться из этой западни.

Потому что выхода нет.

Во рту сухо. В горле першит. Если бы я сейчас коснулась любой фигуры, то все увидели бы, как дрожит моя рука.

Потому что если бы я коснулась любой фигуры, то обрекла бы себя на смерть.

Поднимаю глаза на Коха и читаю в его лице, в его понимающей, жестокой улыбке, что он только и ждал, пока до меня дойдет: все кончено. Оказывается, я бегала от него кругами, пока он наблюдал за мной со стороны. Торжествующе. Наслаждаясь каждой секундой.

Оборачиваюсь на переполненный зал. Море лиц, имен которых я никогда не узнаю, и мой взгляд цепляется за волосы Дефне. Она сделала себе розовые прядки – очень красиво. Я гадаю, что она скажет мне, когда все закончится. Уверена, она найдет верные слова. Но мне жаль, что ей придется их сказать.

Делаю долгий, глубокий вдох. Затем заставляю себя посмотреть обратно на Коха и через силу говорю то, что должна:

– Я сдаюсь.

Глава 19

Интересно, что думает про нас официантка в кафе, когда мы заявляемся на двенадцать часов позже обычного? Она молча ставит перед нами кружки с кофе и делает вид, что не замечает нашего сконфуженного состояния и того, как я неестественно зажата между Дефне и Тану. Затем она исчезает в глубине кухни и больше не появляется.

Мы должны оставить ей хорошие чаевые.

– Этого не может быть, – сидящий напротив Эмиль качает головой.

Перед ним шахматная доска, фигуры расставлены так же, как в финале моей партии. «Как тактично, Эмиль. Ты просто пик эволюции человеческого сострадания. Подумай о карьере консультанта», – говорит ему Тану, когда он выставляет фигуры, но я мотаю головой, и она замолкает. Эта картинка все равно выжжена у меня в памяти, так что хуже не будет.

– Это был идеальный ход, – голос Эмиля звучит как смесь благоговения и ужаса. – Он тебя буквально парализовал. Последствия просто ошеломляющие. Вообще все твои фигуры оказались в ловушке. Это… Я *никогда* не видел ничего подобного. И уж точно не в исполнении Коха.

Ненавижу его имя, потому что оно напоминает мне о бездушной ухмылке в тот момент, когда я сдалась, о его злорадстве на пресс-конференции, которая, казалось, будет длиться вечно, о разочарованных лицах других игроков, какой-то женщины в зале и даже некоторых репортеров. «Я знал, что уложу тебя на лопатки, – прошептал он мне на ухо. – Передай Сойеру: он следующий».

– Тебе не в чем себя винить, – говорит Дефне. – Ты не совершила никаких ошибок. Ни разу до тех пор, пока… Ты прекрасно играла, Мэл.

– Но имеет ли это какое-то значение? – спрашиваю я. В голосе нет горечи – только любопытство.

Она вздыхает. «Не особенно» – вот очевидный ответ.

– Приз за второе место все еще пятьдесят тысяч долларов. И он твой.

Я киваю. Заработать деньги для семьи всегда было моей целью номер один. Финансовая стабильность – к ней я стремилась, а шахматы были лишь средством, чтобы до нее добраться, этакой старенькой побитой машиной, с которой я не хотела иметь ничего общего, но которую мне пришлось вести по дороге из желтого кирпича. За последние полчаса я заработала столько денег, что покрою все долги и кое-что даже останется. Я должна ликовать, а не сидеть здесь, пытаясь сдержать слезы над бесполезным куском дерева.

И все же.

Мне кажется, я падаю в пустоту. Будто больше никогда не почувствую под ногами твердую землю.

– Если тебе от этого полегчает, то все в ВИП-ложе были в шоке, когда ты сдалась, – задумчиво говорит Тану.

Я должна убедить ее, что в порядке, но не могу оторвать взгляд от черной королевы.

– Никто не ожидал подобного от Коха. Клянусь, они все… – Но она не договаривает.

На доске появляется длинная тень, и кто-то подсаживается к нам со стороны Эмиля.

Я поднимаю глаза и издаю нервный смешок. Нолан одет как обычно – в джинсы и рубашку, а волосы успели отрасти. Каждый раз, когда я вижу его после долгого перерыва, удивляюсь, сколько места он занимает – и за столом, и в моей голове.

– Ты болван, – говорю я спокойно.

Он поднимает бровь:

– Меня так еще не называли.

– Наконец показался.

– Ты знала, что я был здесь.

Еще десять минут назад я бы это отрицала. Но да. Мне нравилась сама мысль о том, что он где-то рядом, хотя я не призналась бы в этом даже себе. Довольно самоанализа на сегодня. Пора заняться самокопанием.

– Мы ей ничего не говорили, – спешит пояснить Тану.

– Она и так знала. – Нолан даже не смотрит на нее. Он не смотрит ни на кого, кроме меня, и я чувствую, как кровь приливает к щекам.

– Так и есть. Я догадалась по запаху.

Его смех низкий и глубокий, и через секунду я присоединяюсь, а остальные смотрят на нас так, будто у нас крыша поехала. Кстати, не исключено.

– Что думаешь о Кохе? – спрашивает Дефне, когда мы успокаиваемся. Она тоже не удивилась появлению Нолана.

– Надеюсь, он сидит на своих яйцах. На этом все.

– Серьезно? Ни единого комментария о мужчине, за которым ты пролетел через всю страну?

– Я не за этим прилетел в Вегас, – Нолан пожимает плечами. – Кох – человеческое воплощение грязного туалетного ершика и продолжает им быть все десять лет, что я его знаю. Или тебе нужна дополнительная характеристика?

Часть меня удивлена, что Нолан и Дефне спорят так, будто знакомы всю жизнь. Но мне не удается расспросить их об этом, потому что другую часть меня терзают совсем иные вопросы.

– Что думаешь о партии? – продолжает давить Дефне, и взгляд Нолана меняется – похоже на разочарование и досаду. Как будто два этих чувства смешались в одно, более неприятное.

– Думаю, что хотел бы поговорить с Мэллори наедине. Не могли бы вы нас оставить?

Дефне фыркает:

– Я тебя с ней наедине не оставлю.

– Почему?

– Потому.

– Это не ответ.

– Я ее тренер.

– Она сама решает, с кем разговаривать. И тебе известно, что мы уже оставались наедине? Много раз.

– Не совсем так, – спешу возразить я. – Вот *так* мы вдвоем не оставались.

Остальные кидают на меня странные взгляды, и я не знаю, почему меня внезапно бросает в жар. Это Нолану стоит смущаться. А не мне.

Дефне смотрит на меня:

– Ты хочешь поговорить с Ноланом, Мэл? Наедине?

Нет. Да. Нет.

– Да.

– Я провожу ее обратно в отель, – заверяет Нолан. – Так что не нужно ждать.

Все начинают суетиться, и вскоре мы остаемся одни в компании доски Эмиля и шести разных вкусов вафельного сиропа. Я вновь окидываю взглядом черную королеву и жду, пока Нолан заговорит первым.

Возможно, он скажет, что ошибся и я не такая уж невероятная, и больше не будет давать мне советы. Я почти готова начать оправдываться, извиняться, говорить, что сделала все, что было в моих силах, и если этого недостаточно, то что ж. Я лажаю не в первый раз, но уже больно так, как от всех предыдущих разов, вместе взятых.

Однако Нолан молчит. Его рука скользит по столу, и я думаю, что он накроет мою ладонь своей, но вместо этого всего лишь касается моих пальцев.

Простое, легкое прикосновение. Но мне становится тепло и уютно – этого достаточно, чтобы я подняла глаза, когда он начинает говорить:

– Будь моим секундантом.

– Я… что?

– Будь моим секундантом.

– Нолан, – я растерянно качаю головой. – У тебя наверняка миллион секундантов, зачем тебе…

– У меня их пять. Но я хочу *тебя*.

У меня начинают пульсировать виски.

– Почему?

– В феврале матч на первенство мира. Мне нужно тренироваться, чтобы обыграть Коха. Ты нужна мне.

– Нет. – Кох не просто соперник Нолана – он его враг. Я подвела нас обоих, когда проиграла ему. – Я не нужна тебе. Скорее всего, тебе

и готовиться не нужно. А я только что продула ему, так что я последний человек на Земле, которого стоит…

– Я тоже не заметил ее.

У меня перехватывает дыхание.

– Королеву. Я смотрел партию и был так же беззащитен, как и ты, Мэллори. Я… – Нолан сглатывает. – Я не смог предвидеть такого исхода, а затем не знал, как выбраться из этой ловушки. Я бы тоже сдался.

Я выдыхаю:

– Но как это возможно? Ты победил его несколько месяцев назад.

– Не знаю. Такое бывает, шахматисты годами показывают стабильную игру, а затем вдруг делают резкий рывок вперед. Но эта партия… Кох играл как машина. Идеальный компьютер, который может предотвратить любую атаку, разрушить любую инициативу. И это при условии, что ты охрененно играла. Против тебя справилась бы только программа.

Нолан расстроен. Я всегда думала, что он вспыльчивый, но впервые вижу его искренне раздосадованным, а не злым. Он не уверен в себе.

– Мэллори, если он будет продолжать в том же духе, то станет чемпионом мира.

Я все еще чувствую теплое касание его пальцев.

– Но я уже не справилась.

– Знаю. Однако вместе мы сможем придумать, что делать, – он наклоняется, взгляд прикован ко мне. – Будь моим секундантом. Помоги мне обыграть этот кусок дерьма.

– Я… Если я стану твоим секундантом, мы постоянно будем тренироваться вместе. Я буду знать все. Изучу тебя так хорошо, что тебе будет сложно потом меня удивить. Если я стану твоим секундантом, то буду знать тебя как свои пять пальцев.

На его лице расплывается красивая, мягкая полуулыбка.

– Думаешь, я этого не хочу?

– Нолан…

Я переворачиваю его ладонь и принимаюсь изучать ее. Она такая большая – гораздо больше моей. Линии и бороздки пролегают глубоко в коже. Было бы так легко провести по ним пальцами, обрисовать эти узоры.

Я… Не знаю. Может, это плохая идея. Может, я недостаточно хороша. Не понимаю, откуда в Нолане этот огонек, на который я всегда летела. Не знаю, смогу ли стоять рядом с ним и быть далеко.

Я ничего не знаю, но у меня есть один вопрос, который я хочу задать:

– Нолан?

– М?

– Зачем ты прилетел в Вегас?

Его пальцы сжимают мои. Мое слабое сердце делает сальто.

– Мэллори. Потому что здесь была ты.

Глава 20

– Если ты пойдешь ладьей на g5…

– …тогда слон…

– …но эта пешка…

– …на g7…

– …нет, если не хочешь подставить короля под удар…

– …знаешь, есть такая штука, называется рокировка…

– Эм… ребята?

Мы с Ноланом поворачиваемся к Тану и одновременно раздраженно выпаливаем:

– Что?

Тану стоит, прислонившись к косяку. Выражение ее лица скорее скептическое, чем испуганное. Волосы собраны в небрежный пучок, комбинезон в виде коалы висит свободно. Она в очках, а значит, уже сняла линзы, а это, в свою очередь…

– Уже одиннадцать сорок. Вы здесь сидите с двух, и, кажется, вас все устраивает. Но если вы вдруг решите, что героические подвиги украинских гроссмейстеров середины прошлого века недостаточно питательны, в холодильнике пирог из курицы.

Нолан мрачнеет:

– Почему вы не позвали нас на ужин?

– Мы звали. Трижды. И каждый раз вы бурчали что-то нечленораздельное. Я записала это на камеру и сделала микс с Dragostea[48] для тиктока. Хотите посмотреть?

– Доброй ночи, Тану, – отвечает Нолан.

Она хорошо знает его, поэтому исчезает прежде, чем он встает.

– Давай поедим, – говорит он мне.

– Подожди. – Я тяну его за рубашку. – Нам нужно закончить…

– Тебе нужно поесть. Идем.

Когда я сказала Дарси, что часть декабря и январь буду жить у Нолана на севере штата Нью-Йорк (да, у него свой дом; да, я пробормотала: «Ешь богатых»[49], когда он мне сообщил), сестра скептически посмотрела на меня и спросила: «Насколько разумно ехать в уединенный домик в лесу в компании Убийцы королей?»

Спустя несколько недель я все еще не уверена в ответе. Я сижу на кухонном столе и наблюдаю, как Нолан стоя поглощает еду – быстро, по-деловому, будто забрасывает уголь в топку. Очевидно, мыслями он все еще в партии, которую мы анализировали.

Его дисциплина, конечно, впечатляет.

Он просыпается раньше, ложится позже и работает усерднее, чем все, кого я знаю. Он относится к себе со всей строгостью. Целеустремленный, исключительно упорный в разборе чужих партий: препарирует каждый ход, постоянно возвращается к тому, что уже пройдено, смотрит несколько партий сразу и продумывает ходы наперед. Нолан никогда не устает и ни в чем не сомневается. Он упорный, даже одержимый. Его воля тверда как сталь, и, как бы странно это ни звучало, этим он привлекает.

Вряд ли ему недостает чего-то еще.

У него есть пять секундантов: Тану и Эмиль, которые тоже сейчас живут с нами, и трое гроссмейстеров, каждому из них за тридцать. Они специализируются на дебютах и пешечной структуре и приезжают несколько раз в неделю. Нолан тренируется с каждым из нас: придумывает выходы из сложных ситуаций, анализирует партии Коха, пересматривает свои старые партии в программе и изучает мои на предмет слабостей. Но сейчас остальные люди кажутся ему неважными. Они лишь капли в бездонном океане дней, которые он проводит со мной.

Остальные многого не видят. Комбинации и идеи, которые ускользают от других, имеют смысл в наших с Ноланом головах.

– Пойдем посмотрим «Роковой патруль», пока мама с папой работают, – предлагает Эмиль в один из вечеров, когда становится

ясно, что никто не может за нами угнаться.

В наших отношениях есть что-то еще, кроме шахмат. После пробуждения я босиком иду по деревянному полу, зная, что найду его там, где он обычно завтракает. Я готова рассказать ему о мыслях и идеях, которые пришли мне во время сна. Его глаза сканируют каждую комнату, в которую он входит, и он успокаивается только тогда, когда замечает в ней меня. Иногда мне хочется подойти к нему вплотную, чтобы выпрямить кудряшки, растущие у него на затылке.

Мы все еще не сыграли друг против друга. Мы вместе изучаем информацию, анализируем, разбираем и воспроизводим чужие партии, но ничего больше. И все же… Что-то происходит, я не могу точно сказать, что именно. Наши взаимоотношения состоят из множества слоев, они многогранны, разбиты на мелкие фрагменты – в моей прежней жизни не было ничего подобного. Для дружбы в них недостаточно уюта, для интрижки – легкости, для всего остального – дистанции.

Может, мне стоит воспринимать Нолана просто как парня – не врага, не друга. Не больше чем друга. Он просто парень, который круто играет в шахматы. Парень, который застрял у меня в голове и ведет себя так, будто я застряла у него в мыслях.

– Можно взять твою машину на завтра? – спрашиваю я.

Мы находимся в часе езды от Патерсона. Я езжу домой где-то раз в неделю. Рождество, Новый год. Когда нужна маме – что теперь случается не очень часто, потому что мы можем позволить себе новые лекарства. Она думает, что я хорошо зарабатываю и не возвращаюсь домой, потому что беру дополнительные ночные смены в центре для пенсионеров. По крайней мере, история про деньги – это правда. Нолан платит своим секундантам очень даже щедро.

– Конечно. Куда поедешь?

– Домой. Вернусь вечером. У Дарси день рождения.

Нолан тянется за булочкой:

– Можно мне с тобой?

– Разве тебе не нужно анализировать картинку из макарон, которую Капабланка сделал в первом классе?

Он пожимает плечами:

– Устрою себе выходной.

– И хочешь провести его на дне рождении тринадцатилетки?

– А там будет мясной рулет?

– Уверена, мама сделает его для тебя, если попросишь, – я изучаю лицо Нолана. Красивое, уже такое знакомое лицо. – Провел бы этот день с Тамилем, например.

Нолан выглядит разочарованным:

– Давай хотя бы ты не будешь их так называть. И вообще, наши комнаты рядом. Сомневаюсь, что они успеют соскучиться.

Эмиль и Тану снова встречаются – об этом знают все, у кого нет проблем со слухом.

– Да уж, они громкие.

– Или, как вариант, они занимаются сексом под звуки орущих китов.

Я смеюсь:

– Но все же. Ты мог бы… покататься на лыжах. Устроить вечеринку в смокингах. Обсудить с кем-нибудь фондовый рынок. Или чем там еще занимаются богачи с домиками для отдыха.

Нолан бросает на меня неодобрительный взгляд, но едет со мной, и сестры радуются его появлению, словно он Чонгук. Я вспоминаю интервью, когда увидела его впервые несколько лет назад – каким он был напряженным и замкнутым, – и едва узнаю его в этом мальчике с широкой улыбкой. Он дарит Дарси подарочную карту «Петсмарта», два часа смотрит с Сабриной видео с роллер-дерби и выгибает бровь, когда видит у нас на столе бутылку с кетчунезом.

– Как Истон? – спрашивает мама, когда я убираю на кухне.

– Прекрасно, – лгу я.

От одной мысли о подруге у меня сжимается сердце. Правда в том, что я без понятия, как она там. Каникулы Истон провела в Делавэре с бабушкой и дедушкой, и я не видела и не слышала ее уже больше четырех месяцев. Судя по соцсетям, она встречается с кем-то по имени Ким-ли. Я могла бы спросить напрямую, но тогда это будет равносильно признанию, что мы отдалились. А ведь было время, когда она присылала мне фотографии всего, что собиралась съесть.

– Он отлично с ними ладит, – говорит мама, наблюдая, как Нолан чинит сломанный «Поляроид» Сабрины в гостиной. – Должно быть, в центре пенсионеров его любят. Готова поспорить, его там заставляют читать вслух любовные романы. С таким-то голосом.

Конечно, я струсила и не сказала ей правду. Я ведь не еду на чемпионат мира, так что интерес журналистов ко мне растворился, как сахар в воде. Я никто, поэтому нет нужды причинять близким боль неудобной правдой.

– Ага. То, как он озвучивает высокопарные признания в любви, сражает всех наповал.

Мама мягко смеется:

– Вы все еще не встречаетесь?

– Не-а.

– Ты уверена?

Я поворачиваюсь к ней лицом:

– Конечно.

У меня нет опыта серьезных отношений, но я знаю, что тут не может быть вариантов: либо встречаемся, либо нет. И если это серьезные отношения, то о них обязательно говорят вслух. Нельзя же…

– Прошу прощения, – моей талии касаются теплые руки и отодвигают меня в сторону, чтобы освободить проход. – Дарси собирается научить меня готовить торт в стакане.

– Торт *в кружке*, – поправляет его Дарси, терпеливо вздохнув. – Мам, у нас есть сахар?

Мама замечает, что рука Нолана все еще касается моей спины. Потом она смотрит на меня и говорит Дарси:

– В шкафу рядом с холодильником, – на губах понимающая улыбка, которая безумно раздражает.

Сабрина за весь день не сказала мне ни слова, но перед отъездом я успеваю поговорить с ней один на один в ее комнате.

– Все в порядке? – спрашиваю я.

Еще несколько недель назад над тумбочкой висела фотография, где я катаю ее на спине на тыквенной ярмарке. Теперь на этом месте коллаж: ее команда по дерби, школьные друзья и поляроидный снимок, на котором мама и Дарси корчат рожи.

Она вычеркнула меня из своей жизни.

– Прости, что редко приезжаю. Но мне хорошо платят за ночные смены.

– Рада за тебя, – равнодушно отвечает Сабрина, копаясь в ящике в поисках футболки для дерби, которую пообещала Нолану. Она ей

слишком велика.

– Как мама?

– Нормально.

– Ясно. А Дарси?

– Хорошо. Ее не так сложно терпеть, когда тебя нет рядом. Думаю, ты плохо на нее влияешь.

Я удерживаюсь от того, чтобы закатить глаза.

– А ты как?

– Нормально.

Я вздыхаю:

– Сабрина, можешь, пожалуйста, посвятить мне хотя бы шестьдесят секунд?

Она смотрит на меня с нескрываемым раздражением:

– Мама в порядке. Дарси в порядке. Я в порядке. Весь чертов мир в порядке.

– Я серьезно. Ты осталась за старшую, но если тебе нужна любая помощь…

– О, теперь ты о нас вспомнила?

Ее голубые глаза блестят от подступающих слез. На секунду я вижу в них искреннюю боль и чувствую, как колет сердце. Но уже в следующее мгновение Сабрина становится равнодушной и жесткой. Возможно, остальное мне привиделось.

– Что ты сказала? – переспрашиваю я.

Сабрина подходит ко мне вплотную. Я пока что на несколько дюймов выше. Вырастет ли она еще? Боже, ей уже пятнадцать.

– Мы в порядке, Мэл. Справимся без тебя.

– Когда я уходила в последний раз, ты выглядела расстроенной, так что…

– Мы в порядке. Можешь перестать нас опекать. Никому не нужно «оставаться за старшую». Мама, Дарси и я – взрослые люди и можем сами о себе позаботиться. Мы не домашние животные, которых надо кормить и выгуливать. – Она проходит мимо меня с футболкой в руках.

Внутри поднимается волна раздражения. Серьезно? *Серьезно?..* Разве я заслужила такое отношение? От злости ударяю по дверному косяку – в ладони остается всего лишь небольшая заноза.

Когда мы садимся в машину, остальные машут нам с порога.

– Нолан, приезжай еще, как можно скорее! – кричит Дарси.

– Необязательно с Мэллори! – саркастично добавляет Сабрина.

– Это она к чему? – спрашивает Нолан после того, как мы выезжаем на дорогу.

– Ты про то, что моя сестра с радостью утопила бы меня в бочке с медовухой?

Его рот дергается.

– Я почувствовал, что между вами будто черная кошка пробежала.

– Не знаю, что делаю не так, – я вздыхаю. – Стараюсь изо всех сил. Даю ей все, что нужно, и слежу, чтобы она ни о чем не беспокоилась.

– Возможно, в этом и проблема.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Когда ты видишь сестер, то ведешь себя так, будто отвечаешь за них. Почти как мама. С Дарси это прокатывает, но Сабрина уже слишком взрослая, – Нолан пожимает плечами. – Думаю, она хочет, чтобы ты просто была ее сестрой и никем больше.

– Что ты вообще знаешь о семье?

– Ничего. Только вижу, что *ты* чересчур много знаешь, чтобы спорить на эту тему.

Не удерживаюсь от смешка, и какое-то время мы молчим. Нолан водит машину так же, как играет: спокоен, сконцентрирован на дороге; и в кои-то веки я могу расслабиться, что руль не в моих руках. Мой взгляд блуждает по отблескам уличных фонарей и лежащему на сосновых ветвях снегу. Нолан твердой рукой переключает скорости, будто перемещает слона по доске.

Он думает о шахматах. В его мыслях партия Коха, которую мы разбирали сегодня утром. В ней Кох использовал королевский гамбит. Тот матч был против Дэвиса, и он проиграл его три года назад. Я знаю. Не уверена откуда, но точно знаю, что творится у Нолана в голове.

– Зря он пошел конем на e5, – произношу я.

Нолан не мешкает ни секунды.

– Кох не раз атаковал не подумав, и ему часто за это прилетает. Что ж, – он пожимает плечами. – Прилетало. А потом, видимо, он начал есть шпинат на завтрак и прокачался до следующего уровня.

– Возможно, постоянно провоцировать его – неплохая стратегия.

– Ага.

Я размышляю, какие тактики применила бы против Нолана, если бы боролась за титул чемпиона мира. Он непредсказуем, всегда

просчитывает далеко вперед, готовит неожиданные ловушки. Я слышала, как комментаторы замечали, что наши стили игры похожи, но уверена, что это преувеличение. Я предпочитаю душить оппонента, постепенно изматывать его, не давать проявлять инициативу и одну за другой отрезать возможности для атаки, пока мы не останемся вдвоем – я и вражеский король.

Но Нолан справился бы со мной. Он знает, чего от меня ждать. Чтобы победить его, мне нужно научиться пренебрегать сиюминутными преимуществами и сильнее рисковать – причем как можно раньше. Я наблюдаю, как Нолан разминает шею – сильные мышцы напрягаются под кожей, – и думаю, что могу отвлечь его так, что он ошибется. Может, это и не сработает, но определенно заставит хотя бы немного поволноваться. Он посмотрит на меня своим долгим, понимающим взглядом. Даже улыбнется. Он улыбнется, и я улыбнусь ему в ответ в тот самый момент, когда коснусь его короля.

Звучит потрясающе. В конце концов, мечтать не вредно.

– Дарси затащила меня в твою комнату, – говорит Нолан, – и заговорщически прошептала, что знает все.

– В отличие от мамы и Сабрины, она умеет пользоваться гуглом. Не удивлюсь, если она знает, как зайти в даркнет. Пытается понять, как зарегистрировать Голиафа в свином «Тиндере».

– Она попросила меня научить ее играть в шахматы.

– Дарси? – я оживляюсь. – Серьезно?

– Она сказала, это… нереальный кутяк?

Я смеюсь:

– Нереальный крутяк. Тебе стоит время от времени выходить в Сеть.

У большинства игроков из первой десятки есть каналы на «Твиче» и «Ютьюбе». У Нолана только пара соцсетей, и везде капсом в шапке написано: «ВЕДЕТ НЕ НОЛАН СОЙЕР». Готова поспорить, что бедного эсэмэмщика достали ежедневные нюдсы в директе.

– Кстати, и правда, почему ты не сидишь в социальных сетях?

– Меня в социальных сетях и без того предостаточно.

– В каком смысле?

– По интернету гуляет фотка, где я, семилетний, ковыряюсь в носу во время партии с Накамурой. И еще одна, где я закатил истерику, когда проиграл. Мне было четырнадцать.

– Оу.

– Мы все проходим через неловкие фазы взросления, но мои запечатлели для потомков. В общем, любой, кто захочет поискать меня в интернете, и без того найдет чем развлечься.

Я вспоминаю слова Эмиля: «Быть вундеркиндом и расти на глазах журналистов не так-то просто: они порой беспощадны».

– И тебя не волнует твоя репутация? Ну, что о тебе думают люди?

– Ты хочешь сказать, волнует ли меня, что окружающие считают меня куском дерьма? – Нолан мягко смеется. – Я это заслужил. Я им был. Все, что я могу сделать, – это попытаться стать лучше в будущем.

Надо сказать, у него получается. Я пытаюсь вспомнить, что он вытворял в последнее время, но в голову ничего не приходит.

– Но ты все еще бесишься, когда тебя обыгрывают.

– Вот какого ты обо мне мнения? – Нолан качает головой. – Я злюсь на себя. За совершённые ошибки. За то, что не сделал все, что было в моих силах. И каждый раз, когда ты ошибаешься, я знаю, что ты чувствуешь то же самое.

– Неправда. Я…

Он косо смотрит на меня, и я замолкаю. Ну и ладно.

– Я показал Дарси, как ходят фигуры, – тихо произносит Нолан.

– На чем?

– У нее под кроватью лежит доска с розовыми и фиолетовыми фигурами.

Я закрываю глаза и чувствую, как в животе стягивается узел.

– Я была уверена, что избавилась от нее.

– Тебе стоит самой научить сестру.

– И зачем ей это?

– Она хочет играть, потому что обожает тебя.

Я фыркаю:

– Она зовет меня Мэллопипи и постоянно лепит в фотошопе картинки, которые подписывает «Самая отстойная из Гринлифов». А я, между прочим, нелегально ей этот самый фотошоп скачала. Неблагодарная.

– Она хочет быть похожей на тебя.

– Я не буду ее учить.

– Почему?

Я отворачиваюсь. На дороге, кроме нас, никого нет, и сосны становятся все толще.

– Шахматы – плохая идея.

– Почему?

– Посмотри, куда они меня привели.

– Они привели тебя сюда. Ко мне.

К моим щекам приливает кровь. Тон Нолана не подразумевает возражений. Он действительно верит в то, что говорит. Он верит… Я даже не знаю, во что еще.

– Ты его застукала, да? – спрашивает Нолан.

Озадаченная, я поворачиваюсь к нему.

– Что?

– Отца. Что-то случилось между ним и той женщиной, арбитром с Олимпиады. Ты об этом узнала. Твоя мама вышвырнула его из дома. Рискну предположить, несколько лет вы не общались. А потом случилось то, что случилось.

Я выпрямляюсь и чувствую, как ремень безопасности натягивается на свитер.

– Откуда… Откуда ты знаешь? Когда…

– Я не знал. Но помню, какие ходили слухи в то время. Про Арчи Гринлифа. Остальное… я просто предположил.

– Ты предположил? Как?

– Наблюдал. Твоя реакция на Олимпиаде. То, как ты любишь шахматы, но пытаешься убедить себя, что ненавидишь. Ты чувствуешь ответственность перед своей семьей – не просто перед сестрами, но и перед мамой, – он говорит все это таким будничным тоном, будто кто-то в классе попросил его прочитать скучный параграф из учебника. – Ты ведешь себя так, будто совершила что-то ужасное. Будто вообще ничего в жизни не заслуживаешь, кроме объедков.

Я. Скучный учебник – это я.

– Потому что так и есть – это моя вина, – выпаливаю я, удивляясь самой себе.

Еще никогда прежде я не признавалась в этом вслух. Но если бы я не рассказала маме о Хизер Тёркетт, папа не ушел бы из дома, и у него не было бы причины садиться пьяным за руль в три утра. Если бы. Если бы. Если бы.

– Ты знала, – как ни в чем не бывало продолжает Нолан, – что моего дедушку поместили в больницу из-за меня?

– Какое это имеет… Нет. Не знала.

– Он вел себя странно уже некоторое время. Говорил неприемлемые вещи, совершал неприличные поступки – иногда публично. Мои родители тоже что-то подозревали, но, думаю, в основном списывали все странности на возраст. И поскольку я проводил с ним много времени, то прикрывал его, когда удавалось. Я искренне думал, что ему нужно просто выспаться или что-то типа того. Но однажды… Это произошло в его день рождения. Я пришел к нему домой, в ту самую квартиру, где ты была. Поднялся по лестнице – тогда работал тот же портье, что и сейчас, ему вообще на все плевать – и зашел внутрь. У меня с собой был подарок – шахматный набор, который я сам для него смастерил. Девять месяцев резьбы по дереву.

Нолан включает поворотник и съезжает с основной дороги. Должно быть, мы уже подъезжаем. Почти.

– Мы виделись за день до этого. Мы виделись каждый день, но в тот раз он не узнал меня. Или узнал, но подумал, что у меня плохие намерения. Наверное, правду не узнаю уже никогда. Я бы не сказал, что у него была склонность к насилию или что-то подобное, но в тот день у него в руках был нож. Я увидел, как он вынимает его из подставки, и предположил, что он хочет… нарезать сельдерей. Ни хрена не помню. Вместо этого он посмотрел мне в глаза и кинулся. Порез оказался глубокий – его нужно было зашивать, а значит, в больнице мне пришлось заполнить заявление. Вот так. У моего отца было достаточно связей, чтобы запереть деда в дурке. Отец сказал, что это к лучшему. Возможно, так оно и было. Но он сделал это по другой причине. Он всегда ненавидел своего отца, потому что шахматы волновали его больше, чем родной сын.

Голос Нолана отстраненный. Будто он столько раз прокручивал в голове эту историю, рассказывал ее себе так часто, что она превратилась в набор заученных слов. Он думает об этом каждый день. Каждый час. Я знаю наверняка, потому что могу читать его мысли.

– Я сам дал отцу эту власть. А дедушка умер в психбольнице, напичканный лекарствами. О такой смерти он даже подумать не мог, и мне приходится жить с этим каждую секунду. Так что когда ты говоришь о вине…

– Подожди… нет. Нет. – Я поворачиваюсь к нему всем телом. Ремень больно врезается в грудь. – Это не твоя вина. Ты сделал все что мог, учитывая, что тебе было… Сколько тебе было?

– Четырнадцать. Сколько тебе было, когда ты застукала своего отца?

Я закрываю глаза. Это разные вещи. Совершенно. Но из уст Нолана звучит так, будто наши ситуации похожи и я не заслуживаю никаких оправданий.

Внезапно меня накрывает ярость. Взрывная, раскаленная ярость.

Он… он мной манипулировал. Притворился, что поделился чем-то личным, и превратил меня в… что бы это, черт возьми, ни было. Он пожертвовал ферзем, чтобы поставить мне шах и мат. Да как он вообще смеет? Как смеет приходить ко мне домой и разбирать по косточкам мою семью, словно какую-нибудь партию Морфи?

– Пошел ты на хрен, Нолан.

Мне сложно прочитать его эмоции, но он точно не удивлен.

– Я говорил только правду.

– Пошел ты. Что ты вообще знаешь о семьях?

– Проблема в том, что я сказал правду?

– Перестань заманивать меня в ловушку. Не пытайся поставить мне шах и мат. Может, ты и хочешь сыграть со мной в шахматы больше всего на свете, но это не дает тебе права…

– Не больше всего на свете, – бормочет Нолан, не отрывая от меня глаз.

От злости я не обращаю на это внимания.

– Так вот что ты делаешь? Настолько сильно хочешь обыграть меня, что пытаешься любыми способами набрать очки? Крестики-нолики? Обсуждая мою семью?

– Я не…

– Никто не разрушал мою семью. Мне следовало держать рот на замке, и все было бы в порядке. Это *мой* секрет, *моя* ноша, и никто ничего не узнал бы и не пострадал бы. У мамы была бы медицинская страховка, а у сестер – семья, которую они заслуживают, а папа был бы жив… – Я замолкаю. Делаю глубокий, судорожный вдох. – Ты не знаешь ни меня, ни моих сестер, ни мою маму и уж точно не знаешь моего отца. Так что не пытайся делать вид, что мы с тобой как-то похожи или мой поступок можно сравнить с твоим.

– Ты несправедлива к нам обоим, – спокойно говорит Нолан. Возможно, он прав, но мне уже все равно.

– Знаешь что? – Ремень упирается мне в горло. Я киплю от гнева, от злости на… Нолана. Давайте представим, что Нолана. – Да на хрен все это дерьмо. Мы с тобой сыграем. Сегодня. Мы с тобой сыграем в эту тупую игру под названием шахматы, и ты перестанешь меня изводить.

– Я… – Нолан затихает, пытаясь осознать, что я сейчас сказала. У него дергается кадык. – Ты же не серьезно.

– Если тебе неинтересно…

– Мне интересно, – в его голосе нетерпение. Юношеская горячность. – Интересно.

Мы замолкаем, и Нолан не смотрит в мою сторону, будто боится спугнуть. Ничего не меняется, когда мы припарковываемся у дома. Дверь с пассажирской стороны захлопывается, через мгновение наша верхняя одежда уже валяется в углу гостиной. Когда мы тренируемся, то обычно сидим напротив друг друга, но сейчас Нолан раскладывает доску на журнальном столике, и мы садимся рядом на диване. Это не изучение чужой партии – в этом нет сомнений.

На часах полночь. Отопление уже давно не работает, но мне не холодно.

– Готова? – спрашивает Нолан серьезным тоном, словно ждет моего согласия.

А знаешь, когда ты не спросил его? Когда открыл рот, чтобы поговорить о моем отце.

– Можешь играть белыми, – резко произношу я, желая как можно сильнее задеть его.

– Спасибо, – без тени иронии отвечает Нолан. – Мне это пригодится.

За это я ненавижу его еще сильнее, и, конечно, он делает самый тупой ход на свете – пешка на e4. Я отвечаю сицилианской защитой. Закатываю глаза и хожу конем на c6, просто чтобы побесить его. Какая-то линия системы Россолимо, которую мне показывала Дефне.

Ставки высоки, скорость тоже, и Нолан не показывает ни единой эмоции, ни в чем не сомневается, кажется, в приглушенном свете комнаты он даже не моргает. Лоб ровный, без морщин. Руки не дрожат. Его колено касается моего – не каждый ход, но время от времени. Он

этого словно не замечает, и я ненавижу его. Я чувствую себя неуклюжей, неповоротливой, нескладной, каким-то нелепым чудовищем рядом с ним. Меня как будто вывернули наизнанку, я словно стала прозрачной, с открытой раной на сердце, а Нолан в любой момент может залезть ко мне в череп, достать оттуда острые, больно впивающиеся осколки прошлого и заставить истекать кровью.

Вскоре я теряю пешку и чувствую себя тупой.

– Черт, – бормочу я.

– Это всего лишь пешка, – шепчет Нолан, не отрывая взгляда от доски.

– Заткнись.

Дрожащими пальцами я перемещаю коня вперед, и теперь речь не просто о пешке. Я оставляю слона незащищенным и упускаю возможность сделать рокировку. Мне приходится молча наблюдать, как Нолан съедает несчастного слона, тут же я атакую его ладьей, желая заставить страдать. И теряю две фигуры, совершенно проглядев, что его королева подбирается к моему королю, и черт, черт, *черт*…

– Мэллори, – его рука накрывает мою руку, словно заключает в ловушку. Я смотрю на его красивое, ненавистное лицо. – Прости за то, что сказал. Я перешел черту.

Не хочу ничего слышать.

– Давай закончим.

– Не знаю, как на самом деле обстояли дела с твоим отцом…

– Давай. Закончим.

Нолан качает головой.

Я издаю горький смешок:

– Ты месяцами был зациклен на мысли об этой игре. А теперь…

– Я был зациклен не на игре, и ты должна перестать лгать себе. Я не хочу играть с тобой вот так.

– Значит, теперь тебе нужна идеальная обстановка? Может, мне переставить мебель? Разложить кругом сушеный шалфей? Расскажи, чего ты хочешь, и я…

– Ты знаешь, чего я, черт возьми, хочу, Мэллори? – он наклоняется ближе, на его лице ярость. – Я хочу, чтобы тебя здесь не было.

Я едва не задыхаюсь от возмущения:

– Да пошел ты! Это *ты* просил меня быть твоим секундантом…

– Я хочу, чтобы ты была где-нибудь в другом месте. Тренировалась со своими собственными секундантами для игры со мной. Чтобы мы смогли сыграть по-настоящему уже в Италии. *По-настоящему*, понимаешь? – Его глаза сверкают. Рука все еще лежит на моей. Я чувствую ее вес. Тепло. – Возможно, твое присутствие в этом доме – единственное, что заставляет меня вставать по утрам, но давай перестанем притворяться, что эта ситуация похожа на то, в чем мы оба нуждаемся.

Я закрываю глаза. Он прав. Это… неправильно. Все это неправильно.

– У нас был всего один шанс, – шепчу я. – И я его упустила.

Как упускаю все в своей жизни. Друзей. Семью.

– Будут и другие турниры. – Нолан делает глубокий, успокаивающий вдох. – Через два года будет еще один чемпионат мира…

– Я не буду в нем участвовать. Я вообще не собираюсь притрагиваться к шахматам после этого лета.

Он сглатывает:

– Ладно. Что ж… что есть, то есть. – И отводит взгляд. Затем оборачивается ко мне, выражение лица становится мягче. – Прости. Ты права, я ничего не знаю о семьях. Пожалуйста, прими мои извинения и давай прекратим эту самую ужасную партию в твоей жизни. Давай просто… пойдем спать. Мы устали.

Я бросаю взгляд на доску. Расстановка черных напоминает любительский безумный беспорядок.

– Боже, что со мной не так?

– Транзиторная глобальная амнезия. О таком непросто догадаться.

У меня вырывается смешок, и мой гнев тает, как снег на солнце. Нолан тоже смеется – я чувствую его теплое дыхание у себя на щеке. Мы слишком близко.

– Прости. За игру.

В его глазах пляшут золотые искорки. С такого расстояния я легко могу разглядеть небольшие светлые веснушки у него на лице, и они… прехорошенькие. Так бы и съела.

– За такую игру только и извиняться.

Я хихикаю. Прокашливаюсь:

– Думаю, тебе стоит отойти. В этом доме живут другие люди.

Кажется, он не понял.

– И?

– Они могут зайти в любой момент и подумать, что мы тут занимаемся чем-то непотребным.

Нолан улыбается:

– Они скорее подумают, что мы убиваем друг друга из-за незначительной…

В моем мозгу происходит короткое замыкание. Может, все дело в том, что уже поздно и я потеряла коня меньше чем за десять ходов в самой унизительной партии в моей жизни. Может, все дело в том, как пахнет Нолан – знакомо и приятно. Я знаю лишь, что какое-то мгновение смотрю на него, а потом уже нет, потому что подалась вперед и коснулась своими губами его…

Поцелуй.

Что тут скажешь. Именно так это и называется – неловкий, легкий поцелуй. Я целую Нолана Сойера и…

Потрясенная, отстраняюсь.

– Прости. Прости. Я… – вскакиваю на ноги. Коленями задеваю доску, сбивая фигуры. Кончиками пальцев касаюсь губ, пытаясь понять, что чувствую.

Чувствую себя по-другому. Изменившейся.

– Мэллори.

– Я не знаю, зачем сделала это. Я просто… Мне так жаль.

Нолан не отрывает от меня взгляда, будто в этой комнате я единственный центр его притяжения, будто во Вселенной никогда не существовало никого подобного мне. Сердце бьется где-то в горле, и я хочу поцеловать его снова или убежать как можно дальше.

– Прости, я… – повторяю, не в силах закончить.

– Дотронулась – ходи, – бормочет Нолан. Он тоже встает. На каждый мой шаг назад он отвечает шагом вперед.

– Я… что?

– Ты коснулась меня. Теперь не можешь сделать вид, что ничего не было. Дотронулась – ходи.

– Я… Это не шахматы, – спиной натыкаюсь на что-то твердое. – Я всегда могу сделать вид, что ничего не было.

– Ну, тогда не делай. – Нолан ладонью обхватывает мое лицо. Он возвышается надо мной, прижимает к стене, и… я не возражаю. Это

пугает больше всего. – Прошу тебя, Мэллори.

– Все это… Нам надо закончить партию. Ты сказал, что хочешь сыграть со мной.

– Я сказал, что есть вещи, которых хочу сильнее.

Я зажмуриваюсь, но присутствие Нолана игнорировать не получается: его запах повсюду, в каждой клеточке моего тела.

– Разве не ты выбрал Каспарова◊ вместо секса? – ною я.

Когда открываю глаза, вижу у Нолана на губах легкую улыбку.

– И ты думаешь, причина в том, что с тобой я хочу играть меньше, чем с Каспаровым◊?

– Конечно. Почему же еще… О. – Я вновь закрываю глаза. – О.

– Я могу поцеловать тебя?

– Но игра…

– Я сдаюсь. Ты победила. Я могу поцеловать тебя?

– Нет! В смысле… зачем?

– Потому что хочу, – терпеливо объясняет Нолан. Почему я так взволнована, когда он абсолютно спокоен? – А ты нет?

– Я…

Хочу? В этом нет ничего удивительного. Нолан определенно самый привлекательный парень, которого я когда-либо встречала. К тому же я не извращенка из «Тиндера», которая говорит: «Поцелуи – это слишком интимно, давай лучше не смотреть друг на друга в процессе». Я много чего попробовала и не жалею. Так что меня останавливает?

Возможно, проблема в том, что я хочу этого слишком сильно. Слышу, как произношу это вслух, поднимаюсь на носочки и повторяю свой странный поступок – легко касаюсь губ, будто мне тринадцать и я прячусь с парнем за фитнес-клубом. Но на этот раз мне не приходится испытывать унижения, потому что Нолан целует меня в ответ.

Не сказать чтобы он был так уж хорош. По крайней мере, не сразу. Точно неплох, но я чувствую легкую нерешительность, отстраненность, и тогда мне кажется, что поцелуй был ошибкой. Просто не судьба. Два корабля в узком канале ночью проходят мимо и плывут каждый своей дорогой.

Но затем что-то происходит. Возможно, причина в том, что Нолан наклоняет голову. Меняет напор. Сильнее вжимается в меня – и все меняется. Его корабль врезается в мой, и моя спина прижимается к стене. Я понимаю, что он еще как этого хочет. Хочет очень, очень

сильно. Хочет почти так же, как и я. Это становится понятно по тому, как его нога раздвигает мои ноги и пригвождает меня к стене, как его рука уверенно ложится мне на бедро, будто я шахматная фигура, которую он собирается переместить. Он гортанно стонет, не разрывая поцелуя.

Он все-таки хорош. Теплый и напористый, внимательный и потрясающий на вкус и…

Где-то в доме хлопает дверь. Раздается смех. Слышатся шаги. Включается свет в коридоре. Я отталкиваю Нолана как раз вовремя.

– О, вы уже вернулись, – Эмиль. Стоит в дверях, торопливо пытаясь завязать халат. – Чем занимаетесь?

Я бросаю на Нолана взгляд, думая о том, что Эмиль – *его* друг. Так что бремя придумывать правдоподобную отговорку должно лечь именно на него. Проблема в том, что Нолан не отрывает от меня глаз – зрачки расширены, губы припухли. В общем, выглядит он как человек, который только что целовался.

– Эм, мы тут просто… – Я прокашливаюсь и выдавливаю из себя слабую улыбку. – Обсуждали ту самую партию Коха, которая…

– Ни слова больше, Гринлиф. – Эмиль шаркает к холодильнику. – Мне нельзя отвлекаться, иначе Тану убьет меня. Я за провизией. – Он берет остатки пиццы и три капкейка и исчезает, лишь взмахнув халатом и небрежно пожелав: – Доброй ночи.

Мы с Ноланом вновь одни.

И он по-прежнему не отрывает от меня глаз.

– Уже поздно, – говорю я, встречаясь с ним взглядом. Чувствую волнение. Из-за поцелуя. Мне как будто снова тринадцать. – Я устала. Я…

Нолан кивает и делает кое-что странное: протягивает мне ладонь. Спокойно. Без единого слова. Будто ожидает, что я возьму его за руку. Именно так я и поступаю: переплетаю наши пальцы и позволяю ему вести себя по коридору, останавливаясь только для того, чтобы выключить свет. Я смиренно следую за ним. Мы проходим мимо комнаты Тану, не обращая внимания на доносящийся изнутри приглушенный смех, затем мимо пустой комнаты Эмиля и мимо всех остальных, включая мою, пока не оказываемся в комнате Нолана, где пахнет чистой кожей, дорогими шахматами и его диваном из городской квартиры.

Как ни в чем не бывало он стягивает с себя джинсы, обнажая длинные мускулистые ноги.

– Что ты делаешь? – выпаливаю я.

Не глядя на меня, он нюхает свою рубашку, размышляя, кинуть ли ее в стирку.

– Готовлюсь ко сну.

– Я… – Что происходит? Зачем я пошла за тобой? Что вообще творится? – Почему ты не нервничаешь?

– Из-за чего?

– Из-за… – я жестом указываю на пространство между нами, – *вот этого всего*.

Нолан окидывает меня коротким взглядом:

– Не знаю. Мне это кажется правильным. Кроме того, я почти никогда не нервничаю.

Дарси однажды рассказала мне об исследовании, в котором изучали сердечный ритм шахматистов во время важных соревнований. У Нолана сердце всегда билось медленнее, чем у остальных. Ровнее. Так вот почему он сейчас спокойно стоит передо мной в боксерах и футболке «Коимбра[50] Шахматы 2019», а я трясусь как осенний лист?

– Ты этого не хочешь? – спрашивает Нолан.

– Нет. В смысле да. В смысле, я *не* не хочу этого. Но… мы только что поцеловались, и тебя это как будто совсем не удивляет и…

Он пожимает плечами:

– Так и есть.

– То есть?

– Я знал уже много месяцев назад, что хочу этого, Мэллори. Возможно, понял в тот день, когда мы с тобой сыграли в первый раз.

Я сглатываю:

– Не понимаю.

Нолан подходит ко мне вплотную. За два шага он оказывается рядом, и по какой-то необъяснимой причине меня трясет. Внутри землетрясение небольшой магнитуды, будто кто-то опрокинул на доске два десятка королей. Нолан вновь обхватывает мое лицо ладонями.

– Я здесь, Мэллори. Ничего плохого не случится. Позволь себе хотеть этого, потому что это у тебя уже есть. У тебя есть я.

О боже. Боже, боже, *боже*. Я начинаю дрожать еще сильнее.

– Я… Мы… Мы будем трахаться?

Я специально пытаюсь смутить его этим словом, но он по-прежнему невозмутим.

– Нет. Мы будем спать.

Мы ложимся на кровать, и каким-то чудом в этом нет ничего неловкого. На мне легинсы, хлопковая футболка и никаких украшений, так что вполне удобно. Не потому, что моя голова покоится у Нолана на груди, а его ноги переплетены с моими и я чувствую его ровное сердцебиение, похожее на мерное тиканье часов.

– Я не успела умыться, – говорю я. Меня все еще потряхивает, хотя и не так сильно. Я буквально сама не своя.

– Ничего страшного. В девятнадцатом году в Коимбре победил Антонов.

У меня вылетает нервный смешок.

– Я… Не думаю, что смогу уснуть.

– Хочешь, расскажу тебе сказку на ночь? – Рука Нолана мягко проходится по моим волосам на затылке. – Она называется «Полгар против Ананда, 1999 год» и начинается с e4–c5.

Я издаю стон. Но затем с улыбкой спрашиваю:

– И что потом?

– Конь на f3. d6. d4.

– М-м-м.

– Ага.

– И что потом?

– Сначала черная пешка съедает белую на d4, затем белый конь съедает черную пешку на том же поле. Конь на f6. Конь на c3…

Я засыпаю на середине игры – во второй раз в жизни в чьих-то объятиях. Во второй раз в жизни в объятиях Нолана Сойера.

Глава 21

К трем часам следующего дня Нолан не сказал мне больше пятнадцати слов.

«Зачем он пошел конем на a5?»

«Мог бы пожертвовать королевой».

И мое любимое: «Я пойду за маффином – тебе принести?»

Возможно, предыдущая ночь была галлюцинацией. Возможно, наш поцелуй мне приснился. Я проснулась в полном одиночестве, на прикроватном столике дымилась кружка со свежим кофе. Возможно, мне не помешает провериться у…

– Что ты думаешь, Мэл? – спрашивает Тану. Судя по интонации, вопрос она задает не в первый раз.

– О чем?

– Об этой позиции. Что бы ты сделала?

Я бросаю взгляд на доску. Мы анализируем одну из прошлогодних партий Коха. Ну, остальные анализируют. Я витаю в облаках.

– Слабая. Ферзевый фланг практически не защищен.

– Ага, Нолан сказал то же самое.

Подняв на него глаза, я моментально заливаюсь краской. Судя по всему, теперь я такая – переживаю, что какой-то рандомный чувак, с которым я даже не спала, потерял ко мне интерес, потому что у меня в голове каша, я ворочаюсь, когда сплю, а мое утреннее дыхание не ароматнее мусорки за рыбным рестораном.

Все это пока для меня неисследованная территория. Совершенно новая галактика. Я и так привыкла волноваться, что мама, Дарси, Сабрина и Истон думают обо мне. Еще один человек в этот список не влезет.

– Ты согласна, Гринлиф? – спрашивает Эмиль.

Дерьмо.

– Прости, с чем?

– С тем, что сказал Нолан.

Выражение лица Нолана непроницаемо.

– Он слишком поздно сделал рокировку, – повторяет он.

Я вновь окидываю доску взглядом.

– Ну, или ему не надо было делать рокировку в принципе, – произношу я, притворяясь, что ни капельки не взволнована.

– Кох такой нестабильный. – Эмиль потирает виски. – Как можно в одной партии совершать такие идиотские ошибки, а в другой – выдавать шедевры, как в партии против Гринлиф? У него как будто раздвоение личности.

– И какая личность будет играть в Италии? – спрашивает Тану.

Никто не отвечает. Нолан смотрит в пустоту, а я тем временем совершенно неприличным образом пялюсь на него.

Мы анализируем эндшпили Коха до позднего вечера. Когда Нолан и Эмиль наконец встают, чтобы приготовить ужин, солнце уже несколько часов как скрылось за горизонтом.

– Ты здесь до конца января? – спрашивает Тану низким голосом.

Парни в это время спорят, когда нужно бросать макароны в воду: до или после закипания. (Нолан: «Какая разница? Так быстрее». Эмиль: «Ты – и я особенно хочу это подчеркнуть – неотесанный крестьянин».)

– Такой был план. А ты нет?

– Только до начала семестра.

– Оу, – я думаю о том, что мы с Ноланом останемся совсем одни в этом доме. – Оу.

– Конечно, Дефне приедет и поможет, когда нас не будет, – продолжает Тану.

Я хмурюсь. Дефне одобрила мой статус секунданта Нолана, потому что считает, что это отличная практика, но…

– Я не знала, что они так близки.

– О, они *еще как* близки. Их обоих тренировал дедушка Нолана до того, как… ну, понимаешь. Но ты все равно будешь нужна Нолану. Он не показывает, но непредсказуемость Коха пугает его до чертиков. Ему нужно, чтобы рядом был кто-то, кому не все равно. Такой человек, как ты, понимаешь?

О боже.

– Тану, мы с Ноланом… – Я трясу головой и придвигаюсь ближе, балансируя на краешке стула. – В смысле, возможно, мы близки с ним в каком-то смысле, но мы точно не вместе.

– О, отношения – странная штука, я в курсе, – Тану ободряюще улыбается. – Мы с Эмилем технически тоже не вместе, потому что… ну. Не то чтобы он меня заслуживает, но отношения на расстоянии – отстой. Нолан же просто без ума от тебя.

– Все… – Я мотаю головой. – Все сложно.

Она смеется, и в этом смехе одновременно кроются смущение и восхищение.

– Что ж, я не в курсе, что между вами происходит, но я ни с кем не видела его таким спокойным и счастливым, как с тобой.

Я открываю рот, чтобы ответить, но внезапно появившийся Эмиль опережает меня:

– Эй, ребята, не хотите сыграть два на два? Нас четверо, так что отлично делимся на две команды.

Я быстро прикидываю возможные расстановки. Я буду или против Нолана, или…

– Чур я с Мэллори! – кричит он из кухни.

Тану многозначительно выгибает брови, и я закрываю глаза. Несколько секунд спустя, когда Нолан возвращается с кухни, они все еще закрыты. Вместо того чтобы сесть на свободное место, он как ни в чем не бывало садится между мной и спинкой моего стула.

Я едва могу дышать. Нолан большой и всегда занимает много места, поэтому так не пойдет. Я могу упасть.

Хотя здесь, почти у него на коленях, со мной все будет в порядке. Одной рукой он расставляет черные фигуры, другая покоится у меня на животе. Его движения такие же, как прошлой ночью, – уверенные, успокаивающие. Мне нравятся его прикосновения. А еще больше запах его кожи. Брови Тану взлетают, и Эмиль ходит пешкой на d4, словно не заметив, что я сижу между бедер его лучшего друга.

– Хочешь пойти первой? – шепчет Нолан, губами касаясь моего уха.

Меня пробирает дрожь. Затем я киваю, чувствуя, как волосами прохожусь по его подбородку. Моя кожа горит, и я слишком взволнована, чтобы трезво мыслить, поэтому делаю ход особо не задумываясь.

Конь на f6.

И только когда Нолан издает стон и зубами вгрызается в мочку моего уха, я вспоминаю, как он ненавидит защиту Грюнфельда.

Из пяти партий мы с Ноланом выигрываем четыре, и это моя вина. Оставленная без защиты королева.

– Вот это… ход, – говорит Тану, передвигая коня, и Нолан хрипит позади меня, а затем прячет лицо в изгибе моей шеи, как будто больше не в силах смотреть на то, что я тут устроила.

Я хочу зашипеть на него и сказать, что если бы он так не прижимался ко мне и не трогал мой живот, то, возможно, мой мозг не превратился бы в кашу. Но своим дыханием он щекочет мне затылок, и, пока все тщательно обдумывают свой следующий ход, в тишине комнаты я чувствую биение его сердца и наслаждаюсь теплом его кожи.

Я никогда и ни с кем не была так близка без секса.

Я никогда и ни с кем не была так близка даже *во время* секса.

И я никогда в жизни не была такой несобранной перед доской. Хуже всего, что я не думаю, будто Нолан играет со мной. Время от времени он кладет подбородок мне на плечо – по-мальчишески, бесхитростно, – и я понимаю: он просто делает что хочет. Так совпало, что меня все это невероятно отвлекает.

Когда Тану предлагает посмотреть фильм, Нолан первый заявляет: «Я спать». Он загружает посудомойку и направляется к себе в комнату, рассеянно помахав рукой. Я же остаюсь в комнате, где почти физически ощущаю его отсутствие, и слушаю язвительные комментарии Эмиля о фильмографии Аронофски. Я воздушный шар,

который с каждой секундой становится все больше и в любую секунду готов лопнуть.

Решаю сбежать. Оставляю обсуждение Аронофски позади и выхожу в коридор. Даже не удосуживаюсь постучать – просто открываю дверь и захожу в комнату Нолана. Не лучшая идея, если учесть, что он только что снял рубашку и из одежды на нем лишь джинсы.

Я прислоняюсь к двери. Черт. Что я творю?

– Ох уж эта беззащитная королева, – говорит Нолан со слабой улыбкой, будто то, что я ворвалась к нему в комнату, так же естественно, как закат солнца. У него подтянутое, мускулистое тело. Мне любопытно, когда он находит время для тренировок, которые позволяют ему так выглядеть. – Хотя, уверен, Тану и Эмиль были признательны за эту победу.

– Можешь объясниться, пожалуйста?

– Объясниться?

– Что было прошлой ночью, – я неопределенно жестикулирую, – и этим утром, и днем, и вечером, и происходит сейчас.

Нолан склоняет голову:

– Ну да. Время примерно так и работает.

– Нет, я… – Крепко зажмуриваюсь. – Мне все это не нравится.

– Не нравится что?

– Что я пришла к тебе в комнату и прошу объяснений… что ты у меня в голове, и я… – Провожу ладонью по лицу. – Нет. Послушай… Мне все равно. Меня не должно волновать, как ты ко мне относишься. У меня есть семья, и мне нужно о ней заботиться. Нужно кучу всего для них сделать. Но ты целуешь меня, а потом игнорируешь, делаешь вид, будто ничего не было.

– Ага. – Нолан скрещивает руки на груди. – Прямо как ты обычно делаешь, правда?

– Что?

– Ты обычно забиваешь на людей. Бросаешь их, пока они не успели бросить тебя, верно? Почувствуй наконец сама это смертельное унижение.

– Так нечестно. – Я отталкиваюсь от двери и начинаю ходить туда-сюда по комнате. – Это другое. Я обычно не… Я ответственна за семью. У меня нет времени витать в облаках, Нолан. Я не могу

позволить себе отвлечься на людей, которым я на самом деле не нужна. Но ты… *ты*…

Мой взгляд цепляется за листок у него на столе, придавленный стопкой книг по шахматам. Папа так же свалил бы все книги в одно место, чтобы я смогла присесть на диван.

Рекламка немецкой шахматной федерации. Из Торонто. Оставшаяся после того вечера, когда мы…

– Крестики-нолики.

– Что? – Нолан подходит к столу и встает позади меня. – О, ну да.

Он хранил эту бумажку как трофей. Привез из Торонто в Москву, затем в свою квартиру в Нью-Йорке, а потом сюда. Внутри меня разливается тепло.

Я сопротивляюсь. Кусаю щеку изнутри. Затем сдаюсь и спрашиваю:

– Почему ты ее сохранил?

– Она напоминала мне о тебе.

Нолан обхватывает меня за ребра, прямиком под грудью, и я закрываю глаза.

– Почему ты хранишь что-то, что напоминает обо мне?

Даже стоя к нему спиной, я чувствую, как он пожимает плечами.

– Потому что я все равно о тебе думаю, Мэллори.

Я поворачиваюсь. Заставляю его отпустить меня. Это невыносимо. То, как близко он стоит. Как упорно меня тянет к нему, несмотря ни на что. Вот чего я избегала – того, что рано или поздно закончится ложью и предательством. Я видела, как это происходит.

– Чего ты хочешь от меня, Нолан? И пожалуйста, перестань улыбаться.

– Я не улыбаюсь, – его улыбка становится шире.

– Я серьезно, если ты не перестанешь улыбаться.

– Такая себе угроза. Тем более так не говорят, это грамматически неверно.

– Что тебе от меня нужно? Что мы… – Я прячу лицо в ладонях. Я слишком уязвима. Неопытна. Все это слишком рискованно и постоянно заставляет меня в себе сомневаться. – Я не понимаю, почему ты все время в моей голове.

– Ты тоже все время в моей голове. Но я знаю почему.

Я издаю стон и заставляю себя посмотреть на него. Он больше не улыбается.

– Просто… что тебе от меня нужно?

– Всё, – произносит он спокойно. Словно это неоспоримый факт. Он словно обнажен, но это не имеет ничего общего с тем, что на нем нет одежды. – Я весь твой. – Нолан медленно опускает голову, пока наши лбы не соприкасаются. Его глаза сливаются в один, прямо на носу.

Теперь я слышу только наше дыхание, и что-то внутри меня встает на свое место.

– Как насчет тебя, Мэллори?

Я молчу. И вместо ответа делаю то, что умею лучше всего: задираю подбородок, чтобы поцеловать Нолана, и это работает так же, как слова.

Ощущения даже лучше, чем вчера. Он так крепко держит меня, что я оказываюсь прижата к шкафу и руками обвиваю его за шею. На мне футболка, а на нем сверху совершенно ничего нет, так что я могу касаться его спины – мягкой и солнечно горячей. Я приоткрываю рот, и Нолан облизывает мою нижнюю губу, после чего его язык скользит вдоль моего. Неуклюже, возбужденно, настойчиво, восхитительно. Беспомощные, горячие, гортанные звуки, которые из нас вырываются, наверное, кого-то смутили бы, но мне все равно.

Все равно, даже если я больше никогда не смогу дышать.

– Давай немного помедленнее, – прошу я. – Давай просто…

– Я думаю об этом каждую секунду каждого дня. – Его ладонь скользит вверх по моей спине, и я ощущаю себя пешкой в его руках.

Нолан помогает нам развернуться и опуститься на незастеленную кровать. Смятые простыни впиваются мне в позвоночник.

– Ты играешь в самые красивые шахматы, которые я когда-либо видел, и я все время представляю тебя под собой. Это, твою мать, сбивает с толку.

На нас обоих слишком много одежды, и внезапно мне не хватает терпения. Мне нужна нагота. Нужна кожа – больше кожи. Я хочу, чтобы Нолан был ближе, чтобы было непонятно, где заканчивается мое тело и начинается его, чтобы нам обоим стало жарко. Я чувствую, как он возбужден. Эта близость кажется такой знакомой и душераздирающе интимной, как ничто в моей прежней жизни.

– Ты… – Я скольжу рукой по его прессу, опускаясь до края джинсов, и вот они – легкое сомнение, неуверенность, что я от него ожидала. – Нет? – спрашиваю я.

Его кадык вздрагивает, когда он сглатывает. На долю секунды я вижу, как дрогнули полные губы.

– Ты правда здесь? – Воздух между нами колеблется. – Порой мне страшно, что я выдумал тебя. Иногда я думаю, что ты существуешь только в моей голове.

– Здесь, – выдыхаю я и вся превращаюсь в жидкий жар.

– Я понятия не имею, что делаю, – произносит Нолан, мягко касаясь губами впадины у меня за ухом.

Я дрожу.

– Могу помочь, – говорю ему, несмотря на то что все мои нейроны превращаются в одно сплошное месиво.

– Слушаю.

– Это вроде как шахматы. Я делаю ход… – Медленно расстегиваю верхнюю пуговицу его джинсов. Скорее чувствую, нежели слышу, что он на мгновение задерживает дыхание. – Затем ты делаешь свой, – продолжаю.

Нолан приподнимается на локтях и смотрит на меня сверху вниз, будто раздумывая, где начать. Указательным пальцем он цепляется за край моей футболки, тянет ткань вверх и останавливается прямо перед бюстгальтером. Целую вечность изучает мой пупок и только затем говорит:

– Раз уж это мой первый раз, мне нужно преимущество.

– Дать тебе фору?

– Два хода.

Я смеюсь. И тут же перестаю, когда он заводит руки за мою голову, как бы говоря, что пусть толком и не знает, что делает, но у него есть планы, фантазии, стратегии – богатый внутренний мир, который он был бы не прочь сейчас задействовать.

– Надеюсь, – произношу я серьезным тоном, – что тебе понравится не меньше, чем шахматы.

– Думаю, – говорит мне Нолан с легкой улыбкой на губах, – что мне *уже* нравится не меньше, чем шахматы.

Глава 22

Мы просыпаемся рано утром. В полусонном состоянии делаем разные приятные штуки, которые требуют рук и не требуют презерватива. У меня был только один, завалявшийся в рюкзаке с доисторических времен. У Нолана их вообще не было. Судя по всему, нам действительно удалось обмануть самих себя и убедить, что ничего подобного не произойдет. Я засыпаю у него на груди, в его объятиях, чувствуя, как его частое дыхание замедляется, а затем становится совсем размеренным, – он заснул и утягивает меня за собой.

Вибрация телефона Нолана на прикроватной тумбочке будит нас, когда солнце уже высоко. Широко зевая, он берет трубку.

– Да? – его голос слишком громкий. Или нет. Может, так кажется, потому что мы лежим переплетенные, как морской узел, кожа к коже, непонятно, где чьи ноги. Свободной рукой Нолан зарылся в мои волосы и удерживает меня у изгиба плеча. – Это потому что я спал. Ага. Да. Конечно. – Кажется, он не впечатлен. Голос Нолана – прекрасная, теплая версия того, как в три часа ночи он приказывал мне перестать ворочаться. – Э-э.

Я отстраняюсь, чтобы полюбоваться на его полуприкрытые, уставшие глаза и опухшие губы. Пахнет он просто фантастически. Я хочу забраться ему под кожу. Хочу оказаться у него между ног и существовать только тогда, когда расширяется его грудная клетка. Я…

– Конечно. Она здесь. Сейчас спрошу.

Нолан прижимает телефон к плечу. Я расширяю глаза.

– Что? – шепчу я. – Зачем ты сказал, что я здесь! Можно подумать, я…

Нолан растерянно смотрит на меня:

– Что ты здесь?

Я издаю стон и вновь прячусь у него на шее.

– Тут намечается одно благотворительное мероприятие. Кто-то хочет, чтобы мы сыграли вместе против… – Нолан снова прикладывает телефон к уху. – Так против кого мы будем играть?

До меня доносится оживленный женский голос.

– Кто-то из компьютерной индустрии, – сообщает мне Нолан и в очередной раз переключается на собеседника. – Что, это Билл Гейтс? Эль, он вообще не умеет играть в шахматы. Я не могу специально растягивать игру – да я за минуту… Понял. Я тебе перезвоню.

Он отбрасывает телефон и притягивает меня ближе, накрывая нас с головой одеялом.

Весь остальной мир перестает существовать.

– Кто такая Эль? – интересуюсь я.

– Мой менеджер. – Нолан заправляет мне выбившуюся прядь за ухо. – Что ей сказать?

– Когда будет это мероприятие?

– Не раньше весны.

– Почему компьютерная индустрия?

– Там куча народу дрочит на шахматы, судя по всему.

Удивительно, но это даже кажется логичным.

– Зачем тебе менеджер?

– У всех профессиональных игроков они есть. Тебе тоже понадобится.

Я не собираюсь играть профессионально, Нолан. И ты это знаешь.

– Рекомендуешь обратиться к Эль?

– Черта с два. Беги от нее, пока можешь.

Я смеюсь:

– Могу я… подумать? Про эту благотворительную игру.

– Конечно.

Мы замолкаем, близко прижавшись друг к другу и укутавшись мягким хлопком простыней.

«Неужели прошлая ночь была правдой? – вопрошаю я, чувствуя, будто застряла во сне. – Почувствовал ли ты то же, что и я?»

Затем Нолан бормочет:

– Доброе утро. – И запечатлевает поцелуй у меня на лбу.

Тогда мне начинает казаться, что я в безопасности, что все подозрительно хорошо, что все по-настоящему.

Нолан вообще не умеет делать лицо кирпичом. Он попросту неспособен лгать, хитрить или что-то скрывать. Хотя и не собирается.

Каждый раз, когда я отхожу от доски, чтобы налить себе стакан воды, Нолан следит за моими движениями с легкой улыбкой. Он целует меня у холодильника, в то время как трое гроссмейстеров обсуждают французскую защиту в пяти футах от нас. Он берет меня за руку и заставляет выйти из дома, чтобы прогуляться по снегу перед заходом солнца, будто внезапно заделался сторонником здорового образа жизни.

Как бы я хотела сказать, что мне все это не нравится, но я наслаждаюсь каждой секундой.

Нолан обладает притягательной, болезненно искренней уверенностью в себе. Прошлой ночью все прошло прекрасно – *по-настоящему* прекрасно, – но в то же время это был его первый раз, *наш* первый раз: беспорядочный и несовершенный, полный заданных на выдохе вопросов, проб и ошибок. Его руки смело исследовали мое тело, хотя в отдельные мгновения я могла почувствовать его неуверенность и неопытность. Другие парни утонули бы в своей хрупкой маскулинности, но Нолан кажется глубоко, по-настоящему счастливым.

Вспоминаю, какие звуки я издавала, как громко вздыхала… Думаю, он чувствовал, что все делает правильно.

– Не могу поверить, что он решил использовать гамбит Эванса[51] три года назад, – комментирует Нолан партию Коха, которую мы недавно разбирали. Его следы на снегу почти в два раза больше моих.

– Ну да, не самый лучший выбор, потому что Фэгард-Ворк в итоге размазал его по стенке.

– И все же. Я не видел, чтобы кто-то использовал Эванса с той недели, как сам научился играть.

Я улыбаюсь:

– Кстати, когда это случилось?

– Что именно? – Нолан посылает мне озадаченный взгляд.

– Когда ты научился играть в шахматы?

– Не помню. Больше чем уверен, что ответ есть в «Википедии».

– Наверняка. Но, в отличие от моей сестры, я отказываюсь читать, что там написано. Личные границы и все такое. – Я останавливаю Нолана, потянув за пальто.

Он отдал мне свои перчатки, потому что на улице дубак, а я забыла взять свои. В них мои руки выглядят особенно крошечными, и Нолан улыбается, заметив это.

– Но все еще любопытно, – признаюсь я.

– Мне было… пять? Но я не то чтобы много чего понимал в том возрасте. Думаю, осознанно я играл уже в шесть.

– Тебя учил дедушка?

– Типа того. В то время он обучал множество людей, и я просто… хотел быть в центре событий. Он был самым крутым из всех, кого я знал, так что я всеми силами пытался привлечь его внимание.

– А твои родители были против?

Нолан пожимает плечами:

– Мой отец – засранец. И даже если бы он им не был, шахматы не его стихия. Когда я был маленьким, то часами думал о пазлах, лего или прочих игрушках, пытался понять их смысл, анализировал и не знал почему. Отец думал, что со мной что-то не так. Пытался заставить меня заниматься всевозможными видами спорта. И у меня были успехи, потому что я был высоким и быстрым, но все это не было…

– Все это не было шахматами?

Он кивает.

Я думаю об отце. О том, что он, наоборот, постоянно подталкивал меня в сторону шахмат. О том, что если бы он был жив, то мы бы, скорее всего, общались не больше, чем Нолан с его отцом. Сильно разные пути, один итог.

– Ты ненавидишь своих родителей?

Нолан не удерживается от смешка:

– Не думаю. Я вообще о них не особенно много думаю. Давно не вспоминал. – Он сглатывает. – Почему-то от осознания этого еще больнее.

Я протягиваю руку и опускаю ее в карман его пальто. Нолан выдыхает белое облачко пара в вечерний воздух:

– Это не имело значения, когда дедушка был жив, потому что он был тем, кто понимал меня. В детстве он был такой же, как я. Когда мои родители развелись, они перестали думать о том, что должны заботиться обо мне. Мама снова вышла замуж. Отец женился. Когда его новая жена забеременела, всем стало легче. Обо мне вспоминали в последнюю очередь, и я мог неделями оставаться у дедушки. Мы были вдвоем. Только и делали, что играли.

– Ты когда-нибудь его обыгрывал?

– О нет. Долгое время нет. До тех пор, пока мне не исполнилось девять или десять. Тогда я начал выигрывать, и это вызывало у меня страх. Дедушка ненавидел проигрывать так же, как и я. Так что я думал, что он разозлится. Но… – Нолан качает головой. – Думаю, я никогда не видел его счастливее.

– Возможно, он не ненавидел проигрывать так же, как и ты.

– Думаю… – Он останавливается, и я останавливаюсь вместе с ним. Мы смотрим друг другу в глаза. – Однажды он сказал мне, что порой, с некоторыми людьми, дело не в победе или поражении. Что с некоторыми людьми важно просто продолжать играть. Долгое время я ему не верил.

– Да? – Я отвожу взгляд, наблюдая за тем, как садится солнце. – Я все еще думаю о том, как проиграла Коху. Каждый день. Каждый час.

– Я знаю.

– Перестань читать мои мысли. – Я тыкаю его пальцем в живот. Но Нолан перехватывает мою руку и притягивает меня ближе. – А что делаешь ты, чтобы пережить поражение?

– Ничего.

– Просто каждый раз чувствуешь себя дерьмово?

– Чтобы стать топ-игроком, ты просто обязан ненавидеть проигрывать. Практически уверен, эти два гена находятся в одной хромосоме.

– Так вот почему ты не умеешь проигрывать?

– Ага. И ты тоже.

Я улыбаюсь:

– Не буду врать, звучит правдоподобно. Когда я была маленькая, никак не могла понять, почему Истон так спокойно относилась к проигрышу, тогда как даже ничья заставляла меня взрываться.

– Истон?

– О. Моя лучшая подруга. – Я сглатываю. – Бывшая лучшая подруга?

Нолан наклоняет голову:

– Она что, съела твою королеву?

– Нет. Она… уехала. В колледж. В Колорадо.

– А.

– Ну да. С тех пор от нее ни слуху ни духу. – Я вздыхаю. – Скажи, как вы с Тану и Эмилем не теряете связь?

– Это не то же самое. Эмиль все еще живет в Нью-Йорке, и он ненавидит общежития, поэтому постоянно зависает у меня. А Тану ты знаешь. Нужно постараться, чтобы от нее избавиться.

– Ага, – стараюсь, чтобы голос не звучал так, будто завидую. – Истон теперь считает меня скучной и неинтересной, потому что я… не знаю. Больше не играю с ней в пиво-понг?

– Она тебе так сказала?

– Нет. Но я точно знаю.

– Может, ты додумываешь?

– Нет.

Нолан кивает, и мне нравится, что он не пытается мне лгать или убедить, что это все мое воображение.

– Ты думала спросить у нее напрямую?

– Нет. Я… Не хочу, чтобы она меня жалела. Хочу, чтобы она общалась со мной, потому что сама хочет.

– Ну да, – Нолан вновь кивает со знающим видом. Подбородок врезается в ворот пальто. – Тебе и правда нравится за все отвечать.

– Что ты имеешь в виду?

– Тебе нравится быть главной. Чувствовать, что ты что-то делаешь для других. Контролировать.

– Нет. – Я хмурюсь. – Вовсе не так.

– Предполагаю, тебе легче с людьми, когда ты им нужна больше, чем они тебе. Не так рискованно. Не так опасно, верно я говорю?

– Нет. По словам Сабрины, моей семье теперь нужны от меня только деньги. И это Истон перестала со мной общаться, не я с ней. А ты – я определенно тебе не нужна…

– Но ты нужна мне.

Я фыркаю:

– Перестань. У тебя миллион секундантов, полчища фанатов, которые тебя обожают, Тану и Эмиль, пугающий менеджер Эль, журналисты, да весь мир…

– Мэллори. – Нолан заставляет меня остановиться. Выражение лица абсолютно серьезное. – Шахматы порой делают твою жизнь очень одинокой. Вокруг тебя может быть целая команда, но в самый ответственный момент ты совершенно один. Играешь один. Проигрываешь и выигрываешь один. Идешь домой – и там ты тоже один.

Он как будто вбирает в себя весь исчезающий свет – глаза темнее, чем когда-либо. А затем вновь смотрит на меня, заправляет выбившуюся прядь светлых волос мне за ухо и задает вопрос, который я никак не ожидала услышать:

– Ты поедешь со мной в Италию?

– В Италию?

Нолан кивает:

– На чемпионат мира.

– Я… Зачем?

У него дергается кадык.

– В мой первый раз, четыре года назад, рядом со мной был дедушка. Но с тех пор я всегда был один.

– Но там будут Тану и Эмиль и…

– Это так. Но…

Я словно вижу, как крутятся шестеренки у него в голове, будто он пытается понять, как выразить это неопределенное, непостижимое чувство.

– …но прежде всего они будут друг с другом, – завершает он.

Каким-то образом я понимаю, что именно Нолан имеет в виду. «Я понимаю, о чем ты, – хочется мне сказать. – Я чувствую то же, что и ты. Словно все вокруг – часть некой соединительной ткани, а ты болтаешься сам по себе. Ни с кем не связанный».

Сердце бьется быстрее, потому что все это кажется началом чего-то нового. Я дотронулась до фигуры и теперь обязана ее переместить – это неизбежно. Если соглашусь, наши отношения с Ноланом изменятся навсегда. Мы будем вместе. Будем больше, чем сумма наших частей.

Значит, я должна отказаться. Это единственный возможный выход. Я не имею права обещать быть рядом с ним: у меня есть свои приоритеты и обязанности. И все же.

– Ты хочешь, чтобы я поехала?

Он моментально кивает.

Я беру его холодную ладонь в свои руки и запечатлеваю поцелуй в самом центре, где пересекаются линии головы и сердца.

– Тогда я буду там, – улыбаюсь, чувствуя, как последние солнечные лучи растворяются в снегу. – Ради тебя.

Тем же вечером, после того как мы пропускаем последние партии Коха на Турнире претендентов через искусственный интеллект и решаем пойти спать в восемь часов, вместо того чтобы допоздна размышлять над результатами, мне в голову приходит мысль, что мы сейчас должны заниматься совсем другим.

Мы должны усердно тренироваться. Сфокусироваться на тактике, стратегии, подготовке.

Мы не должны безотрывно глазеть друг на друга, пока сидим за столом.

Мы не должны обмениваться легкими, спонтанными, ничем не оправданными улыбками во время страстной речи Тану о том, что «Вельвита» – ненастоящий сыр.

Мы не должны лишний раз касаться друг друга, когда Нолан передает мне тарелки, чтобы я положила их в посудомоечную машину.

И абсолютно точно мы не должны бросаться друг на друга в ту же секунду, как за нами закрывается дверь. Моя спина прижата к гладкому дереву, Нолан вжимается в меня, и мы тонем в безумном поцелуе. Технически – ничего нового, но внутри меня впервые бурлит нетерпение. Кажется, еще одна минута без физического контакта разорвала бы меня на кусочки. Точно такая же жажда и в Нолане.

– У нас все еще нет презерватива, – говорю я, на что он разочарованно хрипит у моего горла. Затем делает крохотный шаг назад.

– Я попрошу у Эмиля…

– Нет. *Нет!*

– Почему?

– Мне не хотелось бы, чтобы они знали.

– Мэллори. – Нолан целует меня в область скулы. Затем в нос. – Они знают.

– Ага, но им необязательно знать… – Теперь я не могу сдержать стон. – Давай просто завтра заедем в аптеку.

– Завтра? – Он отстраняется с таким неописуемым, театральным ужасом на лице, что я смеюсь и целую его.

– А мы тем временем можем заняться другими вещами.

Его пальцы скользят по моей спине, медленно массажируя каждый позвонок.

– Какими, например? Разгребать снег лопатой? Раскрашивать по номерам?

Я вновь смеюсь у его губ:

– Вариантов много.

– Пожалуйста, расскажи мне о них. Я новичок во всем этом. – Его рука скользит за ткань моих джинсов, отчего я резко выдыхаю.

– Нарушение правил.

– Нам позвать арбитра?

– Если только…

Но закончить не успеваю – звонит телефон, и Нолан разочарованно стонет. С хныканьем лезу в карман, с трудом протискиваясь между нашими прижатыми друг к другу телами.

– Это Дефне, – говорю я.

У меня дежавю – несколько месяцев назад, когда я лежала на диване Нолана, произошло то же самое. Она всегда выбирает лучший момент для звонка – с таким тренером у тебя никогда не будет личной жизни.

– Не бери, – приказывает Нолан, и я рада ему подчиниться.

Телефон летит на комод, и мы продолжаем там, где остановились, не в силах насытиться друг другом. Вскоре Нолан оказывается передо мной на коленях и начинает расстегивать мои джинсы.

– Так вот, – говорит он напротив моего бедра, – все эти вещи, которыми мы займемся. Среди них, случайно, нет…

Вновь мой телефон. Нет, не мой – теперь вибрирует телефон Нолана.

– Дерьмо, – рычит он, вынимает его из кармана и кидает рядом с моим.

Внезапно мой взгляд падает на экран, и я напрягаюсь:

– Подожди. Это опять Дефне.

С тех пор как я приехала сюда, она ни разу не звонила – просто время от времени присылала сообщения. Тогда…

Мы замираем.

Телефон Нолана перестает вибрировать и секунду спустя звонит снова.

Мы обмениваемся долгими взглядами, пытаясь отдышаться. Нолан издает глубокий стон разочарования и прячет лицо у меня на животе. Слегка дрожащими руками он обхватывает меня за талию. Я воспринимаю это как безмолвное согласие.

– Привет, Деф…

Нолан задирает мою футболку и прикусывает кожу рядом с пупком. У меня вновь сбивается дыхание. Я хихикаю, вздыхаю, пытаюсь оттолкнуть его от себя. А потом все повторяется.

– Привет, Дефне, – наконец выдаю я.

Нолан языком проводит дорожку внизу живота.

– Как у тебя де…

– Мэллори, я уже еду. Тебе нужно немедленно вернуться в Нью-Йорк.

Глава 23

– В смысле, Кох сжульничал? Ты же знаешь, сколько там было камер…

– Кто-то наконец посмотрел запись.

Дефне не очень хорошо слышно: она говорит по громкой связи. Шум на заднем плане то стихает, то становится громче, потому что она едет по трассе между штатами. Мы с Ноланом сидим на кровати и не отрываем глаз друг от друга, но я с трудом могу понять, что он чувствует. Его волосы все еще в беспорядке после моих пальцев.

– Помнишь, он все время вставал, чтобы пройтись? Так вот, у него на локте были спрятаны смарт-часы. Он отходил от доски, находил, по его мнению, слепую зону без камер и с кем-то связывался. Предположительно, с кем-то, у кого был доступ к шахматным программам. Но он просчитался и дважды попался на видео. Второй раз был как раз перед последним ходом.

– Этот кусок дерьма, – бормочет Нолан. Челюсть напряжена, большой кулак сминает простыни.

– Что это значит? – спрашиваю я Дефне. – В плане чемпионата мира?

– ФИДЕ еще не делала никаких официальных заявлений. А Кох все отрицает и грозит судом. Но, Мэл, доказательства неоспоримые. Им придется его исключить.

– Значит, если Кох дисквалифицирован… – я думаю о возможных последствиях. Грудь сжимается от разочарования. – Значит, Нолан

побеждает по умолчанию? И нам придется прекратить тренировки?

Подобные перспективы расстраивают меня сильнее, чем хотелось бы. Я пытаюсь смириться с этой мыслью в течение долгой паузы, а Нолан загадочно смотрит на меня. Затем Дефне шумно выдыхает.

– Мэл, – начинает она, – ты…

– Не совсем так, – перебивает ее Нолан.

– Тогда как? – я озадаченно хмурюсь. – Они не могут заново провести Турнир претендентов?

– Им и не нужно, – спокойно отвечает он.

Воздух между нами наэлектризован, внезапно превратившись в магнитное поле. И тогда до меня доходит.

Им не нужно, потому что у них уже есть претендент, который занял второе место.

Тот, кто почти победил, пока не проиграл в партии с Кохом.

Я.

– Но мы… Мы с Ноланом… – я взволнованно трясу головой. – Мы с Ноланом вместе тренировались.

– Именно поэтому я еду забрать тебя, Мэл. Буду через несколько…

Нолан сбрасывает звонок. Телефон тут же начинает вибрировать снова, но мы не обращаем внимания. Мы удерживаем взгляд в течение секунды – десяти лет, – и я без понятия, что думать, как относиться к тому, что только что услышала.

– Прости, я… – Встаю с кровати и смотрю на стопку книг на комоде, пытаясь привести мысли в порядок.

Если Дефне права, если ФИДЕ *действительно* попросит меня приехать на чемпионат мира… Три миллиона долларов. Я выкуплю дом, куплю маме все необходимые лекарства, оплачу сестрам университет. В конце концов, оплачу университет себе. Наша жизнь изменится.

Но мне придется признаться во всем маме и Сабрине. И они могут возненавидеть меня. Вдобавок ко всему есть другая проблема – Нолан. Три минуты назад я пыталась забраться к нему под кожу. Не одну неделю я была его секундантом. Я знала его слабые места, стратегии, тактики. Играть против него будет все равно что ограбить дом, ключ от которого он вручил мне для сохранности. Крайне неэтично.

О боже.

Не могу представить, как он, должно быть, потрясен. Как напуган. Как чувствует себя преданным от одной мысли, что я буду использовать против него все, что он сам мне рассказал.

Я поворачиваюсь и смотрю на него, собираясь убедить, что ничего подобного не случится, пообещать, что никогда так не поступлю. Но вижу, что он…

Улыбается?

– Что? Почему ты выглядишь таким счастливым?

– Потому что все складывается идеально. Потому что теперь это ты. – Он поднимается и подходит ко мне вплотную с расплывающейся улыбкой. Такой широкой, что я замечаю редкую ямочку на щеке. – Теперь я смогу с тобой сыграть.

– Я… нет. Мы не можем.

– Думаю, можем. – Он притягивает меня к себе, и я ему позволяю.

– Мне нужно подумать.

– Конечно. Думай. Можешь начать думать вслух. – Его изогнутые губы прижимаются к моему горлу. – Думай, пока я буду целовать тебя. Везде.

Я смеюсь. Затем его пальцы вновь тянутся к пуговице на моих джинсах. Я перестаю дышать от осознания, как сильно этого хочу. И хочу, чтобы это был он.

– Могу ли я сделать то, что делал с тобой в том сне? – спрашивает Нолан.

– Если я… – отстраняюсь, чтобы взглянуть на его счастливое лицо, в котором отражается все его желание. Внезапно испытываю ту же радость, что и он. Только мы вдвоем. Я, он и шахматная доска. – Я должна уехать?

– Нет.

– Но мы не можем тренироваться вместе.

– Тогда не будем. Я буду тренироваться в этой комнате. А ты займешь весь остальной дом.

– Все равно я знаю твои стратегии, Нолан. Знаю, как именно ты готовишься. И… – Я протягиваю ладони, чтобы коснуться этого красивого, упрямого, восхитительного лица. Прикусываю его нижнюю губу, потому что не могу держать себя в руках. – Это сумасшествие. Почему ты так рад?

Его улыбка остается по-прежнему широкой.

– Ты не знаешь?

Мое сердце увеличивает скорость до максимума. Едва не пробивает грудную клетку – так сильны мои эмоции. Я не хочу уезжать. Я хочу быть с Нолаком. Хочу спать с ним в этой кровати. Хочу просыпаться рядом с ним и чтобы он прижимал меня к себе. Хочу есть переваренные макароны, которые он готовит, пользоваться его зубной пастой и моментально считывать его настроение.

– Нолан, – шепчу я у его губ.

– Мэллори.

– Не пугайся, – говорю больше самой себе, – но, думаю, я в тебя…

С треском распахивается дверь.

– О боже, младенчик Иисус, ребята, вы видели?.. О, сорян.

Нолан издает раздосадованный стон. Нам требуется минута, чтобы распутать переплетенные конечности и повернуться к Тану, – это она влетела в комнату не постучавшись.

– Кох? – уточняет Нолан хриплым голосом и рукой обвивает меня за талию, как будто физически не может не касаться меня.

Я прислоняюсь к нему просто потому, что могу.

– Он сжульничал! Эта сучка с мозгом пичуги! Мы должны были догадаться, что он использовал программу.

Я ухмыляюсь:

– Это точно.

– А этот тикток? Мудачий мудак, правда?

Нолан моргает:

– Какой тикток?

Секунду спустя мы смотрим, как Кох (@большойКох, я его презираю) говорит перед стеной, на которой, очевидно, без всякой иронии висит его портрет маслом. Немецкий акцент сильнее, чем обычно.

– Я не нарушал правил. Видео сфабриковано, и мои юристы уже обратились по этому вопросу в ФИДЕ. Я поеду в Венецию и надеру Сойеру задницу.

Нолан за моей спиной мягко фыркает.

– О, он запостил еще один, – говорит Тану. – Давайте посмотрим, как низко он пал.

– Не удивлюсь, если за всем этим стоят люди Сойера. Он очень боится сыграть против меня, потому что знает, что, скорее всего,

проиграет. Он пытается не допустить этой встречи. Например, не только пропихнул свою пассию на Турнир претендентов, но и оплатил ее стипендию в «Цугцванге». Очевидно, он пытается поменять своего соперника, чтобы не играть против меня, самого сильного игрока, и сохранить титул чемпиона мира.

Я возмущенно усмехаюсь:

– Мы вообще можем обвинить его в клевете? Я имею в виду юридически.

Бросаю взгляд на Тану, которая как раз учится на юриста, ожидая услышать что-то типа: «Да к черту его». Но замечаю лишь виноватый взгляд – и внутри меня замерзают остатки тепла.

– Он неправ, – я наполовину утверждаю, наполовину задаю вопрос. – Это неправда. Нолан не имеет никакого отношения к моей стипендии. Он ничего не сделал, чтобы я попала на Турнир претендентов. Он…

Я поворачиваюсь. Нолан молчит, темный взгляд темнее, чем обычно. Я трясу головой.

– Нет, – я сглатываю и как будто ощущаю в горле осколки стекла. – Нет.

– Мэл. Нолан, мне так жаль, – выпаливает Тану.

– Ты не оставишь нас на минутку? – просит ее Нолан.

– Я не знала, что он скажет об этом… Я не знала, что он вообще был в курсе…

– Тану, – повторяет Нолан, и через мгновение она исчезает.

Дверь закрывается, и я чувствую, как кипит мой мозг. Все это… нет. Нетушки. Да пошло оно все.

– Дефне была в курсе? – спрашиваю я. – Что деньги от тебя? Потому что она упоминала, что у клуба есть разные спонсоры и…

– Она знала, – спокойно отвечает он.

Я сжимаю зубы:

– Ну да. Что ж, и Тану знала. Предполагаю, Эмиль тоже, раз уж информация дошла до Коха…

– Мне пришлось сообщить о своем пожертвовании в ФИДЕ. Предполагаю, именно так он и узнал. Но это не имеет никакого отношения к тому, что между нами происходит, мы…

– Это имеет *самое прямое* отношение к тому, что между нами происходит. – Последние шесть месяцев внезапно становятся

вечеринкой, на которую я пришла последней. Или была здесь все это время – но сидела в чулане с завязанными глазами. – Тебе ведь нравилось приходить к нам домой и знать, что свет горит только благодаря тебе?

Возможно, я должна быть благодарна, но не могу перестать чувствовать себя обманутой. Он манипулировал мной. Совсем как отец, когда поцеловал женщину в комнате для арбитров и сказал, что это ничего не значит.

Ты солгал мне. Как ты мог?

– Ты реально думаешь, что мне в голову могут прийти такие мысли, Мэллори? – Нолан сжимает и разжимает кулак. Затем проводит рукой по волосам. – Твоя игра была самым прекрасным из всего, что я видел в жизни. Я хотел дать тебе возможность…

– Откуда ты вообще знал, что я приму это предложение?

– Я не знал. Просто надеялся. Ты работала в дерьмовом месте, и тебе нужно было выбираться оттуда.

– Что ты вообще знаешь о дерьмовом месте, где я работала?.. О боже. – Я делаю шаг назад, будто он ударил меня в солнечное сплетение. – Ты каким-то образом уговорил Боба уволить меня?

Нолан раздраженно вскидывает руки:

– Да кто такой Боб?

Я ему не верю. Больше не могу верить.

– Ты имеешь какое-то отношение к тому, что я потеряла работу?

– Нет, но, твою мать, я бы хотел, Мэллори. – Он резко выдыхает. – Хотел быть тем, кто вытащит тебя из той жизни, которую ты для себя выбрала.

Я возмущенно хриплю:

– Я содержу семью, Нолан! Я не выбирала такую жизнь – мне просто нужно было обеспечить им финансовую стабильность. – Я даже не пытаюсь быть вежливой.

Нолан подходит ближе, его ноздри раздуваются, лицо всего в дюйме от моего.

– Так проще, не правда ли? Прятаться у них за спиной, – говорит он. – Использовать семью как миленькую подушечку между тобой и реальным миром.

Я задираю подбородок.

– Да как ты смеешь? Моя мать больна, а сестры…

– С твоими сестрами все в порядке, о них заботятся. И уже довольно давно. А ты все продолжаешь использовать их как оправдание, чтобы ничего не менять в своей жизни. С твоим талантом, с тем, что происходит между нами…

– С тем, что происходит между нами? Ты имеешь в виду, что мы переспали? Для меня это ровным счетом ничего не значит. А то, что ты лгал мне целых четыре месяца? Что обманом заставил вернуться к шахматам, поехать на Турнир претендентов, стать твоим оппонентом на чемпионате мира? Не представляю, чего ты еще от меня хочешь.

– Я люблю тебя, – спокойно говорит Нолан.

Это не отчаянная попытка что-то изменить – просто безэмоциональная констатация факта. Его глаза так близко, что я могу пересчитать оттенки темноты и вижу среди них багряный.

Не в первый раз кто-то признается мне в любви посреди океана лжи.

– Нет, – отрезаю я, – ты не любишь. Потому что если бы любил, то сказал бы правду. Если бы любил, то понял, что семья всегда стоит для меня на первом месте. Если бы любил, не играл бы с моей жизнью, просто чтобы выбрать для себя следующего оппонента на чемпионате мира…

– Господи, Мэллори, я не… – Он делает глубокий вдох, пытаясь успокоиться. – Послушай, я понимаю, тебе это не нравится, и уважаю твое мнение, но ты говоришь как сумасшедшая.

– Кому как не тебе знать, что это такое, – отвечаю я спокойно. Равнодушно. И даже когда вижу боль в его глазах, продолжаю: – Ты не любишь никого, кроме себя. Ты манипулируешь людьми, ты эгоист. Ты одинок, потому что семья ненавидит тебя. И теперь я тоже тебя ненавижу.

Внезапно дверь распахивается, но мне не нужно смотреть, кто пришел. Я удерживаю взгляд на красивом, лживом лице Нолана, полном страдания, и пытаюсь убедить себя, что навсегда запомню боль, которую испытываю в этот момент. Вот предательство и разочарование, которых я ждала.

Никогда не сбивайся со своего пути, Мэллори. Никому не верь. Никому не доверяй.

Мое сердце трепещет, но я сжимаю его в тиски так сильно, что оно почти перестает биться.

– Привет, Дефне, – говорю я, гордясь твердостью своего голоса. – Ты как раз вовремя. Я готова уезжать.

Глава 24

Я кладу замерзшие пальцы в карман, делаю глубокий вдох и пытаюсь говорить спокойно, но мне это, конечно, не удается:

– Честное слово, волосы лежат идеально, резинка сочетается с топом. Теперь мы наконец можем поехать?

Сабрина неторопливо пушит волосы, поправляет помаду, берет рюкзак и останавливается передо мной на пути к двери.

– Просто потрясающе. Тебя не было неделями, – она проверяет свои невидимые часы, – и мы прекрасно справлялись и опоздали в школу, – еще один взгляд, – ровно ноль раз. – Потирает подбородок. – Получается, нам не нужно, чтобы ты командовала. Пища для размышлений, не так ли?

Она проскальзывает мимо. Я вздыхаю и следую за ней, стараясь не наступать на скрипучий снег по пути к машине.

Похоже, Сабрина не очень довольна мной.

С другой стороны, мной не доволен вообще никто. С тех пор как Дефне три дня назад привезла меня домой, Дарси спит в комнате Сабрины. Судя по всему, она настолько злится на меня за то, что я решила не ехать на чемпионат мира, что было проще помириться с Сабриной, с которой они постоянно ругались последние несколько лет. Мама кажется уставшей, взволнованной и как будто подозревает меня в чем-то из-за того, что я вернулась со своих «ночных смен по двойной ставке в центре для пенсионеров» раньше, чем обещала. Даже миссис Абебе окинула меня странным взглядом, когда увидела,

как я рано утром расчищаю снег перед нашей общей подъездной дорожкой, из-за чего проснулся ее ребенок.

Но меня все устраивает. Я бы даже сказала, что в этом есть смысл, потому что я тоже никем не довольна. К черту Истон за то, что она прочитала мое сообщение с мемом, где Адам Драйвер бьет стенку, и не ответила. Она в принципе не поддерживает все мои попытки вновь начать общение. К черту Сабрину и Дарси за то, что недовольны моим присутствием в доме, за который я выплачиваю ипотеку. К черту Тану, Эмиля и Дефне за то, что согласились участвовать в этом кукольном спектакле, где меня тупо дергали за ниточки. И к черту Нолана за…

Он даже не стоит того, чтобы о нем думать. Я осталась одна наедине с людьми, которые меня ненавидят, с людьми, которых ненавижу я, и, конечно, экзаменом на получение сертификата механика, на который наконец записалась. Когда все начиналось, я ставила себе только одну цель – не отказаться изучать гамбит Стаффорда[52], не влюбиться в лжеца-манипулятора, а обеспечить будущее своей семье.

И вот я вернулась домой. Забыла про шахматы. Ничего меня не отвлекает. Я контролирую свою жизнь.

Утро я обычно провожу в центре тестирования, с головой погрузившись в задания с вариантами ответов про подогрев и кондиционирование. Про автоматическую коробку передач. Про то, как починить двигатель, и общую производительность автомобиля. Тормоза, подвесные колодки, рулевой механизм. Электронные системы управления.

Потом иду за бабл-ти и тайком проношу напиток в библиотеку. Я пробила новое дно и теперь вру семье, что хожу на работу, а это значит, мне где-то надо убивать время до пяти вечера. По крайней мере, я наконец вернулась к книжному марафону по Гарсии Маркесу. Остальные участники нашего онлайн-клуба перешли на Харуки Мураками аж в декабре, но я не собираюсь сдаваться.

Ну, или так думаю.

Мы с Дарси сидим в машине уже двадцать минут, когда я понимаю, что с меня довольно.

В любой другой день я с удовольствием подождала бы Сабрину, пока она зависает со своими друзьями с дерби, даже несмотря на минус девять за окном. Мы с Дарси отрывались бы под песни с KIIS FM, меняя слово «любовь» на «пук». Но Дарси или слишком зла на меня за то, что я отказываюсь обсуждать с ней шахматы (идет четвертый день молчаливой забастовки – она и правда взрослеет), или слишком увлечена чтением «Тебе стоит увидеть меня в короне»[53], чтобы обращать на меня внимание. Я могла бы позалипать в телефоне, но выучила свой урок: когда тобой особенно заинтересованы журналисты, в интернет лучше не заходить.

Так что я вылезаю из машины и кричу через полупустую парковку:

– Сабрина! Пора ехать!

– Ага, – она хихикает, глядя на то, что показывает ей Маккензи в своем телефоне. – Еще секундочку.

– Я дала тебе секундочку десять минут назад. Затаскивай свою задницу в машину.

Сабрина закатывает глаза и демонстративно вздыхает. Я делаю вид, что ничего не замечаю. Маккензи наклоняется, чтобы что-то шепнуть на ухо Сабрине, та что-то бормочет в ответ, и они обе смеются, смотря в мою сторону… Этого я игнорировать не могу. Чувствую, как внутри закипает гнев, и напоминаю себе, что ей всего пятнадцать. Да, ее лобная доля еще представляет собой кусок теста. И если они с Дарси во время поездки домой предпочитают обсуждать «Ривердейл», а меня в разговор не допускают, я не против.

Просто впиваюсь в руль с такой силой, что костяшки белеют.

– В субботу мне нужно к Тотове, – говорит Сабрина, когда мы уже дома и я копаюсь в морозилке в поиске остатков курицы.

– Как насчет «пожалуйста»? – бормочу я.

– Не с тобой разговариваю.

– Что ж, мама не повезет тебя…

– Новые лекарства прекрасно помогают, – мама улыбается Сабрине. – Я тебя подвезу.

– Круто. – Сабрина целует маму в щеку, и они обе исчезают в коридоре.

Я в одиночестве принимаюсь нарезать овощи, чтобы потом приготовить их в мультиварке, размышляя о том, что, возможно, пока меня не было, семья переросла не только потребность во мне, но и желание быть со мной.

Задаюсь вопросом, что еще отняли у меня шахматы.

Мама, Дарси и Сабрина болтают в гостиной – это их новая традиция, судя по всему: они так делают каждый день после школы.

Кто-то стучится в дверь. Я вытираю прилипший к пальцам зеленый лук и иду открывать, думая, что это миссис Абебе пришла, как обычно, попросить отогнать машину с проезда.

Но все гораздо хуже. Настолько хуже, что я выхожу на улицу и захлопываю за собой дверь. На мне только футболка – в такой мороз она, мягко говоря, не спасает, но отчаянные времена требуют отчаянных мер.

– Что ты здесь делаешь?

Оз неторопливо осматривает крыльцо, руки в карманах брюк от «Бёрберри», верхняя губа скривилась в подобии отвращения.

– Ты что, здесь живешь?

– Ага, – я хмурюсь. – А где живешь ты? В высотке на Манхэттене?

– Да.

Даже не знаю, чего я ожидала.

– Ладно, поздравляю. Ты здесь с какой-то целью, Оз?

– Просто зашел поздороваться. Если получится, немного поболтать, – он пожимает плечами, не отрывая глаз от сломанного батута. – Хотел проверить, вдруг ты уже готова вытащить голову из задницы.

Моргаю:

– Извини?

– Вдруг тебе надоело вести себя как капризный кусок дерьма, который думает, что он один против целого мира. Может, есть улучшения?

Я снова моргаю:

– Послушай, я знаю, что грубость – твое второе имя, но…

– Я думал, это *твое* второе имя.

– Извини?

Его зеленые глаза темнеют.

– Тебе за последнюю неделю случайно не приходило в голову, что решение превратиться в страуса из-за самого большого скандала, который ФИДЕ видела за последние тридцать лет, может негативно сказаться еще на ком-то, кроме тебя?

– Я не имею никакого отношения к произошедшему. Кох смухлевал – обращайся к нему, – каждое мое слово вырывается морозным облачком. – Я завязала с шахматами.

– Ну да, как же. Плак-плак, твой парень платил тебе зарплату, ничего не попросил взамен и не сказал об этом. Это стоит того, чтобы выплакать чертову реку размером с Нил.

Я напрягаюсь:

– Ты понятия не имеешь, что…

– И мне наплевать. Хочешь злиться на Сойера, потому что он что-то скрыл от тебя? Вперед. Выброси его приставку из окна, мне насрать. – Оз подходит ближе. – Я здесь для того, чтобы поговорить о Дефне и о том, *что* она сделала для тебя, чтобы ты потом разрушила ее жизнь.

– Я ничего не разрушала… – обхватываю себя руками. По ним бегают стайки мурашек. – Это не так.

– Она твой тренер и менеджер. Именно поэтому ФИДЕ беспрерывно атакует ее, пытаясь заставить подтвердить твое участие.

– Что ж, мне жаль, но с шахматами покончено, как и со всем, что с ними связано. Пусть скажет им, что я не приеду.

– О, ну да, конечно. Так она им и скажет. «Простите, ребятки, Мэл поругалась со своим парнем, так что не сможет приехать». Это ведь никак не повлияет на ее репутацию в шахматном сообществе. Любой может заявить игрока, который потом исчезнет с лица земли. Она из кожи вон лезла, чтобы ты попала на все эти турниры. И чем ты ей отплатила?

– Подожди… что? Такого не было. Я участвовала только в открытых турнирах.

Оз усмехается.

– «Открытый» не значит, что туда может попасть любой. Все равно есть процедура отбора, необходимо доказывать свою квалификацию, которой у тебя, на секундочку, не было. Дефне пришлось постараться, чтобы тебя допустили на соревнования в Филадельфии и Нашвилле. Она оплатила твою поездку и позволила тебе оставить себе весь

выигрыш. И сейчас ФИДЕ думает отнять у «Цугцванга» лицензию, потому что лучший игрок Дефне отказывается участвовать в чемпионате мира, – он прожигает меня испепеляющим взглядом. – Напомни, пожалуйста, почему?

Внутри меня закипает гнев.

– Дефне мне лгала.

– Ну да, – Оз закатывает глаза. – И как именно?

– Она не сказала, что Нолан дал ей деньги.

– Это при условии, что ты у нее спросила. Какой отвратительный поступок.

– Я не спрашивала, но…

– Конечно, ты не спрашивала. Тебе сказали, что деньги пожертвовал некий меценат, и у тебя не возникло никаких вопросов, но теперь ты считаешь, что имеешь моральное право подставить Дефне.

Я бросаю на него взгляд, полный ненависти.

– Оз, что ты вообще здесь забыл? Откуда знаешь все эти подробности? Зачем Дефне тебе об этом рассказывать?

Он смотрит на меня, как на жирафа, до которого все слишком долго доходит. И похоже, так и есть.

– Подожди. Вы с Дефне что…

Оз пропускает мой вопрос мимо ушей:

– Ты же не думаешь, что шахматные клубы – это какой-то доходный бизнес? Что Дефне зарабатывает миллионы? Посмотри на это с другой стороны. Она купила «Цугцванг», потому что хотела создать такое место, где каждый мог бы играть в шахматы. Чтобы другие не прошли через то, через что пришлось пройти ей. Так что Дефне приходится полагаться на меценатов. Сойер годами жертвовал клубу деньги, и вот что произошло на самом деле: да, он попросил ее найти тебя и предложить работу. Но когда ты отказалась от стипендии, Дефне начала искать других шахматистов, которых можно было проспонсировать. Потому что пожертвование Сойера не накладывало на нее никаких обязательств.

Я сглатываю:

– Он сделал все, чтобы я потеряла работу. Я в этом уверена. – Ну, почти.

– Может быть, – Оз пожимает плечами. – Вполне на него похоже. Но Дефне? Она никогда ничего не требовала от тебя – только хотела, чтобы ты стала успешной шахматисткой. Именно поэтому она не называет тебя капризной сучкой и не подает в суд за нарушение условий контракта. Но я не настолько малодушен, Мэл. Мне плевать, если ты продолжишь читать «Любовь во время чумы», когда должна изучать «Современные шахматные дебюты». Ты обещала Дефне провести с ней год. И ты должна поговорить с ней о чемпионате мира, должна помочь ей сохранить лицо перед ФИДЕ.

Оз наконец делает шаг назад. Его воинствующая аура постепенно рассеивается, и впервые за все наше с ним знакомство он кажется мне скорее уязвленным, чем раздраженным.

– Послушай. Я обычно не сую нос в чужие дела, но слышал о твоем отце. Знаю, ты заботишься о своей семье. Знаю, тебе приходится иметь дело с разным дерьмом, – он кивает в сторону двора, – типа этого старого батута. Но если ты расстегнешь молнию у себя на заднице и вытащишь оттуда голову, то поймешь, что жизнь – нечто большее, чем оплакивание своей непростой судьбы, – Оз завершает свою тираду кивком, разворачивается и грациозно спрыгивает со скользких ступенек.

Я наблюдаю за его удаляющейся фигурой со странной смесью гнева и вины. Я не просила Дефне быть моим тренером. Я не просила Нолана платить мне. Все, чего я хотела, – чтобы отец не изменил маме у меня на глазах, чтобы он не погиб, чтобы мама не заболела, чтобы мы все жили обычной жизнью. Да как смеет Оз, восседая на горе привилегий высотой с Альпы, так пренебрежительно говорить со мной, будто я избалованная маленькая девчонка?

– Ты ничего обо мне не знаешь! – кричу я ему вслед. Да я просто ходячее клише.

– И не хочу ничего знать. – Он открывает водительскую дверь своего «Мини-Хэтча». – Особенно если ты на самом деле вот такая.

Когда я хлопаю дверью, мне кажется, что дома чересчур жарко. Я делаю глубокий вдох и приказываю себе успокоиться.

Неважно, что Оз обо мне думает, потому что он исчез из моей жизни вместе с шахматами. Возможно, я как-нибудь позвоню Дефне. Скажу, что ушла от нее ради общего блага. Два дня назад мне снилось, что все, кого я встретила за последние полгода, показывали на меня

пальцами и смеялись: я передвинула ладью по диагонали, думая, что это слон. Никто меня не поправил, даже Дефне. Она сидела в первом ряду рядом с Ноланом, и оба смеялись.

Так что да. Пока я не готова выходить на связь.

На мгновение прижимаю ладони к глазам и возвращаюсь в кухню, чтобы закончить с ужином. Остановившись в дверях, понимаю, что никто не обращает на меня внимания.

– Мерзко, – говорит Дарси, приоткрыв крышку мультиварки. – Типа… фу?

– Еще и неполезно, столько масла, – замечает Сабрина. – Мам, ей бы подарить сертификат на кулинарный мастер-класс на день рождения.

– Прекрасная идея, Сабрина. Мэл непременно понравится.

– Я не собираюсь ей ничего дарить, – ворчит Дарси.

– Догадываюсь, что она хотела приготовить. Но я бы не использовала бедрышки, – говорит мама. – Возможно, грудку. Или свинину.

– Не хочу это есть, – бормочет Сабрина, и именно в этот момент у меня в голове начинают лопаться маленькие кровавые пузырьки.

– Так не ешь, – говорю я. Все трое поворачиваются в мою сторону с широко открытыми глазами. – И если уж на то пошло, почему бы тебе самой не заняться ужином?

Сабрина сначала колеблется, затем закатывает глаза.

– Господи. Расслабься, Мэл.

– Ага, – киваю я. – Обязательно расслаблюсь. Перестану мыть посуду, ходить в магазин, зарабатывать деньги на еду. Посмотрим, как тебе это понравится.

– Ну и пожалуйста, – она упирает руки в бока. – Тебя не было не одну неделю, и мы прекрасно справлялись.

– О, правда? – Это похоже на невидимый нож, который кто-то прокручивает в моих ребрах. – Ты прекрасно справлялась?

– Мы были свободны от твоей диктатуры, при которой нельзя даже выразить мнение об ужине, – говорит Сабрина, и я вижу, как мама открывает рот, чтобы попросить ее замолчать. Но я опережаю ее.

– Ну ты и сука, – слышу свой голос.

В тишине кухни эти слова звучат настоящим раскатом грома. Мама в таком шоке, что потеряла дар речи, а Дарси делает несколько шагов

назад. Но Сабрина прищуривается и остается на месте. Так что я продолжаю:

– Неблагодарная сука. Я только и делаю, что везде тебя подвожу и оплачиваю твои увлечения.

– Я ни о чем из этого не просила!

– Тогда, черт тебя подери, не делай вид, что тебе это нужно, Сабрина. Иди и сделай то, что сделала я. Не ходи в школу, брось свое драгоценное роллер-дерби – давай посмотрим, как твоя маленькая подружка Маккензи будет к тебе относиться, когда она уедет в колледж, а ты нет! Забудь обо всем, что тебе нравится, чтобы обеспечить свою своенравную, неблагодарную младшую сестру, – я показываю на Дарси, – которая, кстати, тоже та еще сука.

– *Мэллори*, – резким тоном вмешивается мама, – достаточно.

– Правда? – я смотрю на нее. Передо мной туман, а глаза жжет так же сильно, как и боль внутри. – Не скажу, что ты чем-то лучше них, потому что сейчас тоже ведешь себя как настоящая сука.

– *Хватит.*

За очередным требованием следует мертвая тишина.

На меня она действует донельзя отрезвляюще: внезапно я возвращаюсь в свое тело. И теперь, словно на повторе, слышу каждое отвратительное слово, которое вырывалось из моего рта. Это невыносимо. Я слишком испугана, зла, ранена, чтобы оставаться здесь хотя бы еще секунду.

– Боже. Я… я…

Трясу головой и поворачиваюсь. Мчусь к себе в комнату, едва видя дорогу перед собой.

Я только что назвала свою маму и сестер-подростков, жизни которых разрушила, суками. Буквально в лицо швырнула все, что сделала для них, несмотря на то что без меня им все это было бы не нужно.

Закрыв за собой дверь, бросаюсь на кровать и от стыда прячу лицо в ладонях.

Я никогда не плачу. Не плакала, когда рассказывала маме о том, что сделал отец. Не плакала, когда он собрал вещи и ушел. Не плакала, когда нам позвонила дорожная служба в половине шестого утра. Не плакала, когда отказывалась от стипендий, когда Боб уволил меня, в машине Дефне по дороге от дома Нолана. Я никогда не плакала, даже

когда очень хотела, потому что спрашивала себя, имею ли право на эти слезы. И ответ всегда был «нет», так что остановить себя было легко.

Но сейчас я не могу сдержаться. Закрыв лицо руками, я буквально вою – громко, уродливо, чувствуя, как по щекам стекают крупные слезы, оставаясь на ладонях. Внезапно на меня обрушивается реальность последних лет. Все мои неудачи, ошибки, упущения. Всё, что я потеряла; минуты и часы, которые провела, идя совсем не в том направлении, в котором хотела бы; осознание, что папы больше нет рядом… Все это застряло у меня в горле и душит, душит, скручивает изнутри. Вдруг я понимаю, что не могу выносить человека, которым стала.

Матрас рядом со мной проминается.

Теплая, худая рука касается моего плеча.

– Мэллори, – зовет меня мама спокойным, но твердым голосом. – Я пыталась не вмешиваться, но настала пора поговорить о чемпионате мира.

Глава 25

Мне в голову приходит несколько вариантов ответов. К сожалению, я не могу произнести ни один из них вслух из-за внезапно начавшейся икоты. К счастью, мама, кажется, читает мои мысли.

– Да, – говорит она мягко, отводя мои мокрые волосы от лица, – я знаю.

– Откуда?

Мама улыбается.

– Дарси рассказала мне в ту же секунду, как узнала сама. Но я и до этого подозревала, что что-то не так, – она пожимает плечами. – График работы не поддавался никакой логике, а твои рассказы о центре для пенсионеров звучали так, будто ты ни разу там не была и просто прочитала информацию в брошюре. Еще… ты другая, когда думаешь о шахматах. Ты становишься другим человеком. Гораздо счастливее, – ее улыбка становится грустной. – Мэл. О тебе говорили в «Доброе утро, Америка». Ты не думала, что мне сразу начнут звонить все дальние родственники и говорить, что тебе пойдет химическая завивка?

Из меня вырывается стон. Между приступами икоты. Мама тихо смеется и, обняв за плечи, притягивает меня к себе так нежно, будто я не назвала суками шестьдесят семь процентов людей, которых она родила.

– Думаю, правильнее будет начать даже не с чемпионата мира, – мягко говорит она. – Наверное, правильнее будет поговорить о твоем отце.

Я тут же принимаюсь трясти головой.

– Нет, я… Прости. Я перешла все границы. Нам не нужно…

– Нам нужно, – мама сжимает губы, и выражение ее лица становится печальным. – Прошло уже больше года, и я беру на себя ответственность за то, что не поговорила с тобой раньше. Долгое время я считала, что делаю тебе одолжение. Что ты была сильно травмирована, и разговоры на эту тему только расковыряют глубже.

– Это не так, – я вытираю глаза тыльной стороной ладони и издаю вялый смешок. – Это не я была травмирована. Тебе изменили. Сабрине и Дарси пришлось расти без отца, и случилось это по моей вине, так что я здесь единственная сука.

– Нет-нет-нет, – мама с удрученным видом качает головой. – Видишь? Именно поэтому нам следовало поговорить об этом раньше. Ты ни в чем не виновата. Но знаешь, кто виноват? – Проходит мгновение. Мамины глаза сияют в послеполуденном солнце. – Твой отец. Твой отец сделал ужасный, жестокий, эгоистичный выбор. Я так мало говорю о нем отчасти потому, что даже годы спустя мне тяжело смириться с тем, каким человеком он стал. Но я *никогда* не считала тебя виноватой ни в чем из случившегося.

– А должна была. Это моя ошибка. Если бы я не…

– Мэл, история не терпит сослагательного наклонения. Хотя, если подумать, я тоже могу сыграть в эту игру: если бы ты не рассказала мне, что увидела на том турнире, я все равно узнала бы. Потому что это был не первый раз. И у твоего отца, ко всему прочему, были проблемы с алкоголем и два предупреждения из-за вождения в нетрезвом виде, так что если бы он не ушел из дома тогда, то высока вероятность, что все произошло бы в какой-нибудь другой день.

Я судорожно вдыхаю и думаю о папе. О том, как скучаю по нему. О том, как он мог так с нами поступить.

– Сабрина считает, что это моя вина. И она права.

– Нет, я так не считаю.

Бросив взгляд на дверь, я замечаю на пороге Сабрину. Она стоит, прислонившись к косяку, и смотрит на меня.

– Я знаю, что считаешь, – чувствую, что вновь готова заплакать. – И у тебя есть на это право. Я украла у тебя папу и…

– Не считаю, ты, сучка. И никогда не считала. – Сабрина опускает взгляд себе на ноги. – Но ты любишь спасать всех вокруг и, если надо, можешь держать небо, как Атлант. – Она сглатывает. – Так что признаю, что использовала эти твои качества себе на пользу. Когда ты меня выбешивала.

Мама вздыхает:

– Сабрина.

– Я прошу прощения, понятно? – ощетинивается она. – Я не думала, что ты *так* близко все воспринимаешь. Ты же никогда не показываешь эмоции. Но отчасти это твоя вина. Раньше с тобой было весело проводить время. Только мы вдвоем – без мамы, папы и Дарси, – и я думала, что между нами что-то особенное. Ты относилась ко мне как к взрослой. Теперь же отчитываешь за все подряд. Раздаешь приказы и пытаешься вести себя как мама. Ты относишься ко мне как к ребенку, хотя не делала так, когда я действительно была маленькой… – ее голос ломается, и она быстро опускает голову, чтобы скрыть слезы. – Может, я и сука, но не неблагодарная. На самом деле, я *очень* тебе благодарна. Я знаю, сколько ты делаешь для меня, и если бы ты не притворялась, что так и надо, я могла бы показывать тебе свою благодарность. Если хочешь, могу прислать тебе благодарственную открытку или…

Она не может говорить дальше – лишь продолжает всхлипывать. Я хочу встать, обнять ее и сказать, что все хорошо и мне не нужна ее дурацкая открытка, я просто хочу, чтобы моя сестра перестала плакать. Но мама берет меня за руку.

– Когда ты перестала играть в шахматы, Мэл, я предположила, что поступки твоего отца оказались слишком болезненными для тебя. Я предположила, что ты вернешься к ним, когда залечишь свои раны. И когда ты решила не идти в колледж… ну, ты выглядела очень ранимой и обиженной каждый раз, когда я пыталась отговорить тебя. Именно поэтому я сказала себе: ты уже взрослая и способна сама принимать решения, а я должна уважать твой выбор.

Но когда Дарси рассказала мне о твоей стипендии, до меня впервые дошло, что, возможно, у тебя были и другие причины. Что, возможно, твоей целью было защитить меня, а если так… позволь сказать тебе кое-что. Когда я думаю о шахматах, то не думаю об Арчи или его женщинах, – мама улыбается сквозь слезы. – Когда я думаю о шахматах, я думаю о своей гениальной старшей дочери. О том, что она делает то, что любит, и что она способна надрать задницы всем вокруг, – у нее дрожит подбородок. – Я наблюдала за тобой на Турнире претендентов, Мэл. Часами любовалась тобой в твоем… – она смеется, – в твоем платье из «Трупа невесты». И хотя я ничего не понимала в том, что ты делаешь, я очень тобой гордилась.

Я больше не могу смотреть на нее. Больше не вынесу ни единого слова. Все, что я сейчас могу, – это обнимать ее. Сильнее, чем следует, если учесть ее проблемы с суставами. Но она обнимает меня в ответ, крепко обвив руками, совсем как в детстве, когда я отчаянно нуждалась в маме.

– Эх, ну ладно, – вдруг слышу я и чувствую, как Сабрина обнимает нас обеих.

Наконец-то чувствую себя целой, хотя долгих четыре года мне казалось, что я распалась на куски.

– Вечно вы веселитесь без меня, сучки.

– Дарси! – неодобрительно кричим мы втроем.

– Что? – она пожимает плечами, стоя в дверном проеме. – Думала, мы теперь будем часто использовать это слово. Для прикола.

– Однозначно нет, – говорит ей мама.

– Боже, – бормочет Сабрина, отстраняясь. – В этом доме никакого уединения.

– Конечно нет, – говорит Дарси. – Он крошечный, а стены сделаны из туалетной бумаги и чайных пакетиков. Мэллори, ты не могла бы, пожалуйста, выиграть этот глупый чемпионат мира и перевезти нас куда-нибудь в другое место с помощью денег от умных шашек?

Я сердито смотрю на нее:

– Кстати, у тебя отлично получается хранить секреты.

– Технически я сохранила в секрете тот факт, что не сохранила секрет.

Пытаясь понять смысл ее слов, я стираю слезы со щек. Затем киваю, впечатленная таким умозаключением.

– Что ж, – мама хлопает меня по коленке. – Теперь мы можем поговорить о твоем симпатичном коллеге из центра для пенсионеров.

– Точно. Вы с Ноланом и правда засыпаете под звуки видео с массажем головы, как утверждают в твиттере? – спрашивает Сабрина.

– Что? Нет! Мы не… Я не… – Утираю нос рукавом, после чего там остается след, подозрительно похожий на сопли.

«Нам точно нужно установить родительский контроль», – почти говорю я, но тут же вспоминаю, что Сабрина сказала о моих родительских поползновениях.

– Вы расстались? – спрашивает она. – Что он натворил?

– Он… мне врал.

– О да. Ложь. Что-то, что ты терпеть не можешь, – мамин тон мягкий, но я все равно вздрагиваю. – Давайте послушаем, о чем именно он соврал.

Я рассказываю о Дефне, стипендии и видео Коха. Когда заканчиваю, мама глубоко вздыхает и говорит:

– Послушай, мне нравится Нолан. Когда вы вдвоем… Думаю, он тебе подходит. Но речь о другом. Речь о шахматах и о тебе, – она сжимает мою руку. – Ты хорошо заработала на тех турнирах. Мне очень помогают новые лекарства, и последние недели я могла позволить себе работать. Чувствую себя гораздо лучше, чем полгода назад. Я благодарна тебе за то, что ты сделала для нас, но настало время подумать о себе.

Вина и ответственность – тяжелая ноша, Мэллори. А еще за ними можно спрятаться. Но теперь ты вольна делать то, что любишь. Например, никогда больше не думать о шахматах и переехать в Боулдер к Истон. Или стать механиком. Путешествовать год по миру с рюкзаком. Выбор за тобой, у тебя нет никаких ограничений. Только для начала необходимо заглянуть внутрь и быть честной с собой. Да, знаю, это пугает. Но жизнь слишком длинная, чтобы бояться.

Я фыркаю:

– Ты хотела сказать, слишком короткая.

– Нет. Годы, полные лишений, когда ты заставляешь себя отказываться от вещей, которые делают тебя счастливой, проходят медленно.

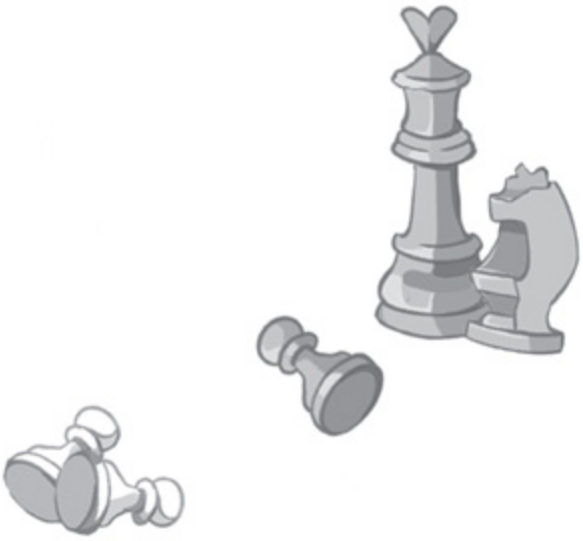
Я поворачиваюсь к Дарси и Сабрине. Они смотрят на меня глазами одинакового голубого оттенка – с одинаковым серьезным выражением и одинаковыми светлыми волосами, обрамляющими их хорошенькие лица.

– И еще кое-что, – говорит мама. – Если тебе что-то нужно, ты можешь об этом попросить. Бог свидетель, мы уже достаточно у тебя просили. Но я знаю, что просить у тебя не получается, поэтому спрошу сама. Что бы ты ни решила – о шахматах или жизни в целом, – можем ли мы быть рядом с тобой? Можем ли с этого дня быть частью твоей жизни?

Я не могу заставить себя сказать «да».

Но, возможно, я добилась серьезного прогресса, потому что мне удается кивнуть.

Часть III. Эндшпиль



Глава 26

Все десять часов перелета Дарси выпытывает у Оза подробности грядущего чемпионате мира.

– Когда он начнется?

Через пять дней.

– Почему мы летим так рано?

Чтобы Мэллори привыкла к часовому поясу.

– Сколько партий?

Двенадцать.

– Сколько часов на одну партию?

Без ограничений.

– Значит, партии могут переносить на следующий день?

Мы живем в компьютерную эру – партии больше нельзя откладывать, иначе игроки проанализируют свои позиции с помощью программ.

– Кто будет считаться победителем?

Тот, кто выиграет большинство партий.

– Что, если будет ничья?

Именно поэтому партий двенадцать.

– Что, если ка-аждая игра закончится ничьей?

Придется провести тай-брейк – это несколько партий в быстрые шахматы и…

Оз мрачнеет:

– На этом рейсе бесплатный вайфай. Может, погуглишь?

– Мама не разрешает мне пользоваться смартфоном, пока мне не исполнится четырнадцать.

– Миссис Гринлиф, – говорит он маме, сидящей рядом со мной и Дефне в центральном ряду, – я собираюсь купить вашему младшему гремлину мобильный.

– О, нет никакой необходимости.

– Я настаиваю, – произносит Оз, опуская на глаза маску для сна.

– Мам, – ноет Сабрина, – если Дарси получит подарок от Оза, я тоже хочу!

– Если вы обе заткнетесь к чертовой матери, то с удовольствием.

Он агрессивно запихивает беруши себе в уши, а мои сестры одновременно издают радостный возглас:

– Юху!

Сидящая рядом Дефне хмурится.

– Должна сказать, возможность тай-брейка меня немного беспокоит. Весь последний месяц мы работали по десять часов в день, семь дней в неделю, и у нас все равно почти не оставалось времени на обычные шахматы. Блиц мы вообще не практиковали, – она пожимает плечами. – Ладно. Давай надеяться, что до этого не дойдет.

Серебряная сережка в форме фигового листа, что я подарила ей, когда она не позволила мне извиниться за свое мерзкое поведение, мило звенит у нее в ухе. «Мерзкое – это максимум, – сказала она мне перед тем, как обнять меня и обдать своим кисло-сладким лимонным ароматом. – Я должна была сообщить, кто именно тебя спонсирует. Хочу, чтобы ты знала, потому что я в твоей команде».

И я верю ей. Потому что, как мило заметил Оз, я наконец достаточно расслабила свой сфинктер, чтобы вести себя как взрослая. Спустя еще какую-то порцию унижений Оз согласился быть моим секундантом, что меня, признаться, удивило. Но не больше, чем то, что между ним и Дефне, возможно, что-то было. Я хочу знать, но не хочу спрашивать. «Пока не наберешься смелости, для тебя это будет секс Шрёдингера», – со знанием дела сказала Сабрина, на что я только кивнула, гордясь тем, как глубоко она постигла теоретическую физику.

В аэропорту Марко Поло, пока я зеваю и оплачиваю кучу разнообразных «Киндеров», которые выбрала Дарси, девочка в свитере с надписью «Я

Рим» останавливает меня для фото.

Я и глазом не моргаю. Прошло уже больше месяца с того момента, как я приняла приглашение ФИДЕ и официально стала претендентом на звание чемпиона мира. После кучи вирусных тиктоков с моими партиями подобное происходит довольно часто. В очереди в продуктовом. В Департаменте транспортных средств, где мы с Сабриной сидели в очереди на получение водительских удостоверений. Пока пыталась бегать (что было необходимо, согласно расписанию, которое составила Дефне).

По словам Оза, мне нужна пиар-команда. По словам Дарси, я должна пойти на «Остаться в живых», если меня позовут. По моим собственным словам, я просто должна улыбаться и ставить автограф там, где просят, – на чеке, упаковке из-под кудрявого картофеля фри из «Арби» и даже – да, такое тоже случалось – на грязном найковском носке. Если я не одна, а с сестрами, они всегда пытаются влезть в фото. И все им разрешают, потому что они чертовски милы.

– Думаешь, победишь? – спрашивает меня «Я

Рим», радостно растягивая гласные.

Мне не хватает духу признаться, что я серьезно в этом сомневаюсь. Что напугана до усрачки.

– Как знать.

– Ну, надеюсь, ты победишь. Я была первой доской в моей команде, когда училась в средней школе. А в комнате у меня висел постер Юдит Полгар. Никогда не думала, что своими глазами увижу женщину на чемпионате мира, особенно когда мужчины так беспощадны в спорте. И кстати, я знаю, что вы с Ноланом встречаетесь. Так что немного грустно, что тебе приходится играть против него. Но не давай ему спуску, ладно?

Девочка уходит, прежде чем я успеваю что-то ответить. Изображенный у нее на спине антропоморфный Колизей подмигивает мне на прощание.

– Так как? – спрашивает Дарси.

Я наблюдаю, как она поглощает конфету в виде бегемотика, и это немного пугает.

– Что?

– Тебе грустно, что придется играть против Нолана?

Я делаю глубокий вдох. Спустя несколько ударов ощущаю, как тяжелеет сердце у меня в груди, перекручивается и превращается в болезненное чувство, похожее на сожаление. С усилием возвращаю ему прежнюю форму и обхватываю маму руками за плечи.

– Да ладно тебе. Нам еще надо будет проходить таможню. Вдруг я напортачила с документами, и нам придется вернуться домой.

Логотип чемпионата мира удивительно, неописуемо уродлив – это напрягает.

Мы пялимся на него – часть тела одного нарисованного чувака переплетается с частью тела другого такого же чувака, у них на коленях полосатая доска в стиле Пикассо[54] – и едва не пропускаем табличку, где большими буквами выведено: «ГРИНЛИФ».

– Похоже, нам сюда? – предполагаю я.

– Практически уверена, это тридцать пятая позиция в «Камасутре», – бормочет Сабрина, и маме приходится объяснять Дарси, что это креативное слияние.

Думаю, я ожидала, что в Италии будет тепло, но февральский мороз здесь почти ничем не отличается от нашего. Холодный соленый ветер развевает мои спутанные волосы на лодке, которая идет по специальному маршруту, совсем как любой другой общественный транспорт, и я позволяю Дарси согреться под моим клетчатым пальто, пока мы восхищаемся прекрасной архитектурой зданий, выстроенных вдоль канала. «Романтично», – думаю я. Не уверена, что раньше использовала это слово, но лабиринты улочек и мостов, рассыпанных по лагуне, мягкое набегание воды на кладку каменных домов – все это невероятно красиво. Так и хочется исследовать каждый уголок.

– Думаешь, миссис Абебе не забывает кормить Голиафа? – спрашивает Дарси.

Солнце уже начинает садиться. Мы выбрали рейс с поздним прилетом, чтобы минимизировать последствия для организма, но тем не менее кажется, что так и должно быть: мама, мои сестры и Венеция на закате. Я.

Знаю, что была нужна им. Но до этого года не понимала, насколько они нужны мне.

– Думаю, Голиаф возьмет ее дочь в заложники, если она посмеет пропустить хоть одно кормление, – говорю я. – Но могу написать ей и напомнить.

Лодка высаживает нас на маленькой пристани перед отелем. Ужасный логотип ФИДЕ повсюду, и я уже размышляю, не прикрыть ли Дарси, Сабрине и маме глаза, не написать ли агрессивное письмо, развернуться и уплыть в закат, – но не могу пошевелиться из-за величественности здания.

– Это что, з*а*мок? – спрашивает Дарси.

– Нет, это… – Я моргаю. – Может быть.

– Нас ведь не заставят платить за это великолепие из своего кармана? – уточняет мама.

– Все за счет ФИДЕ. Они срут деньгами. Простите, какают – они какают деньгами.

Мама с неестественным «граци» передает свой чемодан улыбающемуся портье, а я задаюсь вопросом, сколько месяцев ипотечных выплат можно погасить, если украсть вот эту золотую пепельницу.

Думала, что буду делить комнату с Дарси, но Сабрина забирает ее к себе со словами:

– Тебе нужно отдохнуть, чтобы победить и вечно спонсировать мою команду по роллер-дерби.

– Надо будет купить им новую форму, – добавляет Дарси. – А я стану их новым маскотом в костюме морской свинки.

– Хм.

Мое сердце сжимается, как всегда, когда они заговаривают о моей победе. «Это не так-то просто! – хочется кричать мне. – Это сложно». Но я понимаю, что моя семья просто пытается меня поддержать.

– Звучит так, будто вы уже обо всем договорились.

– О, у нас большие планы на твои денежки.

Номер словно из диснеевского мультика: всюду навесы и балдахины, восхитительные ковры, антикварная мебель и картины, которые наверняка древнее моих предков-обезьян. И все же здесь чего-то не хватает, не могу понять чего. Достаю из чемодана привезенную на три недели одежду, в которой однозначно будет недостаточно тепло,

раскладываю шахматную доску и расставляю фигуры по аналогии с партией Корчной – Карпов, которая состоялась в 1978 году и которую я анализировала во время полета. Затем фоткаю вид на канал из арочного окна и понимаю, что все, кому я бы отправила этот снимок, сейчас наслаждаются тем же видом.

Ложусь в кровать, часами ворочаюсь, пытаясь заснуть, понимаю, что не смогу, и встаю.

Внизу большой бассейн с подогревом, если верить шикарной брошюре. И спустя меньше чем пять минут я прыгаю в него с разбега. Он наполнен фильтрованной морской водой и пахнет солью, а не хлоркой. Я позволяю бесплатной футболке с Открытого чемпионата Нашвилла, в которой я отчаянно пыталась заснуть, прилипнуть к телу и изучаю рассыпанные по небу звезды.

Вспоминаю, что один из моих последних заплывов в бассейне не закончился ничем хорошим. Даже не хочу думать об этом. Как и о том, что было раньше. Мы с Истон как-то присматривали за домом одних соседей, пока те были в отъезде. Это было летом перед выпускным классом, в бассейне на участке было полно жуков и – я отчаянно отказывалась в это верить – беличьих какашек. Истон все повторяла «фу!», но я сумела убедить ее окунуть пальцы ног. И целый час плавала туда-сюда, пока она читала вслух экзаменационные вопросы с фальшивым французским акцентом.

Мы не общались уже два месяца. До августа нашим рекордом было два дня. Мне хочется злиться, пусть я и желаю всего самого лучшего ей и девушке, которую она постит в соцсетях. Но в то же время мне хочется, как раньше, отправить ей тикток с «Дрэгон эйдж», несмотря на то что мы давно не общались.

Зацикливаться на прошлом опасно. Но еще опаснее думать о грядущем унижении, которое ждет меня через четыре дня. Именно поэтому тут только я, ледяные звезды, мягкая вода и необъяснимо плывущая на a1 ладья Корчного у меня в голове.

Уже глубокой ночью, дрожа от холода, я вылезаю из бассейна. Во всем отеле темно, за исключением одного окна. Мне кажется, между шторами мелькает высокий силуэт, но, должно быть, это иллюзия.

Я зажмуриваюсь и, когда открываю глаза, понимаю, что смотреть больше не на что.

Глава 27

– Следующие три дня ты абсолютно свободна. Мы займемся прогоном твоих партий через программу для выявления слабых мест. Но накануне первой партии придется кое-где поучаствовать. Утро в твоем распоряжении, а после обеда – пресс-конференция. Вечером – торжественное открытие, но там ничего особенного не требуется – просто посветить лицом, – Дефне улыбается, сидя напротив меня за завтраком. Этим утром она вышла из комнаты, в которой, возможно, поселилась вместе с Озом.

Сабрина одними губами произносит:

– Шрёдингер.

И я едва не давлюсь слюной.

– Дефне, почему в отеле никого нет? – спрашивает мама.

Мы сидим в столовой с видом на залив и небольшую горку из воздушных, теплых, сладких круассанов с «Нутеллой». Дарси так ими объелась, что ей пришлось поспать перед экскурсией на стеклянный завод. Мы больше никогда не сможем заставить ее съесть ни ложки овсянки.

– Отель «Чиприани» откроется только в середине марта, так что ФИДЕ арендовала его вне сезона. Они проводят здесь чемпионат раз в несколько лет – я всегда хотела попасть, но у меня не было возможности. По моим предположениям, скоро люди все-таки начнут появляться. Организаторы, комментаторы, большие шишки из ассоциации. Текущий чемпион со своей командой.

Она не смотрит мне в глаза. Мое сердце сжимается.

– Обязательно будут суперфанаты шахмат, в основном люди из Кремниевой долины и мира технологий. Некоторые журналисты тоже здесь остановятся, хотя большинство предпочитают отели подешевле – сюда удобно добираться на лодке. – Дефне качает головой. – Все еще не могу поверить, что в этом году Эн-би-си будет показывать чемпионат в прямом эфире. Мы что, футболисты или керлингисты?

Я задумчиво машу своей семье, пока они садятся в лодку до Мурано, и затем поворачиваюсь к Дефне. Жду, что она сейчас начнет меня отчитывать за то, что не успеваю анализировать тяжелые позиции из-за цейтнота.

– Может, обсудим все в твоей комнате? – спрашиваю я.

А внутри умираю от любопытства, что же происходит с этими Озне, но мне не хватает смелости спросить напрямую.

– Для игроков обустроили специальные тренировочные зоны, – говорит появившийся из ниоткуда консьерж с сильным итальянским акцентом, пробивающимся через его идеальный английский. – Вам показать?

Он ведет нас через удивительно прекрасный зеленый сад.

– Мне жаль признавать, но в другое время года здесь красивее. Мы зовем это место садом Казановы.

– В честь того проститута? – шепчет мне Дефне.

Я пожимаю плечами в тот самый момент, когда консьерж кивает.

– В честь легендарного любовника, если быть точным. А вот здесь на следующей неделе пройдет матч, – он указывает на конструкцию в центре сада, чем-то напоминающую теплицу. Простое квадратное сооружение, но все четыре стены и потолок выполнены из стекла. Внутри пусто, за исключением деревянного стола, двух стульев и набора обычных шахмат.

Сердце стучит где-то у меня в горле.

– Помещение отапливаемое, конечно. И звуконепроницаемое, – консьерж ободряюще улыбается. – Мы проводим уже пятый чемпионат.

– Везде будут стоять камеры и искусственное освещение, – Дефне хлопает меня по плечу и ухмыляется. – Не волнуйся, я прослежу, чтобы с прической у тебя все было в порядке. Никаких торчащих прядей.

Тренировочная зона расположена под крытой аркадой, за деревянной дверью. Внутри есть все, что может нам понадобиться: шахматные наборы, ноутбуки с необходимыми программами, ряды книг по дебютам и миттельшпилям.

– Просто невероятно, – Дефне проводит пальцами по стеклянным фигурам. – Серьезно, я завидую.

– Ага. Не удивлена, что они проводили столько чемпионатов. Подготовка впечатляет. Готова поспорить…

Я замечаю фотографию на стене и забываю, что *о* хотела сказать. На ней запечатлены двое мужчин, стоящих в том самом стеклянном доме, который мы только что видели. Один почти лысый, другой с пышной копной темных волос и скромной улыбкой. Они обмениваются рукопожатиями над доской. Игра, должно быть, завершилась, и черные – лысый мужчина – сдался за два хода до того, как ему поставили бы шах и мат. Все его фигуры или загнаны в ловушку, или безжалостно окружены. Взгляд шахматиста из-под нависших век серьезен, а еще абсолютно узнаваем, и на мгновение я чувствую необъяснимую, свинцовую тяжесть в груди.

Затем читаю подпись: «Сойер против Гурина, 1978 год. Чемпионат мира по шахматам».

– Это…

– Ага. – Дефне встает рядом со мной.

– Ты знала его?

– Я с ним тренировалась.

Ну да, точно.

– Каким он был?

– Он прекрасно владел позиционным стилем. Если играл черными, то почти всегда использовал вариант Найдорфа.

– Я имела в виду, каким он был человеком?

– Оу, дай-ка подумать. – Поджав губы, Дефне вглядывается в фотографию. – Тихим. Добрым. С циничным, тонким чувством юмора. Честным, порой чересчур. Упрямым. Иногда беспокойным. – Она делает глубокий вдох. – Благодаря ему у меня есть «Цугцванг».

– Что ты имеешь в виду?

– Он дал мне деньги на покупку клуба. Я думала, что в долг, но когда у меня появилась возможность вернуть эту сумму, то он отказался ее принять.

Похоже на одного моего знакомого: щедрого, саркастичного, неспособного к обману.

С мрачным взглядом.

Готова поспорить, он не принимал отказы. Готова поспорить, он был целеустремленным, деятельным, непостижимым. Готова поспорить, он был харизматичным, но в то же время заносчивым и упрямым. Упертым, сложным для понимания, глупым, раздражительным, неизбежным, бесячим. От него развивалась пугающая зависимость, которую невозможно побороть. Он был таким нежным, по-настоящему веселым, справедливым, безжалостным. Его невозможно забыть.

– Мэл?

Я торопливо отвожу взгляд от снимка:

– Да?

– То, как ты тренировалась… Все, что ты делала до этого дня, – там не к чему придраться. То, что ты концентрируешься на своих слабых местах, – это правильно. Но мы должны анализировать и его…

– Нет, – перебиваю я.

Мы не упоминаем Нолана Сойера, и я не хочу, чтобы его имя произносили вслух.

– Не понимаю, почему ты отказываешься…

– Нет.

Дефне фыркает:

– Так будет честно. Люди ждут, что ты это сделаешь. В конце концов, Мэл, это не какой-нибудь турнир. Это матч на первенство мира, соревнование между двумя сильнейшими игроками планеты. Ты должна оттачивать свои навыки с учетом того, как играет соперник, а не тренироваться на старых партиях и подвергать собственный стиль чрезмерному анализу. Он, скорее всего, изучает *твои* партии, и я сомневаюсь, что он думает, будто ты не станешь…

– Нет, – заявляю я в последний раз, и Дефне понимает, что спорить со мной бесполезно. – Давай продолжим, как планировали.

Дефне хмурится. Но все равно кивает.

У меня явные проблемы с консолидацией[55].

Я атакую слишком рано. Или слишком поздно.

Я слишком нерешительна, а когда наконец на что-то решаюсь, то теряю с трудом заработанное преимущество.

Не могу нормально перейти к эндшпилю.

Чересчур сильно полагаюсь на свои любимые дебюты – непростительный грех, если учесть, что предсказуемые игроки – слабые игроки.

Я должна сосредоточиться на периферии, чтобы занять центр.

И еще:

– В партии против Чуанга, – говорит Оз, – твой ферзь стоял совершенно беззащитный. Я не советую полностью уйти в защиту, но…

– Ладно. Ладно, я… – Тру глаза. – Ты прав. Давай вернемся к программе. Мне кажется, я…

– Уже за полночь, Мэл, – Дефне качает головой. – Пора спать.

Черт.

– Ладно. Завтра утром…

– Мы заперты здесь уже два дня, Мэл.

И это правда. С короткими перерывами на еду и немногочисленных посетителей. Мама зашла, чтобы поцеловать меня в лоб. Сабрина ворвалась во время анализа важной позиции, чтобы показать мне статью из «Ката», где журналистка молила меня «жать на газ». Дарси заглянула, чтобы спросить, не лежит ли ее синий топик у меня в чемодане (так и оказалось), и похвастаться новым кулончиком.

«Вообще-то это называется муррина!»

«Очень красиво, – я рассматриваю цветные кружк*и* из цветов. – Откуда это у тебя?»

«Н… Мама мне купила!»

– Думаю, пора прерваться, – предлагает Дефне.

– В смысле?

– Завтра утром можешь отдохнуть. Поспи подольше. Сходи куда-нибудь с сестрами. До матча остались сутки, и на общение с журналистами уйдет полдня, не меньше.

Я бросаю гневный взгляд на Оза и Дефне:

– Вы без остановки твердите, что я ставлю фигуры в центре так близко, словно играю в шашки.

– Да, но с этим уже ничего не поделать.

– Ладно. Хорошо. Возможно, вы и правы.

Направляясь к двери, сдерживаюсь и не ною из-за отсиженных ляжек.

– Эй.

Оборачиваюсь. Оз собирает фигуры и выключает компьютеры. Я замечаю фото Маркуса Сойера на заднем плане – его волосы сильно отличаются от коротких волос Дефне.

– Слушаю?

– Я тебе уже говорила, но на случай, если ты забыла, повторю. Думаю, ты способна выиграть чемпионат мира. Думаю, ты можешь добиться всего, чего захочешь.

Со слабой улыбкой покидаю комнату.

Не уверена, что могу с ней согласиться. Почти уверена, что нет.

В отель начинают прибывать люди, и их довольно много. Куда бы я ни пошла, кто-то все время пытается взять у меня импровизированное интервью или автограф. Некоторые ходят в футболках *с моим чертовым лицом*. Это одна из причин, почему я все реже покидаю тренировочную комнату. Чем ближе чемпионат, тем больше я чувствую себя самозванкой. Мне кажется, я ребенок, которого посадили за один стол со взрослыми, будто я не стою даже чернил, которыми всюду напечатано мое имя. Я недостаточно хороша. Я ничего этого не заслуживаю. Моя ночная атака против защиты Каро – Канн – полный отстой. Однажды я услышала, как кто-то произнес: «Первая женщина на чемпионате мира», и с тех пор пытаюсь не думать об этом. Если я проиграю, то подведу всех женщин на свете? Я – это не просто я, а нечто большее? У меня нет ни ответов, ни желания их искать. Именно поэтому я концентрируюсь на варианте Рафаэля, о котором не знала до сегодняшнего утра.

Ведь именно об этом я сейчас должна думать, да?

Уже поздно, поэтому в отеле царит такая же умиротворяющая тишина, как тогда, когда мы только сюда приехали. Я прохожу мимо ресепшена, и девушка за стойкой машет мне рукой.

– Ваш сосед приехал, – сообщает она. – Из Соединенных Штатов.

Я резко останавливаюсь:

– Прошу прощения?

– Ваш друг приехал, – она указывает на лифт.

Кажется, у нас тут случай языкового барьера.

– Я… Что? Где?

Девушка улыбается:

– В вашей комнате.

Мое сердце бьется как сумасшедшее, пока я мчусь по лестнице. В моей комнате правда кто-то есть? Только один человек мог прилететь сегодня из Америки.

Но это не он.

Он бы не стал.

Мы даже толком не поговорили.

Я сказала то, о чем сильно жалею, и он, возможно…

Глядя на дрожащие ладони, чувствую, как раскручиваются спирали моего ДНК. Чтобы наконец покончить с испепеляющей неизвестностью и не дать какой-нибудь аневризме уничтожить мой мозг, я хватаюсь за ручку и распахиваю дверь.

На моей застеленной кровати действительно распластался человек.

Мое сердце замирает.

А затем вновь начинает биться со смесью облегчения и чего-то еще – неизвестного.

А потом падает в пропасть.

– Мэл, комната просто потрясная! – говорит мне человек на кровати. – Смотрю, ты хорошо устроилась, сучка. И все благодаря тому, что я вовремя рассказала тебе о том, как важно поддерживать людей с непереносимостью глютена.

Закрываю глаза. Делаю глубокий вдох. Открываю.

И скорее хнычу, чем спрашиваю:

– Истон?

Глава 28

С августа ее волосы сильно отросли и теперь уже ниже плеч. Они выглядят более темными и блестящими, чем летом, после того как кончики выгорели на солнце, а морская вода сделала их более пушистыми. По-хорошему, я должна удивиться, как она изменилась, но удивляться тут нечему. Спасибо сталкингу в соцсетях.

– Зачем… Что ты здесь делаешь?

Истон перекатывается на кровати и приподнимается на локтях, чтобы лучше видеть меня.

– Сабрина мне написала.

– Сабрина?

Она кивает:

– Ну, такая, высокая? Достигшая половой зрелости? Жутко замкнутая?

– Я знаю, кто такая Сабрина, – трясу головой. – Она тебе написала?

– Это была моя ошибка – я дала ей свой номер, перед тем как уехала из Нью-Джерси. В ту самую неделю, когда ты заставила меня везде их подвозить. До сих пор не могу тебе простить.

– Ты переписывалась с моей пятнадцатилетней сестрой?

– Нет. Я не отвечала ей, когда она присылала мне тиктоки с танчиками, на которые мне плевать, или тиктоки с роллер-дерби, на которые мне плевать еще больше. Но несколько недель назад она написала про тебя. Так что я ответила.

Я постепенно прихожу в себя после полуинсультного состояния. Истон приехала. Она здесь, на моей кровати, и даже не сняла обувь,

перед тем как туда плюхнуться. Мы не общались сто лет. Тысячелетие.

Возможно, я немного злюсь.

Я скрещиваю руки на груди:

– Разве ты не должна быть в Колорадо?

– Колорадо-шмолорадо.

Я прищуриваюсь. Возможно, «злюсь» не совсем правильное слово.

– Удивительно, что ты смогла бросить свой драгоценный колледж. Ты же его так любишь, – мой голос полон язвительности и обиды.

Истон наклоняет голову:

– Не помню, чтобы говорила подобное.

– Тебе и не нужно было.

– Ты умеешь читать мысли?

– Я умею читать то, что ты пишешь в соцсетях.

– Ну да, – она с мудрым видом кивает. – Я обнажаю там свою душу и рассказываю обо всех своих невзгодах.

Я опускаю взгляд, чувствуя себя жалкой идиоткой.

– Я хочу сказать, – добавляет Истон, пожимая плечами, – что понимаю, откуда у тебя такие мысли. Я думала о тебе примерно то же самое.

– Правда? – я сердито поднимаю брови. – Я не обновляла свои соцсети с того момента, как три года назад увидела этого гигантского леопарда.

– Так и есть. Но чтобы следить за великой Мэллори Гринлиф, сегодня не нужно подписываться на ее аккаунты. Например, на «Джезебел» есть целая статья про твой гардероб.

– Нет там никакой статьи, – выдыхаю я. Черт. – Или есть?

– Штуки четыре точно. Короче. – Она перекатывается на кровати и наконец садится на самом краю. – Невероятно унизительно узнавать из интернета о том, что твоя лучшая подруга, с которой ты дружишь много лет, с кем-то впервые в жизни встречается и даже не почесалась рассказать об этом…

– Я ни с кем не…

– …или она забыла упомянуть, что выиграла Открытый чемпионат Филадельфии, ее пригласили на Турнир претендентов и она в десны целуется с лучшим шахматистом в мире и выступает против него на чемпионате мира… Мне продолжать?

Я не отвечаю. Просто смотрю, как Истон встает и подходит ко мне. Десятки маленьких кусочков мозаики наконец соединяются в голове.

– Знаешь что? – она чешет висок. Красивые карие глаза смотрят на меня со всей серьезностью. – Когда ты начала писать мне все реже, я подумала, что ты забыла обо мне. У тебя теперь эта суперкрутая стипендия, реально горячий парень, призовые деньги. Боже мой, Мэл, ты теперь знаменита, и это так странно. Я подумала: ты решила, что я для тебя пройденный этап. Что ты переросла меня.

– Я…

– Но затем, – Истон поднимает указательный палец, – Сабрина написала мне, какой несчастной ты стала, и я вспомнила кое-что важное.

Я сглатываю:

– И что же это?

– Что ты идиотка.

Я вздрагиваю.

– Ты всегда была такой, – продолжает она, – и я понятия не имею, как могла об этом забыть. Ты никогда не хотела быть обузой даже до истории с отцом. Ты не хотела навязываться. Всегда бросала людей раньше, чем они успевали бросить тебя. Мне следовало быстрее осознать, что ты творишь, если бы я не увязла в собственных мыслях, – она облизывает губы. – В колледже… непросто. Порой очень даже невесело. А еще очень одиноко. Я потолстела почти на три килограмма. Мне теперь лифчик натирает.

– Ауч.

– Все в порядке, я заказала новый. Хочу сказать, что была слишком занята, чтобы понять: ты просто пыталась предугадать мой следующий шаг в своем шахматном мозге. – Она прерывается.

Я наблюдаю, как она с помощью пальцев ног избавляется от обуви.

– Думаю, когда я уехала, ты испугалась, что я забуду тебя. Так что ты решила забыть меня первой.

– Я не…

– Возможно, неосознанно, но…

– Я не хотела забывать тебя, – говорю хриплым голосом. Остатки раздражения исчезли под напором чего-то, похожего на подступающие слезы. – Просто подумала, что ты…

Истон вздыхает. Хлопает меня по плечу, затем вновь плюхается на кровать – по крайней мере, на этот раз босиком.

Я без понятия, как поступить, поэтому просто слушаю свое сердце: снимаю обувь, обхожу кровать и устраиваюсь на свободной половине. Мы с Истон одновременно поворачиваемся друг к другу лицом, лежа на подушках, и легко можем представить, что это одна из наших обычных ночевок. Это могло случиться и восемь, и пять, и три, и два года назад. Назовите любое время и любое место.

– Так что, – прокашливаюсь я, – теперь с этой классной девчонкой?

– Ким-ли?

– Ага.

– Мэл, она просто супер. Слишком крута по сравнению со мной.

Я киваю.

– Есть такое, самую малость.

Истон щипает меня за руку, и мы смеемся не только потому, что нам весело, но и от облегчения. Затем я выпаливаю:

– Ты останешься на чемпионат?

– Чувиха. Ты думаешь, я приехала в Италию, чтобы поболтать с тобой по душам и тут же развернуться обратно?

– У тебя занятия.

– Ничего страшного.

– Я не могу просить тебя пропустить две недели учебы ради меня.

– И не нужно. Я сама предлагаю.

Закрыв глаза, чувствую легкое волнение в груди.

– Я люблю тебя. И мне жаль. Я скучала по тебе, – вновь чувствую, что вот-вот заплачу.

После того как я заплакала в прошлый раз, мне кажется, внутри прорвалась целая плотина. За прошедший месяц я успела порыдать во время просмотра «Моей девочки», после того как учительница Дарси сказала мне, что моя сестра – одаренный ребенок, и когда Сабрина победила на соревнованиях по дерби. Теперь я плакса. Хотя, возможно, всегда ей была.

– Я тоже по тебе скучала.

– Истон… – шмыгаю носом. – У меня ни за что не получится победить в этом дурацком чемпионате.

– Может, и нет. Но это не имеет значения. Ты занимаешься тем, чем всегда хотела, вокруг люди, которые любят тебя, а еще ты делишь

номер с лучшей подругой на свете. Правда, ей с недавних пор снова снятся кошмары. Так что тебе повезло, – она переплетает наши пальцы, как мы делали, когда были маленькими. – Мэл. Ты *уже* победила.

Так мы и засыпаем: моя рука в ее, наши рассыпанные по подушкам волосы спутались.

Все следующее утро мы с Истон исследуем город, и кажется, будто мы не расставались.

Начинается день не очень: спрашиваем у консьержа, как пройти к фонтану Треви, на что в ответ получаем шокированный взгляд и заявление, что он вообще-то находится в Риме, примерно на пятьсот километров южнее. Когда доходим до площади Святого Марка, нас пытается заклевать голубиная стая, после чего мы принимаемся яростно счищать с одежды птичий помет.

Когда уже второй человек просит у меня автограф, мы покупаем две пары дешевых солнцезащитных очков с оправой в форме сердечек и сорок пять минут выбираем муррину в подарок для Ким-ли. Спрашиваем владельца лавочки: «Какая подойдет для человека, у которого любимая певица Тейлор Свифт, а любимый режиссер – Ари Астер?» – и он притворяется, что не понимает по-английски. Мы трижды завтракаем. «Прямо как хоббиты», – повторяем мы, вгрызаясь в печенье «Поцелуй дамы», бенье и местные блинчики. Не то чтобы это какая-то очень смешная шутка, но мы так давно не проводили время вместе, что смеемся над ней целых два моста.

Посмотрите на нас.

Кто бы мог подумать.

Точно не я.

Мы пытаемся сделать селфи на мосту Риальто, когда от Ким-ли приходит сообщение: «Эй, как Италия?

»

На мосту полно туристов, пытающихся насладиться видом, но мы проводим минут двадцать у балюстрады, придумывая идеальный

ответ.

– Не забудь добавить, что скучаешь по ней, – настаиваю я, пытаясь отобрать у Истон телефон.

– Она подумает, что я навязчивая.

– Она уже отправила тебе сердечко.

– *Зеленое* сердечко, а это не значит ровным счетом ничего.

– Боже, – я смеюсь. – Ты идиотка. И мне это нравится.

– Заткнись, – ее щеки покраснели, но отнюдь не от холода. – Кстати, когда обсудим, что происходит между тобой и Сойером?

– Никогда. – Я отворачиваюсь, снова любуясь стоящими вплотную симпатичными домами по обеим сторонам Гранд-канала.

– Ха!

– Там не о чем говорить.

– Сомневаюсь, – она пихает меня локтем. – Так как у вас обстоят дела?

– Никак.

Истон выжидающе смотрит, и я пытаюсь быть более открытой и прямолинейной, поэтому говорю:

– Мы не общались после того инцидента с Кохом. Я узнала, что он спонсировал мое пребывание в «Цугцванге». Мы сильно поругались, и на этом все.

– И его устраивает, что вы больше не разговариваете?

– Нолан… – Я замолкаю.

В первый раз. В первый раз после нашей ссоры я произнесла его имя. В первый раз позволила себе признать его существование и эту новую дыру странной формы, которую он оставил у меня в груди. Я сковырнула подзажившую корочку. Рана вновь откроется, и придется признать, что она так и не зажила.

– Думаю, мы оба сказали то, о чем жалеем. – Я сглатываю. – Знали, как сильно могут ранить эти слова. – Снова сглатываю. – В основном это была я.

– Вот что происходит, когда ругаешься с кем-то, кто понимает тебя.

Я закрываю глаза. Напоминание о том, как хорошо понимает меня Нолан, похоже на удар в живот.

– Я обвинила его в том, что он причастен к моему увольнению.

Истон фыркает:

– Что?

– В тот момент мне казалось, что все слишком подозрительно, чтобы быть просто совпадением.

Она начинает смеяться. Затем громче. Сильнее. Группа французских туристов с подозрением косится на нее, но Истон берет себя в руки, когда замечает мой многозначительный взгляд.

– Чувиха, я была там. И больше чем уверена, что все было не так. Боб полыхал огнем с тех самых пор, как твой дядя уехал. Ты мешала ему зарабатывать, и тебя легко можно было заменить.

Я вновь отвожу взгляд, чувствуя внутри раздражение. А затем в первый раз признаюсь – и вслух, и себе самой:

– Я знаю.

– Знаешь?

– Да. Но у меня все еще есть право злиться на него, потому что он не сказал про стипендию.

– Согласна, хотя это не одно и то же. В смысле, если бы он способствовал твоему увольнению, то отнял бы у тебя что-то. Но он дал тебе стипендию. Эти две вещи нельзя сравнивать и…

– Я знаю, – повторяю через сжатые зубы. Она отлично читает мои мысли, и по этой черте Истон я точно не скучала. Какое счастье, что они с Ноланом не знакомы и никогда не познакомятся. – Самое ужасное, когда я обвинила его, он даже не пытался отрицать. Просто сказал… – Я сглатываю.

– Что сказал?

– Что *хотел бы* быть причастным к моему увольнению. – Вздох. – Что хотел бы быть тем, кто вытащит меня из той жизни, которую я для себя выбрала.

Истон кивает. Проходящий под нами паром сигналит, разряжая тишину.

– Что ж, ты в курсе, что я не люблю соглашаться с белыми парнями, у которых есть трастовые фонды, но в данном случае я бы засчитала ему очко в виде брауни.

– Боже, – я вся сжимаюсь, – я такого ему наговорила. О нем. О его семье. Я просто… Я была так зла, Истон.

– На кого ты злилась, Мэл? На Нолана? На своего отца? На жизнь? На себя? На всех сразу?

Пока я не готова ответить на этот вопрос. Так что кладу голову Истон на плечо, позволяя ей гладить меня по волосам, и впервые

за долгие недели вспоминаю, как сильно он мне нравился, даже когда я думала, что не нравится вовсе. С ним я смеялась и чувствовала себя самой собой. Мне нравилось следить за тем, как он играет, и мое сердце трепетало, когда я смотрела на него спящего. Осознание, что я хотела быть с ним, становится для меня странным облегчением. И тут же с гневом я одергиваю себя, потому что позволила подобную слабость.

Впервые за прошедшие недели могу признать следующее:

«Мне хотелось бы знать, что между нами есть нечто большее, чем просто обмен гамбитами.

Понятия не имею, как смогу сидеть напротив него целых двенадцать партий.

Завтра, еще до начала игры, мне придется пожать ему руку, и мои пальцы покалывает оттого, как сильно я предвкушаю это прикосновение. Нолан где-то здесь, на этом острове, и я всем телом, каждой косточкой чувствую его присутствие».

– Истон. Думаю, я все испортила.

– Ага, – она кивает. – Из-за того, что случилось с твоим отцом, тебе кажется, что когда люди что-то портят, то это навсегда. Что у них не может быть второго шанса. И порой это правда, но обычно… – Она пожимает плечами. – В общем, я здесь. Твоя семья здесь. Нолан… – Она не продолжает.

И мне остается только вздыхать. Истон тоже вздыхает. Впервые за долгое время мы просто слушаем крики чаек, смотрим, как лодки оставляют за собой белые полосы на воде, и делаем вид, что через час нам не нужно никуда идти.

Глава 29

Я вхожу в зал для пресс-конференций так, как это сделала бы Меган Маркл: в окружении двух представителей ФИДЕ, чьи имена я не расслышала, следом крупный мужчина, который, подозреваю, имеет отношение к службе безопасности. Вспышки камер начинают щелкать в ту же секунду, как я оказываюсь в помещении, но без особого энтузиазма. Скорее, так реагируют на политика средней руки, который объявляет, что собирается бороться за президентский пост. Ничего общего с прибытием BTS в главный аэропорт Лос-Анджелеса.

В этот момент я понимаю, что никогда и ни за что не привыкну к подобному. А еще, что мне не следовало надевать зеленые конверсы с дыркой у левого мизинца.

Парочка журналистов в первом ряду приветствует меня. Я без понятия, кто это, но они улыбаются мне так, будто я их дальняя родственница, которую они видят исключительно на свадьбах и крещении младенцев, но все равно любят. Все это… странно. Даже более странно, чем просьбы дать автограф.

Больше никогда и ни за что.

– Всем привет, – я делаю неловкий взмах рукой и озираюсь вокруг. Ни одного знакомого лица: для присутствия в зале необходимо редакционное удостоверение, а у Дефне его нет. Я одна, в окружении толпы, в Италии, в богато украшенной комнате, занавешенной антикварными вельветовыми шторами, и худшее только впереди.

Девушка в последнем ряду с улыбкой машет мне рукой. Элени из Би-би-си, наполовину погребенная под небольшой горой

оборудования, очевидно, все еще стажерка. Я улыбаюсь в ответ и чувствую себя лучше.

Стоящий на возвышении стол длинный и узкий, сверху – три пары микрофонов и табличек. На стуле посередине уже сидит модератор встречи, мужчина средних лет, который по совместительству является одним из многочисленных вице-президентов ФИДЕ. Я смутно помню его с Турнира претендентов. Справа от него – табличка с моим именем, именно за ней я и сажусь.

Оставшееся место слева от модератора пока пустует.

И остается пустым еще минуту.

Две.

Две с половиной.

Три. Я сама немного опоздала, потому что пришлось ждать пар*о*м, плюс нам с Истон нужен был четвертый завтрак. Мы уже на десять минут отстаем от графика, и десятки журналистов в зале перешептываются, будто на викторианском балу произошел какой-то немыслимый скандал.

В панике смотрю на модератора.

– Не волнуйся, – заговорщически шепчет он, прикрыв рот листом бумаги, – он не посмеет не прийти. Мы усвоили свой урок.

– В каком смысле?

– Он ненавидит пресс-конференции и вечно пытается пропустить их. Но, – модератор показывает на панель за нашими спинами, где указаны спонсоры мероприятия, – ФИДЕ на них отлично зарабатывает, особенно в этом году. Так что ему грозят большие штрафы, если он не придет. – С хитрой, но отчасти теплой улыбкой он опускает листок бумаги, перед тем как прокашляться и включить микрофон. – Что ж, дамы и господа, похоже, у нас небольшая задержка. Почему бы нам с мисс Гринлиф не развлечь вас партией в быстрые шахматы? Я буду белыми.

Ропот в зале становится громче. Я оглядываюсь, понимаю, что нигде не вижу шахматной доски, и осознаю, что имел в виду модератор, только когда он говорит в микрофон:

– d4.

– Оу, – я чешу нос. – Эм, d5?

– c4, – его глаза блестят, и он поворачивается к журналистам. – Примет ли она мой гамбит?

Обычно я не принимаю. Обычно избегаю ферзевого гамбита с помощью e6 и затем выстраиваю крепкую оборону, но у этого парня в глазах такая надежда, да и людям нравятся вызовы, что, усмехнувшись, я говорю:

– d бьет c4.

Народ в восторге. Моя улыбка становится шире. Градус напряжения в зале снижается, когда модератор смеется и довольно кивает.

– e3, – говорит он, и я уже решаю передвинуть коня на f6 чисто ради развлечения, но тут…

Дверь открывается.

Не та дверь, через которую вошла я, а боковая, которую я даже не заметила. Вновь шелест затворов камер. В помещение бойким шагом входит женщина с рыжими волосами – я видела ее на чемпионате в Филадельфии, это менеджер Нолана. Должно быть, она лучше подкована в получении журналистского пропуска, чем Дефне. Выглядит она далеко не радостной, и прямо за ней…

Я была уверена, что успешно укрепила свою оборону. В туалете Истон три минуты инструктировала меня насчет самоконтроля. Я расправила плечи, сделала глубокий вдох и повторила то, что она мне сказала: «Я большая девочка, я могу встретиться с бывшим перед главными телеканалами десятков стран… Ладно, Истон, давай признаем. Это никогда не сработает».

И все же я думала, что справлюсь. Но когда Нолан заходит в комнату, как обычно одетый в темную рубашку и темные джинсы, с настороженным взглядом и более короткими волосами, чем когда я запускала в них пальцы в последний раз, – я не справляюсь.

Я далеко не в порядке.

Он не смотрит в мою сторону, даже мельком. Вместо этого спокойно поднимается на подиум, и женщина в четвертом ряду спрашивает:

– Вы опоздали, Нолан. Все в порядке?

На что он просто отвечает:

– Да, – говорит в микрофон с непринужденной уверенностью.

Я уже видела, как он делал это раньше. Возможно, он и ненавидит пресс-конференции, но опыта у него предостаточно.

– У меня сломалась машина, – добавляет он, и все начинают смеяться.

Ладони у меня на коленях сжимаются в кулаки, пока я не убеждаюсь, что они больше не дрожат. К тому моменту, как модератор заканчивает свою вступительную речь и приступает к первому вопросу, я прихожу в себя. По крайней мере, отчасти.

– Карл Бекер, Ди-пи-эй. Нолан, вы не делали никаких заявлений о скандале с участием Мальте Коха. На ваш взгляд, отстранение на три года – справедливое наказание? И что вы думаете о нем в целом?

– Стараюсь вообще о нем не думать.

Народ довольно смеется.

– ФИДЕ решать, какое наказание справедливое, а какое нет, – добавляет Нолан.

– Лючия Монтрезор, «Анса». Нолан, как вы оцениваете свою текущую игровую форму по сравнению с Пастернаком?

Слегка морщась, он фыркает:

– Вряд ли бывает хуже, правда?

Все вновь смеются. Нолан не очень-то изменился с того ток-шоу, которое я видела несколько лет назад. Сразу вспоминаются миссис Агарвал и пищевая сода. Нолан все такой же харизматичный, в каком-то смысле вопреки самому себе. Он все еще не в восторге от пребывания здесь и не стыдится в этом признаться, но в то же время отвечает на вопросы в спокойной, обворожительной, прямой манере.

Я смотрю на него и вижу, что он не смотрит на меня в ответ, из-за чего у меня сжимается сердце.

– И вопрос для Мэллори. Прошедший год оказался для вас судьбоносным. Теперь вы здесь. Какие ощущения?

– Это…

Все поворачиваются ко мне. Кроме Нолана, продолжающего смотреть вперед, на журналистов.

Он ненавидит меня. За то, что я тогда сказала. Что уехала. Я напортачила – теперь он ненавидит меня и имеет на это право.

– Это большая честь, – слабая попытка улыбнуться. – Я рада и очень признательна.

– Эй-эф-пи, Этьен Лерой, вопрос сразу к обоим. У вас были близкие родственники, которые больше не с нами, но когда-то они

играли в шахматы на высоком уровне. Делает ли это пребывание здесь более значимым для вас?

Я замираю. Не могу говорить о папе. Или не так. За прошедший месяц я поняла, что могу говорить о папе, но не хочу этого делать в присутствии десятков людей, которые…

– Не-а, – плоско отвечает Нолан, спасая нас обоих.

Модератор указывает на другого журналиста, и я облегченно выдыхаю.

– «Рейтер», Частен. Нолан, ходит слух, что до всех известных событий мисс Гринлиф состояла в вашей команде и помогала вам готовиться к чемпионату. Можете вы это подтвердить или опровергнуть?

– Не сказал бы.

Зал взрывается от смеха.

– В любом случае говорят, что мисс Гринлиф была вашим секундантом. Это дает ей несправедливое преимущество.

Нолан пожимает плечами:

– Если кто-то думает, что ей нужно преимущество, пускай внимательнее следит за тем, как она играет.

Присутствующие в зале начинают взволнованно перешептываться. Сердце стучит у меня в ушах.

– Мэллори, «Фокс-Ньюс». Вы первая женщина, которая вышла в финал чемпионата мира. Как вам это удалось?

– Я просто… – Прикусываю нижнюю губу. – Думаю, все дело в том, что моя шахматная карьера не совсем обычная. Я не очень-то успела испытать на себе царящий в спорте сексизм, в отличие от большинства шахматисток. Думаю, пока просто не успела засомневаться в себе.

– Получается, вы не думаете, что чем-то лучше ваших предшественниц?

– Нет, конечно нет. Я…

– Вы раньше не принимали участия ни в каких турнирах мирового уровня. Тогда что, по-вашему, позволяет вам претендовать на титул? Почему здесь вы, а не кто-то другой?

Я сглатываю:

– Просто…

Никакой причины нет. Мне повезло. Произошла ошибка. Я недостаточно хороша и…

– Мужик, – Нолан хрипит в микрофон, – она в буквальном смысле выиграла квалификационный турнир, чтобы попасть сюда. Может, начнешь следить за новостями?

Представитель «Фокс-Ньюс» пристыженно опускает глаза. Я бросаю взгляд на Нолана, который общается с толпой не хуже стендап-комика. Народ хохочет, кто-то даже аплодирует, настолько он кажется им забавным. Его любят, даже когда он всем видом показывает, что ему это не нужно. Я хочу крикнуть всему залу: «Прекрасно вас понимаю – я так же слепо его обожала!»

Хотя, наверное, с тех пор ничего не изменилось.

– Мэллори? Снова Эй-эф-пи. Вы с Ноланом в прошлом встречались – является ли это для вас препятствием? Повлияет ли это как-то на вашу игру?

Что ж.

Может, я и полная дура, но наивно полагала, что они не будут задавать таких вопросов. Уверена, модератор тоже не ожидал ничего подобного, потому что чувствую, как он напрягается рядом со мной.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не повернуться к Нолану. Давайте начистоту: до этого он отразил каждый непростой вопрос, который заводил меня в тупик. Но помочь с этим он вряд ли сможет. Я могу удариться в отрицание, совсем отказаться отвечать или сказать правду, но ни к одному из этих вариантов я не готова. Так что иду путем наименьшего сопротивления и слышу свой голос как будто со стороны:

– Нет.

Короткое слово эхом разносится по залу и звучит словно пощечина. Мне тут же хочется забрать его обратно. Я хочу посмотреть на Нолана и сказать…

Не знаю, что именно. Но это не имеет значения, потому что модератор берет инициативу на себя:

– Очень хорошо. Похоже, наше время истекло. Думаю, на сегодня все, но…

– Последний вопрос! Трент Моулс, «Нью-Йорк таймс». Чтобы поддержать соревновательный дух, назовите то, что вас восхищает в игре оппонента.

Модератор колеблется, будто чувствует, что позволить нам ответить будет плохой идеей. Но затем он поворачивается.

– Конечно. Вам есть что ответить?

Нолану нечего сказать. По крайней мере, мне так кажется. Он расслабленно сидит на стуле, будто мы не в Италии, а в Нью-Йорке, и наблюдает за тем, как Эмиль лажает с хлебной закваской, словно весь мир и десятки аккаунтов в соцсетях, посвященные исключительно его рукам, ямочкам на щеках и гамбитам, не следят за ним, словно ястребы.

Но внезапно что-то в нем меняется. Он немного наклоняется вперед – всего на дюйм, затем еще один – и делает глубокий вдох, перед тем как сказать в микрофон:

– Всё до единого, – говорит он. Прямо. Решительно.

Мое сердце разбивается на осколки.

За его заявлением следует тишина. Впервые никто не смеется. Ничего не говорит. Не набрасывает заметки у себя в планшете. Никто не поднимает руку, чтобы задать следующий вопрос.

Я в полном ступоре.

Модератор прокашливается и поворачивается ко мне.

– Мэллори? – спрашивает он. – А вас что восхищает в игре Нолана?

– Я…

Что меня восхищает больше всего? Что?

Он динамичный.

Борется до последнего, использует каждую фигуру, каждую возможность, хватается за любую идею, высасывая из доски все до последней капли.

Он смертоносный и дотошный.

Играть с ним увлекательно, весело, и он непредсказуем.

Каждая партия с ним приключение.

И эта складка у него на лбу, когда он размышляет, как сделать следующий ход максимально хаотичным и опасным. В такие моменты мне хочется отнять его руки от лица, чтобы вновь видеть эти глаза. Хочется разгладить морщины. Хочется показать все, на что я способна, чтобы…

– Мэллори?

Я отрываюсь от бутылки «Фиджи», на которую пялюсь последнюю минуту. На меня уставились миллионы глаз. Я сглатываю.

– Да, точно. Я…

У меня нет слов. Я ошеломлена, в смятении, дезориентирована. И модератор добродушно кивает.

– Что ж, похоже, ее ответ – ничего.

Несколько журналистов натужно посмеиваются. Затем в воздух взмывают руки в надежде на еще один, последний вопрос, которому уже не дано случиться.

– Всем спасибо, что пришли. Конечно, после каждой партии нас ждут более долгие пресс-конференции, поэтому я рад…

Одна из представительниц ФИДЕ просит меня остаться. Она берет меня за локоть и помогает спуститься с подиума. Я следую за ней мимо стула Нолана. Когда моя рука задевает его плечо, я не уверена, случайность это или жест отчаяния.

Я выхожу из зала, зная, что он так ни разу на меня и не взглянул.

На церемонии открытия я провожу меньше десяти минут. Когда жую пятую брускетту и вытягиваю шею, пытаясь разглядеть кое-кого с широкими плечами и подстриженными темными кудрями, Дефне хватает меня за запястье и тащит прочь.

– Ты посветила лицом, а теперь пора валить.

Ее ярко-красные губы растягиваются в вежливой улыбке перед каждым, кого мы встречаем на пути к выходу.

– Но я только пришла! И брускетты здесь просто потрясающие.

– В девять тебе надо ложиться спать, потому что завтра самая важная партия за всю твою карьеру.

– Да ну? Насколько я знаю, их двенадцать.

– Первая задает тон соревнований, Мэл.

– Я… Невежливо уходить так рано.

– Может быть. – Дефне тянет меня по лестнице. – Но твой оппонент даже не почесался показаться. Пока он ведет себя хуже, чем ты, мы в шоколаде.

Вот так в 20:53 я оказываюсь в пижаме, под одеялом, со взбитой перед сном подушкой. Истон ложится на свою половину кровати, Дарси протискивается между нами, а Сабрина нашла себе место где-то в ногах.

Настоящая пижамная вечеринка.

– Мой тренер сказала, что через пять минут я уже должна заснуть, – замечаю я.

– О, точно. – Сабрина не отрывается от телефона. – Дефне, случайно, не придет помочь тебе срыгнуть?

– Эх, Сабрина, – журит ее Истон, – ты же знаешь, что сначала нужно поменять подгузник.

Мы еще долго спорим, что смотреть на здоровенной плазме. Потом сдаемся, потому что не можем найти фильм, который не забраковал хотя бы один человек, и решаем включить рандомное видео с «Ютьюба». После длиннющего ролика про неожиданно жестокое роллер-дерби, из-за чего я стала переживать за мозг Сабрины, Истон благословила нас прохождением «Дрэгон эйдж». На мгновение кажется, что все как раньше: мы вместе, Солас[56] по-прежнему засранец. Когда я поворачиваюсь к ней с улыбкой, то вижу, что она улыбается мне в ответ. Но в ту же секунду я кое-что вспоминаю – и мне становится грустно.

– Что? – спрашивает Истон.

– Ничего. Просто… – пожимаю плечами. – Я однажды смотрела видео с Ноланом.

– Прохождение? Этот потрясающий парень еще и играет в «Дрэгон эйдж»?

– Не совсем.

– Оу. Кстати, я смотрела твою пресс-конференцию. Отличная работа, если ты хотела показать, как ненавидишь его даже после того, как он сказал про тебя столько милых вещей.

– Я не хотела ничего показывать.

– Но показала, – хором заявляют Дарси и Сабрина, не отрываясь от телевизора.

– Как хотите, – я закатываю глаза. Возможно, они правы. – Он не говорил ничего… Может, он и хорошо обо мне отозвался, но не обманывайтесь. Он делал вид, что меня в зале вообще не было.

– М-м-м, – Истон кивает. – А ты не думала первой его заметить? Может, что-то типа: «Эй, чувак, я на самом деле не хотела говорить тебе гадостей».

– Точно. – Я прочищаю горло. Отвожу взгляд. – Нет.

– Ты его тоже сукой называла? – спрашивает Дарси.

Я со стоном вздергиваю подбородок.

– Отказываюсь разговаривать на эту тему с несовершеннолетними и даже с совершеннолетней, которую нужно двадцать пять минут уговаривать поставить в конце сообщения эмоджи, – заявляю я.

Но спустя десять минут под звуки видео, где женщина из Техаса выхаживает раненую летучую мышь (выбор Дарси), я пытаюсь написать сообщение. Наша последняя переписка датируется девятым января, серединой ночи. На мое «Или Эмиль очень хорош в сексе, или он сейчас пытается убить Тану» пришел следующий ответ: «Ты хочешь сказать, меня не сирена разбудила?» Перечитав сообщение, я едва сдерживаю улыбку и начинаю набирать новое:

можем поговорить?

Затем удаляю набранный текст и пишу заново:

в чем-то ты прав. возможно, не во всем, но я слишком остро отреаги…

Стираю.

ты знал, что в 2011-м в игре против Лала пропустил возможность поставить шах и мат. но ты классно превратил ту пешку.

Удалить. Удалить. Удалить.

мне жаль, что

Удалить.

привет.

Я не нажимаю «отправить», но оставляю сообщение нетронутым. И когда прижимаю телефон к груди и переключаю внимание обратно на телевизор, маленький аппарат кажется на несколько фунтов тяжелее, чем раньше.

Глава 30

После окончания матча – обычно во время одной из пресс-конференций, которые, как мне кажется, должны набирать двенадцать просмотров, а их смотрят сотни тысяч таких же задротов, как и я, – люди спросят, как мне удалось принять правильное решение в конкретный момент игры. «Откуда вы знали, что нужно пожертвовать пешкой? Почему решились на этот размен? Ваш ход ладьей на e6 был идеальным. Как вы догадались?»

Люди спрашивают меня. И все, что я могу ответить: «Я просто знала, что нужно делать».

Может, это инстинкт. Что-то, данное мне от природы, что помогает играть в шахматы. Некий рудимент, внутреннее понимание, какой исход меня ждет, если позволю себе следовать по определенному пути.

Фигуры рассказывают мне свою историю. Рисуют картинки и просят их раскрасить. В каждой – тысячи возможных ходов, миллионы вероятных комбинаций, похожие на красивый клубок шерсти. Я могу размотать его, если захочу, и переплести с другими, чтобы создать изящный узор. Новый узор.

В идеале победный узор.

Если бы не папа, этот инстинкт остался бы неразвитым. Если бы не годы упорного труда, практики, обучения, анализа, повторений, одержимости, игры, игры, *игры*, то мой инстинкт не пробудился бы. Если бы не Дефне, он бы заснул совсем после долгой паузы в четыре года.

Но он все еще был бы со мной. Если бы жизнь пошла другим путем, мой инстинкт все еще представлял бы собой клубок необработанной шерсти с узелками неизвестности. В пять минут четвертого утра он будит меня в самый важный день в моей жизни, гудит внутри, требует встать с кровати.

Я не помню, как заснула. Телевизор все еще работает, «Нетфликс» настойчиво спрашивает, хотим ли мы продолжить смотреть «Ривердейл», и я понятия не имею, почему сестры решили оккупировать мою комнату, вместо того чтобы вернуться в свои роскошные хоромы.

Чтобы вылезти из кровати, приходится исполнить акробатические трюки в стиле «Цирка дю солей», и в результате я едва не получаю растяжение лодыжки. Сходив в туалет и допив то, что осталось в бутылке с водой, я понимаю, что больше не хочу спать.

Тихо надеваю худи Истон с символикой университета. Оно заканчивается чуть ниже моих шорт, и мне, наверное, следует накинуть сверху пальто или надеть спортивки, но я не хочу включать свет, чтобы найти что-нибудь потеплее, и покидаю номер.

В коридоре тихо и холодно. Море тоже спокойно. Никаких теплоходов, лодок или даже чаек – вся Венеция крепко спит. Я спускаюсь по лестнице, наступая на блестящие розово-белые плитки мраморного пола. Кажется, что под босыми ногами лед, волосы пружинят у плеч.

Не знаю, куда иду, но что-то внутри меня говорит о том, что я выбрала нужное направление. Мне нравится быть одной, в компании ночного морского бриза, исследовать безлюдные сады, вдыхать запах травы и соли. Замечаю, что в стеклянном домике горит свет, – там я проведу следующие две недели, погруженная в шахматы и сердечную боль. Я иду по каменной дорожке, считая шаги в первый из тринадцати раз. Интересно, когда взойдет солнце, не превратится ли бесценное спокойствие в комок обнаженных нервов?

Прекращаю считать шаги, когда замечаю *его*, но не скажу, что напугана. Возможно, мне следует удивиться, обнаружив его здесь – в это время, в этом месте, – уникальное совпадение, но мое внутреннее чутье говорит, что все так и должно быть.

Вот зачем я здесь – чтобы увидеть Нолана.

Он стоит во весь рост, спиной ко мне, перед знакомым портретом. Фотографию Маркуса Сойера переместили в стеклянный домик вместе с тремя другими – чемпионы мира, которые одержали свою победу здесь, в Венеции. Завтра, когда начнется первая партия, они будут следить за ней вместе с остальными и наблюдать, как вершится история.

Я смотрю, как расслаблены плечи Нолана, и думаю, что мне делать дальше.

Думаю развернуться.

Думаю о своих окоченевших конечностях и сестрах, оставшихся в комнате.

Вспоминаю взлохмаченные волосы Нолана, коробку с фруктовыми колечками и его широко распахнутые глаза, когда он сказал: «Там был Каспаров◊».

Вспоминаю, как он утыкался носом в мой пупок, его любовь к шотландской партии и как мне нравилось быть с ним, что немного пугало.

Сильно пугало.

Я решаю идти дальше. Вперед, по пустой дорожке. Как будто я ладья. А Нолан… должно быть, он все-таки слышит, как я открываю стеклянную дверь и захожу внутрь, но даже не оборачивается и никак не показывает, что замечает мое присутствие. Он продолжает изучать фотографию деда – темные глаза смотрят на темные глаза, упрямый подбородок рядом с упрямыми бровями.

Я подхожу, встаю рядом – достаточно близко, чтобы почувствовать жар его тела, – и говорю:

– Я изучала его партии.

На что он просто отвечает:

– Да?

Я скучала по его голосу. Точнее, скучала по тому, как звучит его голос, когда мы вдвоем. Богаче, ниже, чем обычно. Не буднично, без острых краев. Я скучала по тому, как его голос проходит через мое тело.

– Потому что не могла заставить себя изучать твои.

– Точно, нет ничего скучнее.

Я выдыхаю нервный смешок:

– Нет, просто… Да хватит тебе. Ты все понял.

Нолан кивает, все еще разглядывая фото. Мягкий свет красиво танцует на его коже.

– Я все понял.

– Еще бы, – я заправляю волосы за ухо. Хотела бы посмотреть ему прямо в глаза, но этому не бывать, если мы продолжим в том же духе. Если он сам не посмотрит на меня. – И все же. Моя любимая партия – когда он играл против Гончарука в начале восьмидесятых. Турнир назывался что-то вроде Тата-Стил…

– Хооговенс[57]?

– Ага.

– Это та партия, где он предложил ничью, когда почти проиграл?

– Да, – я хихикаю. – Просто вынос мозга. Только Маркус Сойер был способен на подобное. Соперник, наверное, думал, что тот видит что-то, чего не видит он сам.

– Точно. До сих пор не могу поверить, что Гончарук принял предложение, вместо того чтобы дать ему пощечину, – Нолан восхищенно качает головой. – Боже. Настоящий засранец.

– Очевидно, это качество в его семье передается по наследству, – говорю я.

Он мягко смеется – негромко, задумчиво, отчего мне тут же хочется ударить себя и забрать слова назад.

Мне так жаль…

Я не хотела…

Я солгала, когда…

– Очевидно.

– Нет. Нет, я… – Закрываю глаза ладонью. Я не в себе. Я абсолютно точно не в себе. – Я не хотела… Как бы то ни было, я не считаю тебя засранцем. Или манипулятором. Или эгоистом. Или… – *Не заслуживающим любви*. – Или кем там еще я назвала тебя в Нью-Йорке. Если у тебя и есть эти качества, то совсем чуть-чуть, не больше, чем у любого другого шахматиста во всей Вселенной. Не больше, чем у меня. – Я пытаюсь сделать глубокий вдох, и воздух с болью проходит через легкие. – То, что я сказала… я так на самом деле не думаю. И когда назвала тебя сумасшедшим… Мне очень стыдно. Я была…

Не знаю, какой я была. Но Нолан знает.

– Ты злилась. Была уставшей. Тебе было больно, и ты хотела, чтобы я почувствовал твою боль. Так страшно, что ты себя не контролировала.

Я закрываю глаза:

– *Чертовски* страшно.

Он кивает, но все еще не смотрит на меня:

– Я не собирался манипулировать тобой, но… ты можешь вернуть мне деньги за стипендию, если это поможет тебе чувствовать себя лучше. Тогда ты больше не будешь мне ничего должна и станешь свободна.

Мои внутренности скручиваются.

– Ты хочешь, чтобы я вернула тебе деньги?

Он позволяет себе скромный смешок и наконец поворачивается ко мне. Ночной воздух будто разом выкачали у меня из легких.

– Как ты, Мэллори?

– Я… Хорошо. – Оказывается, это я не могу смотреть ему в глаза и теперь изучаю безупречно сидящий костюм Маркуса Сойера. – Не знаю, в порядке ли я. Но теперь мне лучше, чем раньше, – добавляю это, потому что Нолан ждет от меня правду. – Всё… Ты был прав. Насчет того, как я себя вела, особенно со своей семьей. Но в последнее время все стало налаживаться. В смысле, – чешу шею, – я стараюсь сделать так, чтобы все налаживалось. Я уже не фанат контроля, пытающийся стать мучеником при жизни. Скорее, просто… человек?

Мгновение Нолан изучает меня. Затем я чувствую, как он подается вперед, и все мое тело напрягается от ощущения, что меня загнали в ловушку и теперь я не могу пошевелиться, взвинченная до предела. Я жду. Он мог бы взять меня за руку. Мог бы одним движением притянуть к себе. Мог бы положить руку мне на шею и поцеловать так сильно, как когда-то делал.

Вместо этого Нолан просто отводит от моего лица прилипшую к губам прядь волос.

– Дарси с Сабриной вроде в порядке.

У меня кружится голова от легкого разочарования.

– Ты с ними виделся?

– Мы недавно ходили с ними гулять. А сегодня я угостил их мороженым.

– Они мне ничего не сказали, – я хмурюсь.

– Все происходило втайне. Меня предупредили, что ты известна своими приступами гнева.

Я хмурюсь сильнее:

– Ты поэтому опоздал на пресс-конференцию?

Нолан кивает:

– Дарси нужно было попробовать все вкусы, прежде чем определиться с заказом. Проблема в том, что в Италии о бесплатных пробниках ничего не слышали.

– Тебе что, пришлось подраться с этим мускулистым мороженщиком с золотой цепью?

– Мой ответ зависит от того, что ты считаешь более крутым: драку или взятку в пятьдесят евро.

Я смеюсь, прикрываясь тыльной стороной ладони, а когда вновь поднимаю глаза, то Нолан опять серьезен.

– Нолан…

– Прости меня. За мои слова. У меня не было никакого права предполагать, что ты как-то не так заботилась о своей семье. Я знаю, что даже представить не могу, через что ты прошла с отцом.

– На самом деле, можешь.

Он изучает меня чуть дольше, чем нужно. В его черных глазах проплывают галактики, и я задаюсь вопросом, может ли эта секунда продлиться вечно. Может ли мир состоять только из нас двоих, где мы в вечной петле времени снова и снова будем понимать друг друга.

– Да. Вероятно, могу.

Я прокашливаюсь. Ладно. Была не была.

– Раз уж мы заговорили о том, что я пряталась за… Да за чем я только ни пряталась – за мамой, сестрами, отцом. Мои обязательства перед семьей служили мне щитом. Но сейчас я пытаюсь понять, чего хочу сама. Чтобы прожить собственную жизнь.

– Это хорошо.

– Ага. Например, я знаю, что не хочу бросать шахматы. Хочу играть профессионально. Хочу, чтобы это была моя работа.

Губы Нолана дергаются. Глаза расширяются, полные мальчишеского блеска, который я в нем так полюбила.

– Правда?

– Правда. И я не собираюсь отступать. Или, по крайней мере, попытаюсь. И… моя подруга Истон здесь, это приятно. Мы помирились. А когда вернемся домой, я собираюсь разговаривать с ней каждый день. Я просто… буду звонить ей сама. Возьму все в свои руки. И если наши дороги когда-нибудь разойдутся, это случится не потому, что я опустила руки.

Нолан кивает:

– Звучит справедливо.

– Еще мы дома стали разговаривать об отце. Во всяком случае, пытаемся. Все больше и больше. Я начала изучать кое-какие его партии и даже показывала их Дарси, когда учила ее играть. И хотя невозможно забыть все плохое, что случилось, мне все равно хочется, чтобы мы помнили о хорошем.

Он понимает меня. Я вижу это по его печальной улыбке.

– Все правильно.

– И еще… – Я сглатываю образовавшийся в горле ком, заледеневшие пальцы впиваются в пол. – Еще я много думала о судьбе, совпадениях и прошлом. Глупо, знаю. И возможно, тебе никогда не приходило это в голову, но когда я была маленькой, а ты ненамного старше меня, мы оба играли в шахматы примерно в одной географической зоне. Мы ни разу не встречались, но я гадала, может, мы были на одном турнире или в одном клубе, просто в разных секциях. Я гадала, может, мы играли одними и теми же фигурами, но не знали об этом. Гадала, может, нам суждено было встретиться, но мы разминулись. Когда я бросила шахматы, то не собиралась к ним возвращаться. Совсем. Прошли годы, и для нас с тобой это должна была быть точка, ведь мы так и не смогли встретиться. Но Дефне потащила меня на турнир, и это было как… второй шанс. – Я делаю глубокий, судорожный вздох. – Не думаю, что верю в судьбу. Я верю в сильные дебюты, миттельшпили, где нужно проявлять инициативу, и быстрый переход к эндшпилям. Но не могу перестать думать о том, что, возможно, Вселенная пыталась нам что-то сказать и…

– Поверить не могу, что все это ты начала с фразы «Возможно, тебе никогда не приходило это в голову», – тон Нолана одновременно сухой и удивленный, и теперь я больше не могу держать слова внутри.

– Я хочу быть с тобой, – выпаливаю я. Голос дрожит. И когда понимаю, что за моим признанием ничего не следует, повторяю уже

увереннее: – Я хочу быть с тобой. Столько, сколько смогу. Столько, сколько ты мне позволишь.

Я это сказала. Теперь он знает. Я призналась, и мне остается только ждать любой его реакции, ответа, эмоции. Но его темные глаза непроницаемы.

– Я рад, что ты это сказала, – произносит Нолан так, словно делает комплимент моему ходу во время игры. Как будто это не самый большой риск в моей жизни.

– Почему?

Он смотрит на меня с легкой улыбкой. Она едва заметна, но каким-то образом весь мой внутренний мир переворачивается с ног на голову.

– Потому что теперь я могу сказать то же самое.

Я закрываю глаза, чувствуя, как сотрясается каждый атом моего тела. Но в Венеции все еще стоит предрассветная тишина, и исходящее от Нолана тепло заставляет меня прийти в себя.

– Когда мы говорили в последний раз, я сказала много неправды. Но забыла одну важную вещь. Что с тобой я была счастлива. В дни, которые мы провели в Нью-Йорке, мне было…

Нолан, кажется, немного удивлен моей неспособностью выражать эмоции.

– Хорошо?

– Да. Очень. И мне бы очень хотелось, чтобы у нас было больше таких дней. Гораздо больше. Начиная с этого дня, если возможно. Даже несмотря на то, что… – Я оглядываюсь и издаю сдавленный смешок. – Похоже, я выбрала не самое подходящее время для разговора.

Он улыбается:

– Тут я с тобой не совсем согласен.

– Почему?

Нолан кивает в сторону шахматной доски:

– Нам и правда предстоит провести много времени вместе.

– Точно. Совсем забыла. – Я принимаюсь чесать шею, лишь бы руки не тянулись к нему, хотя мне безумно хочется его коснуться. Но я не должна. Хотя хочу. – Кстати, раз уж ты не новичок, как я, может, дашь какой-нибудь совет?

Нолан задумчиво наклоняет голову:

– Не забудь позавтракать.

– Точно. Завтрак.

– Чтобы там было что-то протеиновое, если это возможно.

– Ладно. – Я жду продолжения и хмурюсь, когда понимаю, что этого не случится. – Серьезно, это все? Ты скрываешь от меня какие-то бесценные лайфхаки?

Он пожимает плечами:

– Это все.

– Ну же, Нолан, ты принимал участие в трех чемпионатах мира.

– Да. Но этот отличается.

– Почему?

Я смотрю на него, а он смотрит на меня. Меня переполняет то, чему я не могу дать название.

– Потому что, когда я с тобой, Мэллори, все по-другому. Когда я с тобой, я больше хочу играть, чем выигрывать.

К глазам подступают слезы, но это не слезы грусти. Впервые за долгое время я испытываю целую палитру эмоций, но печали среди них точно нет.

– Знаешь что? – спрашиваю я, делая шаг вперед. И еще один. Затем подхожу вплотную и словно ступаю на новую планету. Это новая эра моей жизни. – Я тут читала кучу шахматной теории. Объемные, скучные книжки. Там везде написано, что если оба игрока играют идеальные партии, то им становится скучно. Потому что это неизменно приведет к ничьей.

Я слышу, как бьется его сердце, и чувствую его улыбку.

– Правда?

Киваю.

– Ну что ж, – он обнимает меня. Губы затерялись в моих волосах. Грудная клетка поднимается и опадает около моего уха, и глубоко внутри я точно понимаю – как понимаю все о шахматах, – что именно здесь мое место. – Думаю, будет весело доказывать, что это не так.

Глава 31

Шесть с половиной часов спустя мэр Венеции, высокий мужчина с густой черной бородой и труднопроизносимой фамилией, перемещает пешку у моей королевы на d4 в качестве символического первого хода чемпионата мира по шахматам.

Затворы фотоаппаратов щелкают.

Зрители аплодируют.

В лагуне накатывают мягкие волны.

Когда мэр покидает стеклянный домик, в саду воцаряется умиротворяющая тишина.

Я – Мэллори Гринлиф, США, номер в мировом рейтинг-листе 1843 – кидаю быстрый взгляд на своего оппонента – Нолана Сойера, США, номер в мировом рейтинг-листе 1.

И понимаю, что он уже смотрит на меня с теплой улыбкой в темных глазах.

Эпилог

Два года спустя

ГРЯДУЩИЙ ЧЕМПИОНАТ МИРА ПО ШАХМАТАМ И ПОЧЕМУ ВСЕ О НЕМ ГОВОРЯТ

Элени Гатаки, старший шахматный корреспондент Би-би-си

Согласно прогнозам, чемпионат мира этого года, который начнется 15 марта, соберет самое большое количество зрителей за всю свою историю. Соревнования проходят каждые два года, и хотя чемпионат постоянно претерпевает какие-то изменения, традиция была заложена задолго до нашего с вами рождения (в Нью-Йорке в 1886 году). И все же можно смело предположить, что большинство людей до этого года о нем не слышали. Так что же изменилось и почему шахматный матч теперь обсуждают почти как Супербоул? Давайте начнем с очевидного.

НОЛАН СОЙЕР, ИГРОК НОМЕР ОДИН В МИРЕ

Скорее всего, если вас попросят назвать каких-нибудь шахматистов, вы вспомните Фишера, Каспарова[◊] или Сойера. Внук бывшего чемпиона мира Маркуса Сойера, Нолан Сойер (22 года), с детства привлекал внимание шахматного сообщества. Вы наверняка видели его обворожительные фотографии, на которых ему всего

восемь, а его поверженным оппонентам – в четыре раза больше. Или слышали про его вспыльчивый нрав – например, когда он побил – не только фигурально, но и физически – опального шахматиста Мальте Коха (ничем не подтвержденные слухи). Или вы узнали о нем, когда в пятнадцать лет он попал в список ста самых влиятельных людей «Тайм». В любом случае факт остается фактом: думаю, вы слышали о нем. И его известность только возросла благодаря…

МЭЛЛОРИ ГРИНЛИФ, КОТОРАЯ… ПРОСТО СУЩЕСТВУЕТ.

Почти двадцатиоднолетняя шахматистка Мэллори Гринлиф занимает пятое место в мировом рейтинге и даже умудрилась стать чемпионкой мира. Возможно, на первый взгляд это противоречит логике, но дело в том, что чемпион мира определяется на конкретном турнире, а рейтинг лишь комбинация всех когда-либо сыгранных партий.

Однако не дайте «низкому» рейтингу Гринлиф обмануть вас. Единственная причина, по которой она не взлетела выше в таблице, – это ее необычный карьерный путь. Она окончила школу в Нью-Джерси, ее отец был гроссмейстером. С пяти до четырнадцати лет Гринлиф участвовала во внерейтинговых турнирах, затем в восемнадцать вернулась в мир шахмат – и в тот же год выиграла чемпионат мира, который состоялся два года назад в Венеции, Италия. Гринлиф победила Сойера в двенадцатой партии после одиннадцати ничьих. Она была первой женщиной, прошедшей в финал чемпионата, и сразу взяла первое место, поэтому попала во все газетные заголовки. Конечно, за свои заслуги в шахматах, но есть еще одна причина…

НОЛАН СОЙЕР И МЭЛЛОРИ ГРИНЛИФ… ЧТО Ж, ТУТ ЕСТЬ ВОПРОСЫ.

Слухи о том, что двое игроков встречаются, ходят давно, но ничем не подтверждаются, поскольку и Сойер, и Гринлиф отказываются отвечать на любые вопросы о личной жизни. Тем не менее их постоянно фотографируют держащимися за руки. Судя по постам Гринлиф в соцсетях, она была вместе с Сойером, когда прошлой осенью отвезла сестру в Брауновский университет. Источники, близкие к шахматистам, подтверждают, что молодые люди живут

в бывшей квартире Маркуса Сойера в Трайбеке. Ну и конечно, не стоит забывать об их долгом объятии, запечатленном на камеры, которое состоялось после того, как Гринлиф победила Сойера в чемпионате мира (в шахматном спорте обычно ограничиваются рукопожатием). К тому же три месяца назад Сойера засняли кусающим Гринлиф за ухо после финальной игры на шахматном турнире в Линаресе, где она потерпела от него поражение. В общем, несмотря на множество косвенных доказательств, понять, станут эти двое шахматной семьей номер один или они просто хорошие друзья, пока невозможно. Но все же…

НОЛАНУ СОЙЕРУ И МЭЛЛОРИ ГРИНЛИФ ПРЕДСТОИТ СЫГРАТЬ ДРУГ ПРОТИВ ДРУГА.

Нолан Сойер стал безоговорочным победителем в Турнире претендентов в этом году, что обеспечило ему место противника Гринлиф в Монреале, и шахматных фанатов дразнит мысль о том, что следующий чемпионат мира может пройти между двумя влюбленными. Могут ли эти двое быть просто хорошими друзьями? Да, несомненно, такая вероятность существует. Но что, если это не так? Что, если они не только противники в шахматах, но еще и чистят вместе зубы по утрам и знают, что другой предпочитает брать навынос? Что, если они могут читать мысли друг друга во время игры или у них есть собственные шуточки насчет слабых мест друг друга?

Одна мысль об этом будоражит воображение. И скорее всего, именно в этом кроется причина безумной популярности шахмат в последние два года: сначала людей заинтересовала гениальная игра этих двух талантливых игроков, а потом они решили попробовать научиться играть и осознали, что…

ШАХМАТЫ – ЭТО КРУТО.

Продажи всего, что связано с шахматами – шахматных наборов, таймеров, аксессуаров, самоучителей, онлайн-курсов, приложений, – взлетели после последнего чемпионата мира, и, кажется, волна популярности не собирается спадать. Примечательно и то, что впервые за десятилетия интерес к шахматам среди женщин стал выше, чем среди мужчин. Более того, среди топ-500 игроков стало больше, чем

когда-либо, женщин и небинарных персон. «Это потому, что мы чувствуем, что к нам наконец стали относиться менее враждебно», – заявила нам Дефне Бубикоглу, главный тренер Гринлиф и владелица шахматного клуба «Цугцванг». Ее клуб на подъеме, официально опережает по количеству участников «Маршалл», другой шахматный клуб Нью-Йорка с большой историей.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ…

Мы не знаем, чем закончится чемпионат мира в этом году. Но точно можем сказать, что за ним будет следить намного больше людей, чем когда-либо. И впервые за десятилетия имена шахматистов у всех на устах. Неважно, правдивы ли слухи об отношениях Гринлиф и Сойера, – главное, что они вместе работают на позитивный имидж этого вида спорта.

И если вы «шипперите их изо всех сил» и «хотели бы верить, что это правда», вот вам подсказка. Три недели назад на благотворительном турнире Нолан Сойер, известный своей нетерпимостью к проигрышам, не перестал отвечать на вопросы журналистов. Очевидцы сообщают, что когда его спросили, как он относится к тому, что Мэллори Гринлиф может потеснить его на пьедестале, то он просто улыбнулся, прежде чем уйти.

Примечания автора

Исследование о половых стереотипах в шахматах, которое Дефне упоминает в этой книге, существует на самом деле. Оно было опубликовано Аль Маасс в 2008 году в «Европейском журнале социальной психологии» и затем воспроизведено еще несколькими исследовательскими группами. Забавный факт: именно это исследование заставило меня увлечься шахматами.

В 2008-м я не могла решить, о чем написать свой бакалаврский диплом, и на одном из занятий наткнулась на концепт угрозы стереотипов, когда люди оказываются в ситуациях, где их социальная группа, согласно стереотипам, обычно показывает худшие результаты, причем вероятность худшего результата от этого только возрастает (очень рекомендую познакомиться с первичным исследованием Клода Стила на эту тему и со всеми работами группы Налини Амбади; но если вы воспользуетесь бесплатной «Википедией», то и этого будет достаточно). Я тут же заинтересовалась этой теорией и с восторгом узнала, что в моем университете уже сформирована группа по изучению угроз стереотипов. Я начала читать их исследования, надеясь, что кто-то из профессоров возьмет меня в качестве дипломанта, и наткнулась на исследование по шахматам – остальное теперь история. Ладно, может, не совсем история, но в детстве я научилась играть в шахматы (играла плоховато), а о тех, кто в них играет, почти не думала. Я не знала о проблеме, связанной с разницей результативности половых групп, но, как только услышала о ней, начала изучать способы ее преодоления. Идея книги о мире шахмат годами преследовала меня, пока я не приступила к ней в 2021 году. С тревогой я ожидала выхода моего взрослого дебюта и решила, что настало время написать свою «шахматную книгу». Для полноты информации: я позволила себе множество (МНОЖЕСТВО) творческих вольностей относительно шахмат; и если вы заметили ряд несоответствий… мне очень жаль. В любом случае надеюсь, что вы смогли в полной мере насладиться историей Мэллори и Нолана.

(Кстати, если вам интересно, мне все-таки удалось заполучить научного руководителя в той группе!)

Благодарности

Это моя пятая или даже шестая (обожемой!!) книга, и я вроде как уже не знаю, как еще выразить все благодарности, не повторяя предыдущие, так что вот маркированный список для вашего удовольствия.

Спасибо:

– Тао Ли, моему потрясающему агенту, которая поддержала мою идею и сказала, что наконец настало время написать собственную шахматную книгу. Не хочу, чтобы это звучало так, будто я толкаю речь на церемонии награждения, но она действительно моя скала на бугристом ландшафте издательского бизнеса. Без нее я бы погибла, словно беспомощный слепыш, оставленный на милость хищникам.

– Саре Блуменсток, моему редактору, презирающей разбивку текста на части. Она согласилась взяться за эту рукопись, несмотря на то что обычно редактирует только взрослые книги (как будто знала о моей изнуряющей тревожности и страхе перемен).

– Лиз Селлерс. Кстати, именно она придумала шутку с ладьей. Пожалуйста, сделайте эту женщину генеральным директором издательства «Пингвин»!

– Поло Орозко. Он дал нам с Сарой бесценные советы, благодаря которым книга стала лучшей версией себя для целевой читательской аудитории.

– Команде по продвижению и пиару в Беркли: Бриджет О’Тул, Ким-Салине Ай, Таре О’Коннор, Кристине Чиполле. Я благодарна за их существование и за все, что они делают, даже несмотря на то, что я плохо понимаю разницу между маркетингом и пиаром.

– Кристине Легон и Натали Вилкайнд, моим ведущим редакторам, Дженнифер Майерс, моему выпускающему редактору, и Лорел Робинсон, моему копирайтеру.

– Лилит – в очередной раз за идеальную обложку, потому что она способна создавать лишь шедевры, и Викки Чу с Ритой Франжи за дизайн.

– Синди Хван (заведующему редакцией) и Эрин Гэллоуэй (главному редактору). Они лучшие.

– Всем в «Беркли и Патнэм для юных читателей».

– Всем в СДЛА, в частности Андреа Кавалларо, Дженнифер Ким и Джесс Уоттерсон.

– Моим непревзойденным киноагентам, Жасмин Лейк и Мирабель Майклсон.

– Моим друзьям. Они знают, о ком речь, и, наверное, уже устали видеть свои имена в благодарностях.

– Тейлор Свифт. Ты знаешь, что ты сделала, Тейлор.

Об авторе

Али Хейзелвуд – автор «Гипотезы любви», бестселлера по версии «Нью-Йорк таймс», и статей по нейробиологии, в которых никто не разбирается и которые не заканчиваются хеппи-эндом. Али родилась в Италии, жила в Германии и Японии, а затем переехала в США, чтобы получить докторскую степень. Недавно она стала профессором, и это ее до чертиков пугает. Когда Али не работает, она бегает, ест кейк-попсы или смотрит научно-фантастические фильмы в компании двух своих кошачьих повелителей (и чуть менее кошачьего мужа).

Над книгой работали

Руководитель редакционной группы *Анна Неплюева*
Ответственный редактор *Дарина Андреянова*
Креативный директор *Яна Паламарчук*
Арт-директор *Галина Ересина*
Иллюстрации на обложке и в блоке *Cactusute*
Леттеринг *Вера Голосова*
Корректоры *Елена Гурьева, Лилия Семухина*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
mann-ivanov-ferber.ru

Сноски

1

Билл Най (р. 1955) – американский популяризатор науки. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

2

Начальная стадия любой шахматной партии. Игроки расставляют фигуры максимально выгодным для себя способом и мешают сделать то же самое противнику.

3

Имеется в виду настольная игра «Колонизаторы».

4

Ощущение, что за тобой наблюдает неживой объект художественного произведения.

5

Эстетика «Виско» (*англ.* VSCO) – стиль, вдохновленный одноименным приложением для обработки фото.

6

Алексис Клэр Роуз – персонаж канадского сериала «Бухта Шитта» (2015–2020), избалованная светская львица.

7

«Кристал лайт» (*англ.* Crystal Light) – смесь пудр, в которую нужно добавить воды, чтобы получить низкокалорийный цветной напиток.

8

Малала Юсуфзай (р. 1997) – пакистанская правозащитница.

9

Усиление позиции без столкновения с фигурами соперника.

10

Гамбит – начало шахматной игры, в которой ради атаки жертвуют фигурой или пешкой.

11

Двойная парковка – парковка параллельно машине, которая уже припаркована у тротуара.

12

Цугцванг – положение в шахматах, когда любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции.

13

529-й счет – плановая сберегательная система в США с пониженной налоговой ставкой для накоплений с целью обучения.

14

Середина шахматной партии.

15

Эндшпиль – конец игры.

16

Джейн Гудолл (р. 1934) – британский приматолог, антрополог и этолог.

17

Синдром упущенной выгоды (*англ.* FOMO) – тревожное состояние, при котором человек боится, что пропустил что-то важное.

18

Шахматный движок (*англ.* Chess engine) – специальная компьютерная программа для просчета шахматных ходов.

19

Алгебраическая нотация – стандартный метод для записи ходов в шахматной нотации, основан на системе координат из букв и чисел.

20

«Инстакарт» – американский сайт по доставке продуктов.

21

Американский банк, один из крупнейших инвестиционных банков в мире.

22

«Твиззлерс» (*англ.* Twizzlers) – клубничные конфеты в форме скрученной косички.

23

Антоним «преимущества» в шахматной лексике. В нокаут-турнирах черные после ничьей проходят в следующий круг, потому что белые имеют преимущество первого хода, из-за чего у них больше шансов на победу.

24

«Звездный крейсер “Галактика”» (*англ.* Battlestar Galactica) – американская медиафраншиза в жанре научной фантастики, стартовавшая в 1978 году. В нее входит ряд фильмов и сериалов, а также сопутствующая продукция (игры, книги, комиксы).

25

Имеется в виду мессианский иудаизм, последователи которого верят, что Иисус (Иешуа) – сын Бога и спаситель человечества.

26

«Хол Фудс» (*англ.* Whole Foods) – сеть магазинов органической здоровой еды, которая в Америке ассоциируется с экономной тратой денег. *Прим. ред.*

27

Стиль, при котором игрок не стремится к немедленному обострению игры и тактической борьбе, а старается, маневрируя фигурами, улучшить свою позицию, добиться определенных позиционных преимуществ: овладеть центром доски, получить перевес в развитии или в пространстве, создать слабости в позиции соперника и так далее.

28

◊ Признан иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента. *Прим. ред.*

29

Испанская партия, или дебют Руя Лопеса (1540–1580), – входит в число самых популярных дебютов в партиях гроссмейстеров, изобретателем которого считается испанский шахматист, один из первых в мире теоретиков и мастеров современных шахмат.

30

«Огненный фестиваль» (*англ.* Fire Festival) – один из крупнейших случаев мошенничества, организованный известными музыкантами.

31

«Сабрина Фэйр» (*англ.* Sabrina Fair) – пьеса Сэмюэля Тейлора, написанная в жанре романтической комедии.

32

Джеммер – одиночный игрок в роллер-дерби, который зарабатывает команде очки.

33

Archive of Our Own (сокр. AO3, с *англ.* – «Наш собственный архив») – некоммерческое пополняемое пользователями хранилище фанатского творчества (фанфиков и фан-арта), созданное в 2008 году. *Прим. ред.*

34

Популярное в 1960-х блюдо из желе. Внутрь клали любые подходящие начинки – от кренделькoв до творога и орехов.

35

Национальное квебекское блюдо, картофель фри с сыром и подливкой.

36

Андерсон Купер – известный телеведущий канала Си-эн-эн. Энди Коэн – популярный теле- и радиоведущий.

37

Разновидность шахматной игры, где каждому игроку на все ходы отводится не больше десяти минут.

38

Разновидность шахматной игры, где каждому игроку на все ходы отводится от десяти минут до часа.

39

Разновидность шахмат, предложенная Робертом Фишером.

Основное отличие от традиционных шахмат состоит в том, что изначальная расстановка фигур определяется случайным образом.

40

Ход пешки, при котором она съедает пешку противника, перемещенную на две клетки и прошедшую через поле, атакованное пешкой игрока.

41

Возможность заменить пешку любой фигурой того же цвета, кроме короля, когда пешка доходит до края доски.

42

Скорее всего, имеется в виду короткая рокировка. При такой рокировке король оказывается на начальной позиции коня, ладья – на позиции слона.

43

«Шестая страница» – колонка сплетен в «Нью-Йорк пост».

44

Каспаров действительно дал такой комментарий журналистам, когда описывал свое противостояние с венгерской шахматисткой Юдит Полгар. Надо отметить, что это было до того, как Полгар обыграла его в 2022 году и Каспаров признал: «Мы все порой ошибаемся». Еще позднее он сказал: «Мы не воспринимали Полгар как слабый пол. Она была одной из нас».

45

«Кинко» (*англ.* Kinko’s) – одна из крупнейших сетей магазинов копировальных услуг и бизнес-услуг в мире. *Прим. ред.*

46

Роберт Норман Росс (1942–1995) – американский художник, преподаватель рисования и ведущий обучающей телевизионной программы «Радости живописи». *Прим. ред.*

47

Сайт-имиджборд, созданный в 2013 году, который неожиданно для своего создателя облюбовали представители маргинальных слоев.

48

Dragostea Din Tei (*рум.* «Любовь под липами») – самая популярная песня молдавской поп-группы O-Zone, хит 2004 года.

49

Появление этого антикапиталистического лозунга связывают с высказыванием, которое приписывают Руссо: «Когда людям будет нечего есть, они съедят богачей».

50

Город в Португалии.

51

Шахматный дебют, относится к открытым началам. Основная идея – создать сильный пешечный центр.

52

Считается одним из агрессивных видов дебюта, когда одна из сторон жертвует фигурами ради потенциальной выгоды.

53

Имеется в виду роман американского автора Леи Джонсон в сегменте young adult. На русском языке книга не издавалась.

54

Вероятно, автор вдохновилась логотипом чемпионата мира по шахматам в Лондоне 2018 года, который похож по описанию. Логотип наделал много шума в шахматном мире, его даже прозвали «Камасутра».

55

Консолидация – укрепление шахматных позиций для достижения поставленных целей.

56

Маг-самоучка (эльф) из игры «Дрэгон эйдж».

57

Это разные названия одного и того же турнира. Еще он называется Вейк-ан-Зее.